

В И К Т О Р
МАЛЬКОВ

«ЛИС
В ЛЬВИНОЙ
ШКУРЕ»

ВЕЛИКИЙ
РУЗВЕЛЬТ

Виктор Мальков

**Великий Рузвельт.
«Лис в львиной шкуре»**

«Яуза»

2018

УДК 929 Рузвельт Ф.
ББК 63.3(7Сое)-8 Рузвельт Ф

Мальков В. Л.

Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре» /
В. Л. Мальков — «Яуза», 2018

ISBN 978-5-04-090372-6

«Сегодня утром я убил свою бабушку!» – этой скандальной фразой президент Рузвельт возвращал внимание отвлекшихся собеседников. Он всегда знал, как заставить себя слушать, и привык добиваться своего любой ценой. Недаром биографы называют его и «львом», и «лисом» (а может, следовало бы «лисом в львиной шкуре»?), его прославляют как спасителя демократии и проклинают как «диктатора», величают «воплощением мужества» и осуждают как политического «жонглера» и «гроссмейстера предвыборного плутовства». Полжизни проведя в инвалидном кресле, Франклин Делано Рузвельт излечил и поднял на ноги собственную страну – и сам встал рядом с Отцами-основателями, создавшими Соединенные Штаты по библейской заповеди «Встань и иди!». Эта книга – лучшая биография настоящего гения власти, величайшего американского президента XX века (и единственного, избравшегося на этот пост четыре раза!), который вытащил США из Великой депрессии и в союзе со Сталиным привел к победе во Второй Мировой войне.

УДК 929 Рузвельт Ф.
ББК 63.3(7Сое)-8 Рузвельт Ф

ISBN 978-5-04-090372-6

© Мальков В. Л., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Введение	7
Глава I	9
Путь наверх	9
Главный горько-сладкий приз	31
Глава II	38
Расчетная точка. Паника	38
Как помочь «забытому человеку»?	47
Реформы «ста дней»	57
Размышления об истоках государства «всеобщего благосостояния»	64
Глава III	72
Рузвельт: одна треть нации живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается	72
Мятежные голоса	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Виктор Мальков
Великий Рузвельт.
«Лис в львиной шкуре»

© Мальков В. Л., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Введение

Тема, обозначенная в названии этой книги, неисчерпаема и принадлежит к категории повышенной сложности. Хронологически она охватывает огромный период и, строго говоря, имеет прямое отношение к нашему времени. Больше полувека, насыщенных невероятными по значению и напряжению событиями. Благодаря скачку цивилизации с конца XIX века мир вступил в новое измерение. Менялось всё. Патриархальный уклад хозяйственных отношений, быт старых поместий, деревенских поселений и фабричных городов, оснащенных газовыми горелками и транспортом на лошадиной тяге, уступили место государственным законам о наемном труде, «экономике дымных труб» в освещенных огнями электрических фонарей и реклам больших городов, фантастически богатым банкирским и торговым домам, подземной железной дороге и наводнившим улицы автомобилям, воздушному транспорту. Разрыв между бедными и богатыми приобретал гигантские и все растущие размеры, порождая трущобы «внутреннего города» и роскошные пригороды олигархов. Все увеличивающийся приток иммигрантов сопровождался обострением классовых, расовых и межэтнических конфликтов.

На глазах у поколений, вошедших в период зрелости в первой трети XX века, внешний мир обретал совершенно новые очертания. Локальные конфликты перерастали в мировые войны, распадались империи, революции обретали характер цепной реакции, экономические кризисы становились все разрушительнее, а упадок культуры – прогрессирующим явлением. Усовершенствование оружия уничтожения привело к созданию атомной бомбы.

Франклин Делано Рузвельт, ставший 32-м президентом США, с юношеских лет находился в гуще этих перемен, наблюдал их с близкого расстояния и в разных географических поясах. У себя на родине в США, в Европе, в Центральной и Южной Америке. Он был их участником, а с определенного момента непременным инициатором и исполнителем тех или иных решений, в зависимости от которых объективно оказывались миллионы людей, целые народы, армии и флоты. Политическая история США с начала XX века и вплоть до конца Второй мировой войны напрямую связана с именем Рузвельта. Понятно, что найти правильные пропорции в воссоздании общего внешнего фона и не потерять связующую нить в жизнеописании личности, которая на большом отрезке времени была действующим фактором мировой истории, является делом непростым.

Но помимо трудности в передаче исторического контекста существует и другая специфическая сложность для историка, выступающего в жанре биографии. Удивление всех, кто когда-либо старался увидеть и показать во всем возможном правдоподобии незаурядную личность Рузвельта, вызывало открытие, сколь органично для окружающих его членов семьи, родных, друзей, политических единомышленников и оппонентов, ближайших помощников он входил и оставался до конца своих дней в избранную им для себя жизнь карьерного политика, государственного деятеля, президента США, Верховного главнокомандующего. Им были проявлены поразительные выдержка и самообладание, несмотря на страшный удар природы, сделавший его навсегда инвалидом, и приговор политического истеблишмента, отказавшегося в какой-то момент видеть в нем себе равного претендента на высшие должности и вообще на участие в каких-либо политических кампаниях. Загадкой для очень многих является, каким образом Рузвельту хватило сил, минуя болезненную реакцию ухода в себя, овладеть защитным механизмом от неврозов и не возводить между собой и окружающим миром невидимую стену одиночества.

Рузвельт, будучи избранным президентом США в трагическом для страны 1932 г., ухитрился при этом сохранить хладнокровие и рассудочность в условиях всеобщего страха и растерянности. Многие его современники, люди 30-40-х годов, политики, журналисты,

дипломаты и военные деятели не только вообще не замечали у него (до самых его последних дней) никаких отклонений, но порой даже напрочь забывали, что перед ними человек в инвалидной коляске, который не в состоянии самостоятельно передвигаться. Личность Рузвельта, его не типичная для американского президента мобильность, постоянные общения с народом в самых различных местах и в самое разное время, выезды на встречи в верхах в Тегеран, Ялту, Касабланку, Канаду и т. д. создавали образ абсолютно уверенного в себе человека, всегда в любых ситуациях сохранявшего уравновешенность. Какие-то черты делали его похожим на Моцарта от политики. И все же, что скрывалось за внешней личиной и высоким физическим тонусом этого жизнелюбивого, улыбающегося знаменитой улыбкой человека? Вот вопрос, который всегда будет волновать исследователей, и едва ли кто-либо сегодня может сказать, что знает на него исчерпывающий ответ.

В англоязычной литературе существует большое число работ историков, экономистов, социологов и писателей о Рузвельте. Право называться классическим пилотным трудом принадлежит двухтомному исследованию Роберта Эммета Шервуда, одного из близких советников Рузвельта, писателя и драматурга, получившего возможность использовать материалы рузвельтовской библиотеки в Гайд-Парке и, в частности, архив Гарри Гопкинса¹. Перечень трудов отечественных авторов невелик. Но и те, что есть, написаны на вторичных источниках, т. е. преимущественно на книгах зарубежных авторов, иногда добротных, а иногда и поверхностных, конъюнктурных. Свою задачу автор предлагаемой вниманию читателя книги видит в том, чтобы по возможности полнее использовать доступные ему разнообразные архивные источники с тем, чтобы облик его героя в интерьере времени выглядел максимально достоверно. Однако достижение полного «сходства», разумеется, всегда будет оставаться лишь постоянно удаляющейся целью. Данное обстоятельство оставляет надежду, что в отечественной исторической и социологической литературе появятся новые работы о выдающемся американском политике и государственном деятеле, чье влияние и пример, в том числе и для России, так остро сознаются в наши дни.

И еще об одном соображении, важном для понимания структурных особенностей работы, проистекающих из характера жизненного пути Франклина Д. Рузвельта. Вернемся снова к Р. Шервуду, в 1946 г. взявшему на себя миссию стать первым летописцем истории деятельности рузвельтовской администрации в годы Великой депрессии и войны и столкнувшегося с переплетением в ней двух взаимодополняющих начал. Когда знаменитый спичрайтер Рузвельта задался вопросом, как полноценнее передать эту историческую реальность, он решил обратиться за советом к Элеоноре Рузвельт, написав ей 17 мая 1946 г. о своих размышлениях: «Я убежден безоговорочно, и я знаю, что Гарри (Гопкинс. – В.М.) думал таким же образом, что история не позволяет отрывать внешнюю политику Вашего мужа от его внутренней политики, хотя в последнее время некоторые люди, кажется, стали думать, что они отделены друг от друга непроницаемой перегородкой. Американский народ никогда бы не смог оказаться подготовленным и материально, и духовно для героических свершений в годы войны, если бы мы не вели ее за полное восстановление нашей национальной веры, которая возродилась за восемь лет социального прогресса, предшествовавшего Пёрл-Харбору. История никогда не должна потерять из виду этот важный факт»².

Шервуд оставил свое напутствие всем будущим искателям смысловой канвы «рузвельтовской революции». Оно могло бы стать эпиграфом и к этой книге.

¹ *Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. In Two volumes. N.Y., 1950.*

² *The Houghton Library. Robert Emmet Sherwood Papers. Sherwood to Eleonore Roosevelt. May 17, 1946.*

Глава I

Ранний Рузвельт

Путь наверх

Единственный наследник состоятельной четы Джеймса и Сары Рузвельт, представитель избранного клана аристократических семей, живущих в долине реки Гудзон, выше Покипси, вырос в поместье-маноре вблизи тихого, незаметного поселения Гайд-Парк на севере штата Нью-Йорк. В самом живописном месте лесопарка на отвесном берегу реки находился большой хорошо обустроенный в английском стиле дом с подсобными строениями, окруженный старыми дубами и вязами, цветником и яблонями, предметом зависти всей округи. Сохранившиеся навсегда яркие воспоминания самого знаменитого американца XX века были связаны с этой уютной, безмятежно спокойной жизнью баловня родителей в двухэтажном гостеприимном особняке с огромным плодоносящим садом, сбрасывающим осенью удивительные своими размерами ароматные плоды, источающие непередаваемый запах детства. Дом в Гайд-Парке обладал особым притяжением благодаря тысяче примет и знакомых предметов, и поэтому, последовательно покорив все вершины политической карьеры – от сенатора законодательного собрания штата до президента США, маленький мальчик, ставший ровно через 30 лет первым лицом в государстве, мечтал когда-нибудь вернуться в этот сад и заняться выращиванием плодовых деревьев, фермерским трудом. Если это не было столь типичным для Франклина тяготением к словесным бравадам, то можно говорить о силе наследственности. Его дед был садоводом.

При рождении и после крещения в местной церкви мальчику дали имя Франклин Делано Рузвельт. Это случилось 20 января 1882 г. Будущий президент был окружен любовью родителей и отвечал им тем же, а еще послушанием и прилежностью в общении с частыми преподавателями, которые последовательно сменяли друг друга в доме Рузвельтов. Его отец Джеймс Рузвельт, потомок первых переселенцев из Голландии и довольно состоятельный человек, заработавший на железнодорожном бизнесе, был хорошо известен в тех кругах, которые контролировали государственные институты в Вашингтоне, но неизменно отклонял предложения стать послом либо подключиться к большой политике, как это сделал его близкий родственник Теодор Рузвельт, ставший в 1904 г. президентом США. Сколотить солидное состояние Джеймсу Рузвельту помогли вложения в динамично развивающийся железнодорожный бизнес.

Жизни сельского эсквайра Джеймс Рузвельт отдал свое предпочтение перед тяготами деловых операций и светской круговерти. Впрочем, он сумел заставить говорить о себе большой и сплоченный клан Рузвельтов. После Гражданской войны этот красивый величественный франт, к недоумению и неудовольствию родственников, вернулся в лоно Демократической партии, продемонстрировав политическую дальновзоркость и личную отвагу. Маленький Франклин внутренне уважал выбор отца, но сохранял независимость в суждениях касательно планов на будущее. Ему не нравилось внимание его горячо любимой матери к его белокурым длинным волосам, и он настоял на том, чтобы она избавила его от них. Во время прощального обеда в Белом доме, данного в 1887 г. президентом-демократом Кливлендом, сопровождавший отца пятилетний Франклин внимательно выслушал «напутствие» уходящего в отставку усталого президента, пожелавшего ему никогда не быть президентом США, но, по-видимому, не придавал серьезного значения этому эпизоду¹ (далее сноски см. в Примечаниях. – *Прим. ред.*). Мать, Сара (Салли) Делано, пыталась долгое время добиться

от сына следовать советам Кливленда, сохранив его для пасторальной идиллии в стиле «гудзоновских семей», но потерпела неудачу.

Красивая и статная Сара Делано была на 26 лет моложе своего избранника, недавно овдовевшего Джеймса Рузвельта, с которым она познакомилась в 1880 г. в Нью-Йорке на обеде у Теодора Рузвельта, будущего президента США. Сару не остановило, что ее избранник имел сыновей от первого брака. Европейски образованная, она обладала волевым, даже авторитарным характером и, хотя никогда не употребляла его во вред окружающим, тем не менее до конца дней своих старалась играть роль всенепременного советника, а в критических случаях и требовательного наставника сына, невестки и внуков. Выбор частного колледжа в Гротоне (штат Массачусетс), основанного преподобным Эндикоттом Пибоди, для подготовки Франклина к университету отчасти был связан с ее, Сарой, обычаем судить о людях согласно занимаемой ими социальной позиции. От отца она унаследовала очень солидное состояние, что позволяло ей чувствовать себя никому и ничем не обязанной материально и следовать своим правилам. Ее супруг был попроще, но оба они соблюдали верность принципу *noblesse oblige*, ставящего благородство, благовоспитанность, порядочность, верность старинным стандартам поведения во главу угла.

Сара была воспитана в духе культуры старой, доброй Англии, Гротон же, – пожалуй, в то время самый эксклюзивный, аристократический колледж в Америке – строил свою деятельность по британской модели. С системой студенческих префектов (старост), поддерживающих принцип старшинства, униформой для студентов, физическим закаливанием и церемонным прощанием с ректором и его женой перед отходом ко сну. Основатели колледжа стремились создать в нем атмосферу товарищества, способную вылепить из воспитанников личности высоких христианских помыслов, джентльменов и широко эрудированных молодых людей. Дисциплину и постоянные строгости каждодневной жизни заставляли некоторых подростков сбегать из колледжа. Но те, кто выдерживал тяготы пребывания в Гротоне, получили хорошую волевою и интеллектуальную закалку, позволившую и дальше не пасовать перед трудностями. «Пережить горести в Гротоне, замечает один из биографов Рузвельта, означало быть готовым к любым испытаниям»².

Все воспитанники испытывали огромное уважение к ректору и трепет перед ним. Много позднее Франклин Рузвельт направил письмо старому ректору, в котором, не боясь пафосности, заявил, что он (ректор) для него, президента США, значит больше, чем многие другие, за «исключением моих отца и матери». Помимо проявленной выдержки и умения находить удовольствие в спортивном тренинге и командных играх Рузвельт, не имевший опыта школьного обучения, легко усвоил искусство скрывать свои «домашние» привычки, способные сделать его изгоем в коллективе мальчишек. Он был уживчив, легко находил баланс в общении со сверстниками разного воспитания и социального происхождения, незлопамятен. Однако он не стал слишком популярен среди воспитанников Гротона, возможно, потому только, что его дядя республиканец Теодор Рузвельт – воинствующий проповедник имперской политики и гроза олигархов, будучи избран губернатором штата Нью-Йорк, вызвал к себе неоднозначную реакцию. Пацифисты и антиимпериалисты, не уставая шельмовать покровительствующего Франклину неистового Тедди в левой печати за его геополитические взгляды, изложенные в пламенных речах в защиту американской военной мощи, экономической и территориальной экспансии, переносили критику и на его двоюродного племянника.

Окончание учебы в Гротоне для Франклина совпало с изменениями в укладе общественно-политической жизни США. Наступление поры юности было отмечено бурной индустриализацией страны и превращением ее в мирового финансового и промышленного лидера. Невидимые нити, соединявшие его с буколическим существованием в окруженном садом родительском доме на Гудзоне, стали ослабевать, порой помыслы возмужавшего

Франклина устремлялись вслед за антиолигархическими идеями Теодора Рузвельта, за браваурной деятельностью политика-экстремала, чьи помыслы о мировом доминировании Америки простирались очень далеко. В какой-то момент, еще находясь в Гротоне, Франклин даже подумывал о добровольном уходе на испано-американскую войну 1892 г., пристально следил за Бурской войной в Южной Африке, выражая сочувствие колонистам. Но даже купив в подражание Тедди пенсне в золотой оправе, Франклин культивировал в себе в противовес обожаемому дяде не почитание принципа «разделяй и властвуй» и права Америки предписывать нормы поведения другим странам «во имя свободы», а идею сотрудничества и деколонизации. Это был первый невидимый для глаз шаг к конфликту Франклина с двоюродным дядей, копией которого он быть не хотел. Узнав о том, что на президентских выборах 1912 г. Франклин Рузвельт поддержал его соперника демократа Вудро Вильсона и его программу «новой свободы», разъяренный Теодор Рузвельт назвал это предательством и объявил «перебежчику» священную войну. Раскол в клане Рузвельтов между двумя главными его ветвями стал фактом. Он не был преодолен и по прошествии десятков лет.

Но вернемся назад. Осенью 1900 г. Франклин поступил в Гарвард, а в декабре того же года случилась беда – умер горячо им любимый отец. Сара Рузвельт приняла на себя все заботы о сыне, включая почти ежедневное общение с ним через переписку, функции контролера за финансовыми расходами и всем остальным, что составляет тылы молодого человека, серьезно взявшегося за учебу с целью ускоренно, экстерном преодолеть ее ступени. Мать вскоре смогла убедиться, что Франклин был весьма успешен в учебе и в университетской внеаудиторной жизни, демонстрируя заметные способности наряду с формированием широких взглядов на злободневные проблемы национальной и региональной жизни, которые на историческом переломе от XIX к XX веку настолько назрели, что, казалось, ими был пропитан воздух. Ожидание прихода новой цивилизации и требования социальной справедливости для неимущих, женщин, жертв расизма и ксенофобии вызывали у Франклина сочувствующий отклик. В своих студенческих рефератах он затрагивает вопросы, входившие в программу прогрессивных реформ, которую отстаивали реформаторы в обеих главных партиях.

Самой яркой и противоречивой фигурой из них на политической авансцене страны оказался Теодор Рузвельт. «Лихой рейнджер», писатель и публицист обличал монополии, олигархов и обещал восстановить в правах всех, кто ими был разорен, обездолен и обесчещен. Правда, полагал, что деградация низших классов есть продукт естественных законов. Его яркая победа на губернаторских выборах в штате Нью-Йорк в ноябре 1898 г. запомнилась всем и даже привела его племянника в члены республиканского клуба Гарварда. Надев на себя красную кепку, Ф. Рузвельт принял участие в факельном шествии в честь пламенного сторонника «разгребателей грязи» – противников «баронов-грабителей» и их покровителей в политических кругах Вашингтона. И в 1901 г., несмотря на усиливающиеся расхождения во взглядах с дядей, Франклин отдал свой голос республиканцам, кандидатом в вице-президенты от которых баллотировался Теодор Рузвельт. Пуля анархиста Леона Шолгоша, смертельно ранившая 6 сентября президента Уильяма МакКинли, сделала полковника «лихих рейнджеров» хозяином Белого дома³. Ни для кого так очевидно эти последовавшие одно за другим события не были столь же ясным голосом свыше, как для матери успешного студента Гарварда вдовы Джеймса Рузвельта, перебравшейся в Бостон, чтобы быть поближе к сыну. Но она тщательно скрывала свои предчувствия.

В ее понимании, сосредоточившись на пополнении собственного багажа знаний и посвятив всего себя помыслам повторить путь отца, Франклин мог бы рассчитывать в обозримом будущем на блестящую юридическую карьеру. Но Саре Рузвельт предстояло пережить шок: в конце 1903 г., не выполнив намеченную им самим программу обучения в Гарварде, двадцатидвухлетний Франклин Рузвельт влюбился в свою «отдаленную» (в

пятом колене) девятнадцатилетнюю кузину Анну Элеонору Рузвельт, племянницу Теодора Рузвельта, в ту пору прочно завоевавшего репутацию «сильной личности», олицетворения «новой Америки», практикующей «дипломатию канонерок» и мирового арбитра.

Некоторые биографы Франклина Рузвельта полагают, что его роман, а затем и женитьба на Элеоноре Рузвельт была частью обдуманного стратегического плана⁴. Существует также поверие, что и мечтательная, серьезная и застенчивая Элеонора Рузвельт, соглашаясь на брак, руководствовалась не чувствами к молодому повесе, слывшему в обществе легкомысленным почитателем анекдотов, пирушек, лошадей и яхт, а наставлениям любящего ее дяди и опекуна Теодора Рузвельта. Каким-то будто бы седьмым чувством «дядя Тедди» надеялся на превращение «гадкого утенка» в создание, способное приручить сына Джеймса и Сары Рузвельт и сделать клан Гайд-Парка опорой и продолжателем политической «династии» Рузвельтов, своей напористостью, суперпатриотизмом и бесстрашием призванной подчеркнуть законность и необратимость амбиций «первой» державы мира, каковой на переломе веков явили себя Соединенные Штаты.

Однако ставить под сомнение влюбленность и искренность чувств молодой пары и преувеличивать значение каких-либо посторонних расчетов значит просто-напросто оказаться во власти салонных сплетен более чем вековой давности. О бескорыстии вспыхнувшего влечения Франклина к Элеоноре говорит то, что оно возникло в очень отдаленном прошлом, в доме тетки Элеоноры в 1898 г. на семейном вечере. Франклину было шестнадцать лет, Элеоноре – четырнадцать. Они танцевали, не зная, что им вскоре придется расстаться, и не задумываясь о будущем. Оба сознавали, что они не имеют права это делать. Через два года Франклин поступил в Гарвард, а Элеонора, потерявшая и мать, и отца, была отправлена бабушкой (матерью Теодора Рузвельта) учиться в Англию, в колледж в Алленсвуде – престижном закрытом учебном заведении для девушек. Никакой переписки между молодыми людьми не было и не предполагалось. Следующая случайная встреча произошла только после возвращения Элеоноры из Англии летом 1903 г. О договоренности между ней и Франклином о чем бы то ни было не могло быть и речи.

О первой встрече все забыли, никто не «инструктировал» ни того, ни другого, никто заранее не подготавливал их к брачному союзу. Более того, окружающие и с той, и с другой стороны вплоть до конца 1903 г. не знали, что ставшие взрослыми молодые люди, признавшись друг другу в любви, встречались то в Нью-Йорке, то в Вашингтоне, то в Гротоне. «Мало кто видел, – пишет биограф Элеоноры Рузвельт, – что восхищение переросло в любовь»⁵. Сара Рузвельт, всегда имевшая самую доверительную и надежную информацию о сыне, готовая обсудить с ним любые сокровенные новости и рассчитывавшая на откровенность, записала в свой дневник в конце декабря 1903 г.: «Франклин поделился со мной совершенно поразительным заявлением». Много лет спустя она пояснила: «при нашем полном неведении» ее Франклин страстно влюбился в свою девятнадцатилетнюю очень далекую кузину и твердо объявил матери, что намерен жениться на ней без промедления. Сара пыталась возражать и делала это очень настойчиво, полагая, что время для брачного союза ее сына с Элеонорой еще не наступило и, когда оно наступит, она полюбит Элеонору и примет ее как дочь. А сейчас опасается, что «новое счастье» может заставить Франклина потерять интерес к учебе и дому. Мать проиграла эту дуэль.

Элеонора, испытывая боль, знала или догадывалась о сомнениях матери Франклина и стремилась снять их своим искренним заверением в преданности Франклину и желании исполнить любую прихоть Сары. «Вы должны знать, – писала она 9 декабря 1903 г. в по-настоящему трогательном письме к Саре, – что я всегда буду стараться исполнить любое Ваше желание»⁶. Этим она хотела сказать, что Сара не только не теряет сына, но и обретает

преданную, послушную дочь. Незадолго до этого, 21 ноября 1903 г., Франклин сделал Элеоноре предложение стать его женой.

При всей своей скромности, тактичности и желании не казаться капризной Элеонора не могла служить инструментом тактических замыслов дяди, Теодора Рузвельта, впрочем, если они вообще существовали. Дитя неблагополучной семьи (отец Элеоноры, брат Теодора, был алкоголиком и человеком без определенных занятий), благодаря своей любви к книгам, любознательности и самостоятельному мышлению Элеонора нашла в британском Алленсвуде источник неортодоксального для республиканизма Теодора Рузвельта свободомыслия, впитавшего в себя элементы фабианского социализма, антисоциал-дарвинизма, феминизма и пацифизма. Среди постоянных собеседников молоденькой Элеоноры в Алленсвуде была Беатриса Вебб, идеолог английского лейборизма. Тяга Элеоноры к людям с левыми убеждениями во многом имела своим источником подобного рода контакты.

Любовь Франклина и Элеоноры была подлинной, без примеси политики и политиканства. Она устояла перед настойчивыми попытками Сары уговорить сына оттянуть вступление в брак с тем, чтобы «проверить себя» и окончить университетский курс, но получила подтверждение в решении Франклина летом 1904 г. покинуть Гарвард и продолжить учебу в Школе права в Колумбийском университете с тем, чтобы быть ближе к возлюбленной. Осенью 1904 г. он осуществляет свое намерение и переезжает в Нью-Йорк. Тогда же в декабре было наконец объявлено о помолвке Франклина и Элеоноры Рузвельт. Венчание намечалось на 17 марта 1905 г. В связи с этими событиями президент США Теодор Рузвельт 29 ноября 1904 г. направил Франклину специальное послание. В нем, еще раз блеснув талантом владения литературным письмом, «лихой рейнджер» выразил напутствие молодым в патетически отеческой форме: «Мы все чрезвычайно обрадованы хорошей новостью. Я люблю Элеонору так сильно, как если бы она была моей дочерью; и я люблю тебя, и доверяю тебе, и верю в тебя. Никакой другой успех в жизни – ни избрание президентом или что-то другое в этом роде – не может сравниться с радостью и счастьем, которыми награждает любовь достойного мужчину и достойную женщину... Ты и Элеонора очень достойные и мужественные люди, и я верю, что вы любите друг друга самозабвенно, а это означает, что вам будет открыт путь к золотому веку»⁷.

Необычайно популярный (и не только в своей стране) президент Теодор Рузвельт, сыгравший роль миротворца на заключительном этапе Русско-японской войны, полностью доминировал во время свадебной церемонии. «Ура Тедди!» – кричали наиболее восторженные участники свадебной церемонии после венчания в здании на пересечении 76-й улицы и Пятой авеню в Нью-Йорке в назначенный день 17 марта 1905 г. Новобрачные оказались оттесненными и казались покинутыми гостями, облепившими кряжистую фигуру широко улыбающегося «дяди Тедди». Элеонора хранила спокойствие и выдержку, Франклин наблюдал с высоты своего роста за этой сценой, находя ее забавной. Во второй половине дня новобрачные отправились в Гайд-Парк отдохнуть перед длительным свадебным путешествием. Их же почетный свидетель, президент, возбужденный вниманием, выступая перед пестрой аудиторией по поводу Дня Святого Патрика, темпераментно говорил о взаимопомощи в социально неоднородном обществе. Но этого Франклин и Элеонора уже не слышали, они были поглощены заботами, связанными с путешествием в Европу и экзаменами Франклина в Школе права.

Медовый месяц, проведенный молодой четой в Европе – Италии, Германии, Франции, Англии, Швейцарии – в ситуации нарастающего европейского кризиса позволил молодой чете сориентироваться во многих текущих вопросах благодаря встречам, прессе, книгам, которые усердно покупал Франклин (он не очень любил читать книги, больше – собирать), знакомясь с настроениями, которыми жила Европа. Особое впечатление на них произвела реакция европейцев на заключение Портсмутского мира (5 сентября 1905 г.) между Россией

и Японией при энергичном содействии Теодора Рузвельта. Франклин писал о смене отношения к США в Европе после длительного периода охлаждения. В Шотландии в семье друзей они обсуждали важные проблемы текущей политики и государственного устройства в обществе Сиднея и Беатрисы Вебб, сумевших позднее нанести ответный визит Рузвельтам в Гайд-Парке. Элеонора представила Саре английских сторонников как «крупных социологов». В ряде случаев Франклин дерзал проверять себя в выступлениях перед взыскательной иностранной аудиторией. Эти опыты общения с европейской публикой показались самому Франклину неудачными. Элеонора не соглашалась: «Это была очень хорошая речь». Темой выступления Франклина были вопросы садоводства.

Романтика медового месяца не помешала лучшему пониманию европейских реалий. Рост национализма, кипение политических страстей, появление новых, как правило, левых или левоцентристских партий, активизация рабочего движения, необычайная активность женщин, сложные дипломатические маневры, не предвещавшие ничего хорошего, милитаристские высказывания политиков. Европа пришла в движение. Впечатления, которые вынесла молодая чета, были сложными, их следовало привести в порядок, но одно стало очевидным – рассчитывать на status quo не приходится ни в Европе, ни в Америке.

Изменения произошли и в быту, и в университетских занятиях Франклина. Он окончательно перебрался в Нью-Йорк, чтобы жить вместе с Элеонорой в скромном доме, подобранном для них матерью Франклина на 36-й улице на Манхэттене. Покорение вершин юриспруденции Франклин продолжил в Школе права при Колумбийском университете. 2 мая 1906 г. родился первенец молодых Рузвельтов – дочь Анна Элеонора, любимица Франклина. Занятость в классах Школы права, нежелание поступиться времяпрепровождением в компаниях с друзьями за игрой в покер или гольф часто вызывали трения, ведя к возрастанию замкнутости Элеоноры и учатившимся отвлечениям Франклина от удручающе монотонного штудирования юридической литературы и переключению на что-то другое, далекое от академических занятий и семейных забот. Его профессора констатировали, что он был умеренно прилежным студентом, но никогда не испытывал подлинного интереса к трудоемким правовым дисциплинам. В июне 1906 г. он решил покончить с учебой в Школе права и записался на восьмичасовой экзамен с расчетом быть принятым в Нью-Йоркскую ассоциацию юристов, открывающую дорогу к адвокатской практике.

В феврале 1907 г. он получил соответствующую регистрацию. Она вместе со связями его покойного отца, Джеймса Рузвельта, открыла ему дорогу в процветающую уолл-стритовскую юридическую фирму «Картер, Ледьярд и Мильберн», обслуживавшую моголов большого бизнеса – «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Америкен табако компании». Молодому юристу удалось убедить руководство фирмы, что он будет полезен во всем, что касается морского права. Любовь к морю, к яхтам повышала шансы Ф. Рузвельта. Глава фирмы Льюис Ледьярд был командором нью-йоркского яхт-клуба и давним деловым партнером отца Франклина Джеймса Рузвельта. Новоиспеченному эксперту по правовым вопросам мореходства исполнилось 25 лет.

В сентябре 1907 г. Франклин приступил к черновой работе в судебных коридорах и в справочных залах библиотек в должности младшего клерка юридической фирмы с окладом в 10 долларов в неделю. Как-то по прошествии многих лет Элеонору спросили, был ли Франклин удовлетворен своей работой. Она ответила: «Я не думаю, что ему нравилась работа юриста, но он был рад общению с людьми... Это было хорошим опытом». Франклин был выдержан, но, как заметило руководство фирмы, ему не хватало концентрации. Между тем семейное положение Рузвельтов усложнилось с рождением 23 декабря 1907 г. второго ребенка, на этот раз мальчика, названного в честь деда Джеймсом. Пришло время принимать решение, какой дорогой идти в будущее.

Один за другим историки рассказывают притчу о том, как Рузвельт делился своими планами на будущее с коллегами-клерками из юридической конторы «Картер, Ледьярд и Мильбурн». Он будто бы прямо заявлял, что юридическая практика общения с тупыми клиентами, пыльными коридорами муниципальных судов и бумажной пачкотней его не устраивает и что он по примеру «дяди Тедди» уходит в политику, чтобы стать президентом США. Причем он начнет с члена законодательного собрания штата Нью-Йорк, вслед за тем получит назначение на пост заместителя министра военно-морского флота и, наконец, перед решающим рывком займет должность губернатора штата Нью-Йорк. «Каждый, кто является губернатором Нью-Йорка, – объяснял он разинувшим рот коллегам, – имеет хороший шанс стать президентом»⁸. По-видимому, эта красивая история была сочинена где-то после 1932 г., поскольку смертельно опасная болезнь, одолевшая физически крепкого Франклина и ее непредсказуемые последствия в 20-х годах реально лишили его увидеть любимую мечту сбывшейся. Стало быть, едва ли кто-нибудь после провала демократов на президентских выборах 1920 г. мог воспринимать ее чем-то большим, нежели озорной первоапрельской шуткой вроде тех, которыми так любили обмениваться здесь и там выпускники Гарварда.

Да и сам выбор в пользу перехода из юриспруденции в политику Франклин сделал не без труда, столкнувшись с недовольством и противодействием матери, полагавшей, что ее сын должен идти по пути отца и вести «спокойную, размеренную жизнь в Гайд-Парке», наслаждаясь комфортом сельского эсквайра с твердым доходом, обычным кругом семейных забот и относительно скромными запросами. Без поддержки Элеоноры, которая, напротив, втайне полагала, что политика отвлечет Франклина от рутины уолл-стритовской конторы, не дающей выхода кипучей энергии ее мужа, хотя, выше всего ставя добропорядочность, она помнила слова из завещания отца своего дяди Теодора Рузвельта: «Я испытываю стыд за страну. Мы не можем больше выносить правительство столь же коррумпированное, как наше». Этот призыв «взяться за оружие» оставил ее равнодушной. Опасения, что политик легко может стать добычей владельцев салунов и хозяев городских конок, перевесили заботы о нравственном здоровье Франклина, готового от скуки впасть в депрессию, запить или раствориться в семейных заботах.

Если для матери сюрпризом было «обручение» ее сына с политикой, то для его жены Элеоноры столь же абсолютно неожиданным оказалось то, что Франклин, как и его отец, предпочтение отдал Демократической партии, внутренне почувствовав, что демократы лучше пропитались популистским духом, живее реагируют на ветер перемен. Никто не заметил, как начался процесс внутреннего размежевания «дяди Тедди» с представителем молодых демократов Нью-Йорка Франклином Рузвельтом. Никаких особых согласований с обожаемым дядей последнему не потребовалось и не могло быть. Франклин Рузвельт не нуждался в политическом паровозе. Все понимали, что Франклин сам знает, что делать. Обошлось простым уведомлением.

Дело в том, что Теодор Рузвельт в начале 1909 г. сдал свою вахту в Белом доме консервативному республиканцу У. Тафту. Правящая партия оказалась в состоянии внутреннего брожения и раскола. Причина: протестное движение за реальные реформы пустилось в самостоятельное плавание и приобрело общенациональный характер, в него оказались вовлечены главные общественные слои и классы⁹. Заметную роль приобрело социалистическое движение. Его лидер Юджин Дебс бросил вызов лидерам ведущих партий – Республиканской и Демократической. Молодой Рузвельт сам сумел убедиться, что растущая популярность социалистов объясняется низким уровнем жизни рабочих в основных отраслях экономики – угольной, автомобилестроении, сталелитейной, текстильной, швейной и т. д. Поездка Рузвельта в угольные районы штата Кентукки, затеянная как туристическое путешествие, неприятно поразила его и заставила задуматься. Лик подлинной трагедии шахтеров, вчераш-

них иммигрантов из многих стран, живущих впроголодь в лачугах и каждый день рискующих жизнью, стал выразительным проявлением тяги людей к новым ценностям.

Республиканская партия утратила ощущение этих новых, совсем неожиданных для поверивших в неповторимость Америки – «храма на холме» – как беспроblemного государства широкого и глубокого социального недовольства, несоответствия устаревшего законодательства с идущими переменами. Теодор Рузвельт, признанный харизматический лидер и идеолог партии, уйдя с головой в пропаганду военной мощи США и «жесткой силы», едва не проворонил крен влево среди рабочих, средних слоев, интеллигенции, фермеров и даже части крупной буржуазии. Поддержка им прогрессистского крыла республиканцев выглядела несколько запоздалой на фоне активизации фракции демократов в конгрессе и вне его стен в поддержку перемен и реформ, вызывавших всеобщее одобрение: регулирование железнодорожных тарифов в сторону их уменьшения, прямые выборы сенаторов, снижение подоходного налога и т. д. Демократы менялись на глазах, в лоне партии появились яркие политики и ораторы, завоевавшие славу защитников низов, рабочих и фермерских заступников, антимилитаристов и обличителей «баронов-грабителей»¹⁰. Среди них выделялась фигура университетского профессора Томаса Вудро Вильсона, дальновидного либерального реформатора, умеющего помимо всего прочего глобально мыслить в духе проектов нового мирового порядка без войн и сосуществования больших и малых народов, чья биография не была запятнана бюрократическими скандалами и близостью к коррупционным кланам.

Выборы губернаторов и членов законодательных собраний штатов в 1910 г. сулили демократам большой успех. В округе по выборам в законодательное собрание штата Нью-Йорк с центром в Покипси, т. е. поблизости от Гайд-Парка, демократы могли уверенно рассчитывать на победу, хотя в сельских районах фермеры по традиции продолжали голосовать за республиканцев. Потомственный молодой аристократ с магическим для сельского населения именем Рузвельт не мог не показаться лидерам местных демократов находкой, хотя некоторые инвесторы принятие его в компанию демократов считали ненадежным. Впоследствии сам Франклин говорил, что его «похитили» на улицах Покипси для того, чтобы сделать членом нижней палаты законодательного собрания в Олбани. Вскоре же политическая кампания настолько захватила Рузвельта, что, как вспоминала много позднее Элеонора, она «вытеснила его любовь к ней, навсегда заставив забыть романтику и счастливые дни женитьбы».

Накануне осенних выборов 1910 г., первых выборов в его жизни, 28-летний Франклин Рузвельт, отец четверых детей, по-прежнему напоминал старшекурсника Гарварда – высокий, худощавый, с голубыми глазами и правильными чертами лица, без единой морщинки на лбу. С неизменным желанием быть в центре событий он был недоступен для Элеоноры даже тогда, когда был вместе с семьей на отдыхе. Он уходил на яхте в океан, утром занимался лошадьми. Внезапное усложнение дел с выдвижением его кандидатуры на выборах в законодательное собрание Нью-Йорка полностью поглотило силы и время Франклина, который с головой погрузился в создание своего собственного избирательного блока, независимого от спонсоров и финансовых подпорок со стороны большого бизнеса. «Как вы знаете, – говорил он членам комитета по отбору кандидатов от демократов, – я принимаю предложение о выдвижении кандидатом, будучи абсолютно не зависимым от кого-либо. Я не обязан ни одному человеку, я не нахожусь под влиянием специальных интересов, я сам по себе. Я не должен вам говорить, что не намерен сидеть, сложа руки. Напротив, нам предстоит очень насыщенный событиями месяц...»¹¹

Франклин исколесил на автомобиле, красном «Максвелле» с открытым верхом, взятым в аренду, весь штат, за пять изнурительных недель пожав тысячи рук и неизменно обращаясь к встречавшим его избирателям с неформальными и теплыми словами «Друзья мои...». В отдельные дни он произносил до десяти речей, ни одна из них не сохранилась, но исто-

рики обнаружили в бумагах Рузвельта высказывание, приписываемое Аврааму Линкольну: «Я не убежден в своей победе, но я знаю, что я говорю правду. Я не могу быть уверенным в своем успехе, но я нахожусь на стороне добра. Я должен быть с теми, кто на стороне истины и должен расстаться с теми, кто живет во лжи». Франклин этой цитатой сумел растрогать черствых фермеров, по традиции с недоверием относящихся к демократам.

Активность экс-президента Теодора Рузвельта, вновь поднявшего знамя борьбы «против реакционеров» в своей партии с расчетом в какой-то момент снова включиться в гонку за Белый дом в качестве кандидата от третьей прогрессивной партии, сильно осложняла шансы Франклина. Однако он не боялся выглядеть отбившимся от стаи. «Я не Тедди», – говорил он, обращаясь к толпе. Собравшиеся отвечали ободряющим смехом, не улавливая различия между платформами обоих Рузвельтов, но интуитивно испытывая больше доверия к молодому политику, когда он обличал привилегии верхов, мошенничество и коррупцию властных структур. К тому же в отличие от дяди племянник демонстрировал превосходное чувство юмора, предельную близость к «людям, живущим в долине Гудзона», готовность встречаться с ними в самых отдаленных местах округа, в тавернах и на обочине дорог и представлять их интересы «каждый день из 365 дней в году и каждый час из 24 часов в сутках». Для «грязных» фермеров, населяющих штат и 60 лет голосовавших за республиканцев, ненавидящих демократов из надменных городов, не похожая ни на что, очень подкупающая своей простотой и лаконичностью манера общения с ними значила больше, чем длинное перечисление грандиозных задач, стоящих перед обществом в целом. Этот стоящий перед ними красавец верзила выглядел очень убедительным, когда говорил своим ясным и модулирующим голосом, что их фермерские лидеры продали их и что он будет их «настоящим представителем»¹². Харизма молодого Рузвельта блокировала пропаганду республиканцев, повесивших на него ярлык «богатого молодого человека», устроившего «водевильное путешествие в интересах фермеров».

В ноябре 1910 г. Франклин Д. Рузвельт, ничем не обязанный машине демократов, отвергнув навязчивые предложения о спонсорстве боссов партии и затратив на свою избирательную кампанию из семейных доходов 1700 долларов, одержал бесспорную личную победу в родном округе Датчес, традиционно республиканском. Число голосов, поданных за него, превосходило число голосов, поданных за список Демократической партии в целом, а она одержала победу в борьбе за пост губернатора штата (им был Джон Дикс) и завоевала большинство в законодательном собрании. В сентябре никому не известный «не раскрученный» политик превратился в ноябре в одного из наиболее известных демократов, стоящих в одном ряду с такими ветеранами прогрессивного крыла партии, как сенаторы Роберт Вагнер и Альфред Смит, его коллеги по законодательному собранию штата. Элеонора Рузвельт, уставшая думать о грозящем фиаско ее забросившего адвокатские дела супруга, переживавшая одиночество и растущее отчуждение от той половины клана Рузвельтов, которая оставалась с «дядей Тедди», в один миг превратилась в жену популярного общественного деятеля, лидера антиконсервативного блока в партии так называемых «инсургентов», решивших избавить партийную жизнь США от системы боссизма, олицетворением которой был пресловутый Таммани-холл, штаб-квартира демократов в Нью-Йорке.

Семья Рузвельтов, Франклин, Элеонора и четверо их детей (Элеонора была беременна пятым ребенком) переехали в столицу штата Нью-Йорк Олбани, поселившись в просторном доме на Стейт-стрит, который Франклин немедленно объявил «открытым домом» для своих избирателей. Дом стал местом шумных встреч «инсургентов» и новых друзей. О Рузвельте стало известно и всей стране как энергичнейшем поборнике все ширившегося движения за прямые выборы сенаторов в конгресс США и соответственно за отмену избрания их законодательными собраниями штатов. Незаметно для самой себя Элеонора оказалась втянута в эту многообразную деятельность мужа. Уже тогда близко знавшие их люди

отмечали, как незаменима стала она для мужа во всем, что касалось его прямых обязанностей сенатора и в развернувшейся фракционной борьбе. «Она все делала молча, спокойно и очень результативно», – вспоминал один из них¹³. Ее разумность и теплота множили число друзей Франклина. Она еще не стала «очевидной силой» в семейном тандеме, но постоянно помогала молодому сенатору корректировать его позиции и оценки, хотя, как это ни может показаться сегодня странным, Франклин раньше Элеоноры занял единственно верную позицию в области избирательных прав женщин, считая, что они должны быть уравнены в правах с мужчинами. Элеонора какое-то время придерживалась иного взгляда, полагая, что мужчина превосходит женщину интеллектуально, а поэтому ее претензии должны ограничиваться кругом домашних обязанностей. Вскоре она рассталась с этим заблуждением.

Франклин Рузвельт стал ключевой фигурой в составе законодательного собрания штата Нью-Йорк, собравшегося для продолжения законодательной деятельности в феврале 1911 г. Он получил кресло председателя комиссии по сельскому хозяйству и члена еще десятка комиссий. Поговаривали о замещении им в будущем должности губернатора штата. Но судьба политика, настроившего против себя боссов партии, напоминает скольжение по ломкому льду. «Старшие друзья» навесили на него клеймо «политического нахала и выскочки», упорно распространяя слухи о ненадежности «маленького Рузвельта», способного-де сыграть злую шутку со старой гвардией демократов, о его воинствующем антикатолицизме. Франклин и его сторонники решили ответить контрманевром, поддержав растущее движение в поддержку кандидатуры Вудро Вильсона на пост президента США.

Почти ежедневно в качестве неформального лидера «инсургентов», борцов против «машины», Франклин делает заявления для прессы. Время от времени он допускает ошибки, одновременно демонстрируя замечательный талант драматизации самых будничных, неприметных коллизий. Рузвельт неутомимо разъезжает по территории штата, забирается в медвежьи углы и агитирует за обновление партии и ее новых кандидатов в лидеры. «Регулярные» демократы обрушиваются на Рузвельта и его друзей как на предателей и заговорщиков. Поводом послужили почти ежедневные собрания «инсургентов» на первом этаже дома Рузвельтов в Олбани. Не проведя еще ни одного прогрессивного законопроекта через сенат штата, с репутацией осторожного политика, придерживающегося тактики «посередине дороги», Рузвельт становится едва ли не самым известным «новым лицом» в политическом истеблишменте Нью-Йорка.

В перипетиях изнурительной борьбы с республиканцами и «регулярными» демократами Рузвельт усвоил одно важное правило: его лицо должно быть узнаваемо избирателями, а сам он должен запомниться мужественной («до последней капли крови») борьбой за «общественный интерес». В 1912 г. в стране индивидуальных прав и свобод этот призыв становился украшением всех новоявленных политиков. Развивая повсеместно свою излюбленную тему о консервации природных богатств и сбережении лесов, Рузвельт умело подводил философское обоснование под правительственное регулирование использования земельных угодий, лесных массивов и водных богатств штата. Не спеша с активной поддержкой ряда назревших реформ (например, реформы, связанной с правами женщин и охраной их труда), «самый красивый» молодой сенатор с открытой улыбкой и серьезным лицом убеждал своих коллег и лоббистов спешить медленно, что создавало странное впечатление двойной игры – одновременно он принимал сторону то консерваторов, то либералов¹⁴. По крайней мере, по мнению своего будущего бессменного министра труда Фрэнсис Перкинс, Рузвельт не симпатизировал рабочему движению и, что безмерно удивило его сторонников, уклонялся от того, чтобы твердо обещать голосовать за законопроект об ограничении продолжительности трудовой деятельности женщин и детей девятью часами в день и шестью днями в неделю.

Многим было неведомо, что расчет Рузвельта строился с более широким замахом. Теоретически вопрос о понятии всеобщего блага, о соотношении личных (частных) интересов и

общественной пользы, об экономических моделях, дебатировавшийся повсеместно, и особенно в леворадикальной прессе, заставил Рузвельта подняться на более высокую орбиту. Выступая 4 марта 1912 г. в г. Трой, он обрушился на защитников «неограниченной конкуренции» и сакрализации частной собственности. Выступление было столь необычным для этой поры обучения Рузвельта-политика, что современные исследователи назвали его революционным. Любые преувеличения в отношении превращения воспитанника аристократических семей «долины реки Гудзон» в принципиального критика эпохи *lais-faire* не оправданны. Рузвельт предлагал всего лишь подобие суммы новых идей, которые вытекали, как он говорил, из взаимозависимости труда и капитала. Но выбор места и времени, когда Рузвельт решил высказать эти идеи, заимствованные, очевидно, уже не у прогрессистов, а у социал-реформистов, говорят о многом. Трибуна прогрессивного народного форума в Трое после гибели 150 женщин-работниц текстильной фабрики на Манхэттене в пламени пожара, на пике борьбы за жесткий лесной кодекс предполагала эпический стиль. Он говорил под впечатлением взрывной терминологии бунтующих «синих воротничков» и разорившихся фермеров: «Если мы обратимся к истории... мы столкнемся с фактом... борьбы арийских рас за обретение индивидуальной свободы... Об этом, может быть, преждевременно говорить, но в целом сегодня и Европа, и Америка обрели свободу личности». А сейчас в начале XX века, продолжал Франклин, американцы ведут «новую борьбу за свободу общества», которая имеет более высокий и благородный смысл... Мы обнаружили, что, если каждый человек делает то, что он считает нужным, придерживаясь рамок закона и порядка, он часто не в состоянии отвечать требованиям цивилизации таким образом, чтобы удовлетворять ожиданиям благополучия со стороны огромного большинства». Конкуренция, добавил он, «доказала свою полезность до определенного уровня и не дальше. Кооперация должна начинаться там, где конкуренция уже не работает и кооперация становится таким же приемлемым термином для новой теории, как и всё остальное»¹⁵.

Довольно-таки странная речь в Трое была отголоском того дискурса о социалистическом идеале, который затеяли социалисты. Она была также целиком выдержана в духе разворачивающейся кампании за обновление Демократической партии и выдвижение кандидатуры Вудро Вильсона. Франклин прочно связал свое имя с этой кампанией принстонского профессора и губернатора штата Нью-Джерси. Осенью 1911 г. он даже побывал у Вильсона в Трентоне, столице Нью-Джерси. Совпадение их политических платформ было очевидным, но Франклин внутренне стремился сохранить свою независимость от любой политической «машины», кто бы ее ни представлял – Таммани-холл или В. Вильсон. Но в поддержку кандидатуры последнего Франклин мобилизовал все свои возможности. Ввиду раскола в Республиканской партии шансы губернатора Нью-Джерси стать первым за 20 лет президентом-демократом на порядок возросли.

Национальный съезд демократов в Балтиморе в июне 1912 г. был первым национальным съездом, в котором участвовал Франклин Рузвельт. Его фигура была очень заметна в толпе делегатов – в постоянном движении, рукопожатиях и разговорах с журналистами. Репортеры и делегаты из отдаленных штатов постоянно окружали его, чтобы удовлетворить свое любопытство беседой с нереспубликанским Рузвельтом. Один из них, близкий советник Вильсона и член Национального комитета демократов Джозефус Дэниэлс хорошо запомнил свое первое знакомство с этой «достопримечательностью» съезда. «Он был смешлив по-мальчишески, – вспоминал он позднее, – и мне кажется, я никогда не видел более красивой и привлекательной фигуры молодого человека. На этом съезде Франклин и я стали друзьями. Как говорится – любовь с первого взгляда». К вящей радости их обоих, Вудро Вильсон, получив большинство голосов делегатов съезда, был номинирован кандидатом на пост президента США.

Элеонора также присутствовала на съезде и смогла убедиться, каким неустойчивым был социальный мир в стране. В зале все кипело от возмущения и кричало против «баронов-грабителей», требуя коренных изменений в социальном законодательстве, ограничения власти монополий, изменения тарифной политики, борьбы с плутократией, создания системы страхования для малоимущих семей, безработных, стариков, предоставления финансовой помощи фермерам. Она писала, что поражение платформы прогрессистов, к которой принадлежал ее муж, неминуемо будет означать выход на авансцену политической жизни социализма¹⁶. Возвращение в Белый дом Теодора Рузвельта, выступавшего в качестве кандидата созданной им прогрессивной партии, могло только ухудшить положение и пополнить ряды радикалов, все теснее спланивающихся вокруг популярного лидера социалистов Ю. Дебса. Яростные нападки старшего Рузвельта на своих противников множили ряды сочувствующих социалистам. Фотографии страстного любителя охоты Тедди на фоне убитых им хищников, его знаменитый и очень непривлекательный оскал зубов отпугивал своей неумной великодержавностью даже «регулярных» либералов.

Разрыв с «полковником» Теодором Рузвельтом для вчерашних его молодых почитателей становился неизбежным. Болезненное всего это восприняла Элеонора, по-прежнему любившая «дядю Тедди», но понимавшая опасность, которую создает деятельная, неумная натура Франклина, оказавшегося в то же время без группы сподвижников, вчерашних «инсургентов». Его будущее отныне целиком зависело от победы Вильсона на выборах в ноябре того же года. И еще от собственного здоровья, которое подавало тревожные признаки: как раз накануне очередной избирательной кампании Франклин стал часто простужаться. Осложнения приобретали угрожающий характер. Политическая карьера молодого Рузвельта могла оборваться, едва начавшись.

Чудесное спасение пришло благодаря участию с некоторых пор ставшего ближайшим другом семьи Рузвельтов маленького и невзрачного, но талантливого журналиста и почитателя Франклина Луиса Хоу. Изнывавший долгое время без работы, бедствующий и жаждущий найти себе применение репортер по согласованию с Франклином, лежащим в очередной раз с серьезным заболеванием в постели, организовал широчайшую пропагандистскую кампанию в форме «личных» писем избирателям за подписью Франклина Рузвельта, публикаций в газетах и т. д., в которых новый – старый кандидат в сенаторы обещал своим избирателям поддержку всех самых радикальных пунктов традиционной платформы прогрессистов с акцентом на фермерские проблемы, положение с трудовым законодательством и критику боссизма. Кандидату потребовалось только оплатить почтовые и бумажные расходы. За него практически все сделал Хоу, продемонстрировавший организаторский талант, изобретательность, профессионализм и лояльность. В ноябре 1912 г. на фоне успехов соперников-республиканцев Франклин Рузвельт одержал еще более внушительную победу на выборах в законодательное собрание Нью-Йорка, чем это было два года назад. Хоу, маленький, некрасивый, хронически никому никогда не доверяющий человек, оказался незаменимым и как советник, и как промоутер, и как менеджер в ходе трудной избирательной кампании. Он был абсолютно предан, но никак не подобоострастен. Следующие 23 года Рузвельт и Хоу провели рядом, фактически не расставаясь.

В первые же дни после возвращения в Олбани Франклин ощутил на себе зависть и недоброжелательство своих коллег в сенате, но уже вскоре последовало приглашение в Трентон (Нью-Джерси) для встречи с вновь избранным президентом США Вудро Вильсоном. Речь шла о работе в новом составе правительства. Рузвельт отклонил ряд предложений. Но в день инаугурации президента 4 марта 1913 г. в Вашингтоне он повстречал симпатичного ему нового министра военно-морского флота Джозефуса Дэниэлса. Рузвельт с детства испытывал любовь к морю, флоту, судоводителям. Первый вопрос Дэниэлса – хочет ли он занять место его заместителя – не вызвал никаких размышлений Рузвельта. Он мгновенно ответил:

«Ваше предложение радует меня больше, чем что-либо другое». Про себя Дэниэлс отметил: «Он идет по стопам Тедди». Поздравление самого идеолога морской мощи было сухим и формальным, но с многозначительным напоминанием того же рода: «...Вы заняли то самое место, которое раньше занимал я».

Вернувшись в Олбани, чтобы закончить свои дела сенатора, Франклин навестил своего коллегу и доброго знакомого сенатора Роберта Вагнера, временно занимавшего должность председателя сената. Узнав о перемещении Рузвельта в правительство, Вагнер обрадовался: Рузвельт тормозил реформы Вагнера, мешая их ускоренному прохождению через палаты законодательного собрания. Его уход обещал Вагнеру легкую жизнь. Рузвельт спросил коллегу, правильно ли он поступает, расставаясь с креслом сенатора. «Поезжай, Фрэнк, поезжай!» Вагнер на прощание с внутренним облегчением пожал руку Рузвельту: «...Я уверен, что вас ждет большое будущее в столице». И в этом он не ошибся.

Стать членом кабинета реформаторов после трех с небольшим лет пребывания в политике было делом абсолютно беспрецедентным. Многие старожилы Вашингтона называли Рузвельта «пожирателем боссов», опасаясь, что его талант выдворения с насиженных мест представителей старых «машин» может дорого обойтись представителям «знатных домов». Появление в офисе нового заместителя военно-морского министра Луиса Хоу в качестве секретаря-референта с его любовью к конспирации и отличным знанием положения дел в газетных редакциях расценивалось как неблагоприятный сигнал для сложившихся аппаратных кланов. Вскоре же Хоу был назначен на новую должность специального помощника Ф. Рузвельта, став его правой рукой в реализации всех деловых замыслов, в планировании тех или иных мероприятий и подведении аналитических выводов, в координации создаваемой Рузвельтом разведывательной службы на флоте, которая должна была послужить базой для развертывания в дальнейшем широкой сети в планетарном масштабе.

В Вашингтоне Рузвельт при содействии Хоу политически довольно быстро принял на себя еще и функции координатора действий сторонников независимой (от центральной машины демократов – Таммани-холла) политики, неподкупного и свободного от фаворитизма звена власти. Тому благоприятствовали мировоззренческие взгляды президента, так же как и Рузвельта – поклонника джефферсонизма. Непосредственной целью этих настойчивых санационных мероприятий «независимых» демократов была подготовка к промежуточным выборам 1914 г., которые должны были стать серьезным испытанием для всех, кто заполнил коридоры власти в Вашингтоне вместе с командой Вудро Вильсона. Рузвельт взял на себя «приведение в порядок» рядов демократов в его родном штате Нью-Йорк. И потерпел поражение. Ближайший советник президента Вильсона, полковник Эдвард Хауз, который оказывал поддержку Рузвельту в борьбе с «демократическими боссами», бросив все, летом 1914 г. отбыл по поручению Вильсона в Европу в связи с начавшейся Великой войной, а сам президент ввиду внутренних и внешних осложнений отказался от поддержки прогрессистов в Демократической партии ради сохранения ее единства. Смятение и признание возросшей силы консерваторов («реакционных политиков», как атрибутировал их Рузвельт) привели к тому, что он как выход из положения стал подумывать о выдвижении своей кандидатуры на выборах в сенат конгресса США с тем, чтобы не конфликтовать с Вильсоном. Но изменившаяся внешнеполитическая ситуация, советы друзей и Элеоноры отвлекли его от этого намерения.

Дружественное расположение адмиралов, их настойчивая просьба остаться в правительстве сделали свое дело: министр Дэниэлс слыл пацифистом, в то время как Рузвельт, его заместитель, был известен как прилежный ученик адмирала Альфреда Томаса Мэхэма, теоретика морской мощи, и сторонник наращивания сил флотов США. Морские волки видели во Франклине родственную им душу и с энтузиазмом принялись поддерживать движение за его сохранение в военно-морском ведомстве. Начало войны в Европе, случившееся через 17

месяцев после того, как Франклин пришел в министерство флота, хотя и подогрело разногласия между антимилитаристом Дэниэлсом и его подчиненным, вмешательство Элеоноры помогло сохранять им расположение друг к другу. Мудрый и покладистый Дэниэлс не раз и в будущем выступал в роли советчика Рузвельта, не «держа злобы» на беспрестанно ставящего его своей критикой в положение обороняющегося подчиненного. Рузвельт, со своей стороны, оценил лояльность министра и отказался от мысли об отставке и попытке завоевать место в сенате конгресса США.

Потопление 7 мая 1915 г. германской подлодкой идущей под британским флагом «Лузитании» – пассажирского судна более чем с тысячей пассажиров на борту и гибель среди них 150 американцев всколыхнуло германофобию в США и раскололо правительство Вильсона на две примерно равные части. Одна часть внимала доводам известных всему миру пацифистов У. Брайана и Дж. Дэниэлса (верящих, что если США сохранят свой нейтралитет, то воюющие стороны скорее придут к миру, и все станет на свои места) и их оппонентами, полагавшими, что Америка упускает свой шанс, отдавая на заклятие германскому воинству жаждущие мира и спокойствия страны Антанты. Франклин был на стороне этой части кабинета, отстаивая идею большого флота и решительного вмешательства в европейский конфликт. И он, и Элеонора полагали, что только объединенные усилия Франции, Англии и России принудят Германию к миру¹⁷.

Разногласия с Дэниэлсом и Брайаном, важными фигурами в кабинете, тем не менее не могли серьезно угрожать карьере молодого политика. Однако было и более значительное препятствие, которое могло сыграть роль непреодолимого рифа, грозящего отбросить его на обочину партийной номенклатуры, на периферию политики. Этим препятствием был президент Вудро Вильсон, которому был несимпатичен весь клан Рузвельтов.

Разрыв казался неминуемым. Рузвельты, обе фракции «династии», были настроены антигермански и не разделяли позицию президента Вильсона и его окружения, сделавших ставку на нейтралитет, отстраненность от европейских дел, хотя война сразу же переросла рамки локального конфликта. Биограф Рузвельта Джеффри Уорд пишет: «Франклин вел трудную двойную игру, пытаясь сохранить к себе расположение президента, которому он служил, и одновременно не утратить близость с кумиром (т. е. с Теодором Рузвельтом. – В.М.), к которому он относился с обожанием с детства»¹⁸.

Теодор Рузвельт в припадке ярости обвинял Вильсона в трусости и безволии. Франклин и Элеонора трактовали уклончивость президента в значительно более мягкой форме, но воспитанные в духе почитания европейской культуры, они испытывали растущее удивление медлительной реакцией президента пополам с возмущением по поводу вероломства и жестокости германской военщины, безнаказанно обрушившей смерть и разрушения на европейские города. Франклин считал, что победа Германии будет непосредственно угрожать безопасности США. «Что ты думаешь о У. Дж. Б. (об У. Брайане. – В.М.)? – писал Франклин Элеоноре о ситуации в кабинете. – Не хочется писать слишком много, скажу только, что испытываю отвращение к этой фигуре».

Жуткие подробности хозяйничанья немецких подлодок в Атлантике, активизация агента кайзера в Мексике резко снизили популярность проповедей сторонников пацифизма «без берегов». Уильям Брайан 8 июня 1915 г. ушел в отставку с поста государственного секретаря, вызвав у Франклина вздох облегчения и ликование патриота, полагавшего, что только силовые действия принудят Германию прекратить подводную войну. На месте Брайана в «туманном днище» (здание государственного департамента) оказался Роберт Лансинг, поборник «вооруженной дипломатии», внешней политики, подкрепленной силой. Президент Вильсон поменял тактику, хотя и продолжал ориентироваться на изоляционизм больших масс избирателей. Впереди предстояла борьба за второй срок, и он не хотел давать повода для критики. Однако объявленная им кампания «готовности» в виде шумных пара-

дов и пропагандистских акций исподволь подводила американцев к осознанию того, что в нужный момент следует оказаться «в нужном месте», т. е. в Европе, на Западном фронте. Франклин Рузвельт стал одним из активных знаменосцев этой кампании. Главной его заботой была программа вооружений – веление времени. Умело уклоняясь от споров с начальством, живущим понятиями XIX века, он изумил членов комиссии палаты представителей по делам военно-морского флота своими обширными познаниями и осведомленностью о состоянии вооруженных сил. Он обрушил на конгрессменов поток цифр и фактов, которые нельзя было опровергнуть и ожидать услышать от молодого новопришельца в военно-морское ведомство.

Кризис, вызванный атаками германских подводных лодок на пассажирские суда, снял нарекания в горячности, посыпавшиеся на Франклина Рузвельта в связи с дебатами в руководстве Демократической партии по вопросу о войне и миротворческих усилиях Вильсона. Франклин и Элеонора уже открыто могли симпатизировать требованию Теодора Рузвельта принять жесткую линию по отношению к Германии, хотя у них сохранялось много оговорок в части политики, которую проводил «лихой рейнджер». Тот на съезде Республиканской партии в 1916 г. заявил о своем примирении с «Великой старой партией» и безоговорочно поддержал ее кандидатов на выборах этого года. Между тем платформа «честного нейтралитета», с которой республиканцы шли на выборы президента в 1916 г., никак не согласовывалась с его, Тедди Рузвельта, интервенционизмом. Элеонора и ее супруг были поражены этой метаморфозой и в еще большей степени встревожены предвыборными успехами республиканцев и их кандидата Чарльза Эванса Хьюза. Его победа (она казалась неотвратимой)¹⁹ означала бы личную катастрофу для Франклина Рузвельта. Последний зарекомендовал себя сторонником социальных реформ и воинственным германофобом, т. е. человеком, выступающим за вмешательство в европейский конфликт на стороне Антанты, за мобилизационные мероприятия и пополнение arsenалов армии и флота новейшим вооружением. Назвать эту позицию популярной было никак нельзя. Особенно в кругах с преобладанием немецкой и ирландской диаспор.

Сам Вильсон пришел к убеждению, что он не сможет победить. Покидая в день голосования нью-йоркскую штаб-квартиру демократов в отеле «Билтмор», Рузвельт обсуждал со своим близким другом Франклином Лейном, министром внутренних дел, условия учреждения новой юридической фирмы на Уолл-стрите с участием Фрэнка Полка, генерального консула госдепартамента и авторитета в области юриспруденции, с которым оба они были знакомы по учебе в Гротоне и Гарварде. Однако уже на следующий день, сидя у себя в кабинете военно-морского министерства, Рузвельт сделал короткую запись в рабочем дневнике: «Самый важный день в моей жизни. После вчерашнего вечера Вильсон мог одержать победу. Еще более обнадеживающе она выглядит сегодня в полдень». Вместе с Элеонорой Франклин позволил отвести душу, когда стало окончательно известно о победе Вильсона. Не скрывая торжества и злой иронии, он в беседе с репортером высмеял напрасные надежды «своего знаменитого кузена»²⁰ вынудить Вильсона уйти со сцены и вернуть себе кредит доверия большинства американцев. Политические мотивы и карьерные интересы взяли верх над родственными чувствами.

Другой хорошей новостью было то, что Вильсон, избранный на второй срок, начал сдвигаться в «нужном» направлении во внутренней и внешней политике. Последовательные реформы в области трудового права, открывающие эру «индустриальной демократии», и решительные шаги во внешней политике, которые ждали от президента интервенционисты, завоевали ему расположение молодых демократов. 3 февраля 1917 г. Вильсон разорвал отношения с Германией. Посол Бернсторф положил на стол в госдепартаменте свой паспорт. По всей стране проходили марши готовности. В первых рядах шумных манифестаций шел

президент, Франклин вел за собой колонну чиновников морского министерства. Он чувствовал себя юбиляром.

События развивались стремительно, и уже вскоре «отважные парни» в кабинете Вильсона вроде Франклина Рузвельта и Франклина Лейна стали востребованы в качестве пропагандистов новой роли Америки в мировых делах. 18 марта 1917 г. немецкие подлодки торпедировали несколько американских судов. 2 апреля того же года Вильсон на заседании палат конгресса заявил, что не видит альтернативы войне. Франклин Рузвельт воспринял президентское заявление с восторгом. Все менялось на глазах. С чувством важности момента он осуществил инспекцию американских военных баз в Мексике, на Гаити, Кубе и в Доминиканской Республике. Миссия была подчинена идее подготовки к отражению немецкой угрозы. Пышные встречи, салюты, «потешные» учения, беседы с молодыми морскими офицерами помогали шлифовке взглядов на латиноамериканскую политику США, в целом сформировавшуюся уже в 1913 и 1914 годах. Было ясно, что в противовес Дэниэлсу Рузвельт был вместе с ядром служаков в военно-морском ведомстве. С теми, кто настаивал не только на строительстве превосходящего остальные морские державы флота, но и на создании «полосы безопасности» на юге Соединенных Штатов.

Мексика с ее долгой революцией под боком у Соединенных Штатов вызывала у Франклина реакцию в стиле Теодора Рузвельта. «Я не хочу войны, – говорил он, – но я не вижу пути, встав на который мы могли бы ее избежать. Рано или поздно Америка должна вмешаться и очистить Мексику от политического хаоса»²¹. Японская угроза (несмотря на услуги, оказанные Т. Рузвельтом Японии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.) беспокоила Франклина еще сильнее. Он предвидел возможность внезапной японской атаки на флот США, ослабленный разъединением материком на два океана. Через четверть века так и произошло в Пёрл-Харборе, потребовав от Рузвельта самопризнания в непростительной беспечности и проволочках²². Взгляды Франклина постепенно становились хорошо известными публике. Престарелый адмирал А. Мэхэн, идеолог «жесткой силы», направил ему письмо в знак полной солидарности с ним. «Я пишу Вам, – признавался он, – потому что не знаю никого другого в нынешней администрации, к кому бы мне хотелось обратиться с этим письмом»²³.

Масштабы европейской войны помогли раскрыться тем качествам Рузвельта-политика, о которых ни он, ни его близкие и не подозревали. Его непосредственное начальство явно не поспевало за событиями. Ни извлечь стратегическую выгоду, ни содействовать экономической перестройке в соответствии с военным временем, наладив производство необходимой продукции, оно оказалось не в состоянии. Время обгоняло поклонников старомодного изоляционизма, не содействовавших раскрытию военного потенциала США и тем самым существенно мешающих обеспечить перевес сил Антанты над воинством Центральных держав. «Эти добропорядочные люди, – с досадой писал Франклин Элеоноре, – У. Брайан и Дж. Дэниэлс, имеют такое же понятие о том, что такое европейская война, как наш Эллиот (сын Рузвельтов, которому едва исполнилось четыре года. – В.М.) о высшей математике»²⁴. Рузвельт был твердо убежден, что современная война требует перевооружения, всеобщего военного обучения и создания особых государственных органов, регулирующих расходование ресурсов, военное производство, трудовые отношения в промышленности и надзирающих за условиями труда.

В своем стремлении перебороть инертность Дэниэлса и ему подобных Рузвельт настойчиво искал поддержки у полковника Э. Хауза, ближайшего советника президента, давно считавшего, что США должны вмешаться в войну на стороне Антанты. Состоялось несколько встреч Рузвельта с Хаузом, в ходе которых с глазу на глаз они обсуждали все плюсы и минусы сложившейся для США ситуации. Одновременно Рузвельт принял уча-

стие в секретном конклаве смертельных врагов президента из противоположного лагеря. Среди них был ряд примечательных фигур: Корнелиус Блисс, генерал Леонард Вуд, финансист Джон Пирпонт Морган и, конечно же, Теодор Рузвельт, «дядя Тедди». По итогам этого секретного совещания, среди законспирированных участников которого Франклин Рузвельт выглядел наиболее решительно настроенным, были выработаны важные пункты платформы. Предпочтение, отметил Франклин в своем дневнике, решено было отдать позиции Теодора Рузвельта, требовавшего пересмотреть военную политику под углом зрения стратегической перспективы. Франклин лаконично резюмировал: «Я поддержал теорию ТР».

Энергичный, инициативный, не колеблющийся в случае необходимости прибегнуть к приемам политиканства, радетьель гегемонии американского флота на морях и безопасности США на дальних подступах к берегам Америки благодаря физическому магнетизму и административному рвению Франклин завоевал престижное место в вашингтонском истеблишменте. Но окружающие его коллеги и друзья не всегда одинаково судили о его внутреннем содержании из-за фривольной манеры поведения и некотором верхоглядстве в вопросах экономики или гражданского общества. «Он мог нравиться или привлекать к себе внимание, – много позднее вспоминал об этом времени в биографии Рузвельта известный дипломат Уильям Филлипс, его друг и щеголь из ближайшего круга университетских однокашников, – но он не мог претендовать на особую рассудительность, он был ярким собеседником, но не очень твердым в суждениях. Он мог очаровать кого угодно, но назвать его гигантом вряд ли кто-либо решался. Он обладал огромной жизненной силой, интересом ко всему, и он действительно стал очень дельным заместителем министра военно-морского флота. Он был всегда оживлен, всегда был душой компании, но он никогда не казался особо основательным»²⁵. К этому критичному перечню запомнившихся ему черт спутника юных лет и собрата по кабинету У. Филлипс мог бы добавить еще одну – личное мужество, раскрывшееся в военное время.

После выборов 1916 г. Рузвельты перебрались в арендованный ими дом сестры Теодора Рузвельта на N-стрит. Секретная служба на основании того, что его имя попало в «черный список» германских агентов чиновников американского правительства, известных антикайзеровскими настроениями, а потому намеченных к уничтожению германскими агентами, рекомендовали Рузвельту иметь при себе пистолет. Несколько дней он носил его в кармане, но затем решительно запрятал в стол. Однако открыто в разговорах с французами и англичанами в Вашингтоне высказал намерение отправиться на Западный фронт в составе американских экспедиционных сил. И только решительные возражения Дэниэлса и Вудро Вильсона, посчитавших, что Рузвельт будет больше полезен в Вашингтоне, заставили его отказаться от облачения в солдатскую шинель.

Возможно, если бы он ушел на фронт, в жизни Франклина и Элеоноры не произошло бы события, которое внесло особый элемент в их отношения, разрушив то, казалось бы, прочное доверие и взаимопонимание, сохранявшиеся с юношеских лет и прошедшие испытания семейными невзгодами и счастливыми днями жизни рядом с детьми, друзьями, в обстановке удачливо складывающейся карьеры Франклина и растущего светского успеха умной, доброжелательной и общественно активной Элеоноры.

Франклин влюбился в другую красивую и привлекательную женщину, секретаря Элеоноры. Ее звали Люси Мерсер, и она была на шесть лет моложе Элеоноры. Похвастаться аристократическим происхождением и богатством эта девушка из Вирджинии не могла, но ее красота, общительность, воспитанность помогали ей легко и ненавязчиво завоевывать благосклонность вашингтонского светского общества. Богатые матроны, жены чиновников и дипломатов время от времени поручали ей работу по разбору семейных архивов или по уходу за детьми. Люси справлялась с поручениями аккуратно и добросовестно, легко и про-

сто обрета доверие своих работодателей и без труда добиваясь дружбы и любви у порученных ее попечению детей. Работа секретарем и гувернанткой помогала Люси и ее матери, вдове бывшего моряка, поддерживать скромное благополучие, но конечная цель была одна – найти богатого жениха и создать фундамент безбедной жизни.

Переполненная семейными заботами, обязанностями по линии различных фондов и уже необычайно разросшейся перепиской Элеонора прислушалась к советам своей родственницы и пригласила Люси помогать ей три раза в неделю вести ее переписку, а порой и присматривать за детьми. Люси появилась в доме Рузвельтов зимой 1913/14 г. и вскоре стала своим человеком, заслужив похвалы Сары, которая нашла двадцатидвухлетнюю Люси обворожительной, полной тепла и привязанности к детям и самой Элеоноре. Правда, через три года последняя убедилась, что наибольшим вниманием у Люси пользуется глава семейства, ее муж Франклин. Она могла бы предвидеть такой результат. В великосветском обществе он давно имел славу внешне чрезвычайно привлекательного человека, златоуста, наделенного природой красивым лицом, фигурой университетского игрока в футбол и ярким интеллектом. О способности Рузвельта быть интересным собеседником и, что всегда нравилось его тайным воздыхательницам и не нравилось Элеоноре, давать волю фантазии в пересказе светских новостей и морских путешествий ходили легенды.

Люси готова была слушать его всегда, непрерывно участвовать в обсуждении его планов, не останавливая поток его красноречия. Так, из банального флирта родилась история любви длительностью на всю оставшуюся жизнь. Осенью 1918 г. Элеоноре стали известны особые отношения Франклина и Люси, и она попросила Люси оставить их дом и больше не считать себя находящейся в числе секретарей Элеоноры. Одновременно она предложила Франклину сделать выбор – либо семья, либо Люси. Биограф Элеоноры пишет: «Франклин и Люси решили никогда не видеться в будущем». По крайней мере, так они говорили. Брак Элеоноры и Франклина продолжался. Но Франклин и Люси поддерживали связь через переписку, хотя в 1920 г. Люси вышла замуж за состоятельного человека – Уинтропа Раузерфорда и стала матерью дочери Барбары. В Библиотеке Рузвельта в Гайд-Парке хранится написанное в 1941 г. длинное письмо Люси президенту Рузвельту, которого она называет «мой бедный любимый».

Со слов кузины Франклина Маргарет Сакли известно также, что Рузвельт навестил Люси в ее усадьбе в штате Нью-Джерси проездом поездом на Квебекскую встречу с Черчиллем в сентябре 1944 г. Йон Мичем справедливо выражает свое изумление в связи с этим эпизодом. «Это была замечательная сцена: президент США военного времени, – пишет он, – по пути на конференцию с премьер-министром Великобритании выкраивает несколько часов, чтобы позавтракать со своей давней возлюбленной в обществе ее титулованных гостей и дальних родственников, которые хранят в тайне факт встречи с группой самых известных людей, находящихся под бдительным присмотром телохранителей»²⁶.

После выяснения отношений между Элеонорой и Франклином их совместная жизнь не могла оставаться прежней. Элеонора нашла, что ее супруг совершил предательство, которое она не должна прощать. Неверно, пожалуй, говорить, что каждый из них стал жить своей жизнью, но прежней теплоты общения уже не было. Элеонора была очень ранимой, и даже время не сделало ее другой. Но вихрь событий притупил боль от почти состоявшегося разрыва. Стратегические планы поглотили Рузвельта, да и состояние дел на фронтах в Европе отодвигало на задний план все личное. На карту было поставлено слишком многое.

Еще весной 1918 г., когда появились серьезные опасения, что Германия в состоянии нанести поражение Антанте, и выяснилось, что Англия испытывает огромную нужду в военной помощи, Рузвельт предпринимает очередную попытку оказаться на «передовой». Предварительно отказавшись баллотироваться на должность губернатора Нью-Йорка, он упротсил Дэниэлса отправить его в Европу с целью посетить руководителей союзников, побывать

на фронте и получить информацию «из первых рук». Инициативная миссия, начавшаяся 9 июля 1918 г., в основном носила дипломатический характер, но пересечение Атлантики проходило в боевой обстановке на борту миноносца «Дайер», сопровождавшего специальный конвой, напичканный тринитротолуолом, минами и колючей проволокой. Тревоги, учебные стрельбы, опасения в отношении «бродячих» мин и, наконец, встреча с германскими подлодками у Азорских островов – все это было частью быта по пути в Шотландию. В Англии Рузвельт лично познакомился с Ллойд Джорджем, а на встрече с министром Ф. Смитом – с группой видных политиков и военных. Среди них был и Уинстон Спенсер Черчилль, бывший первый лорд Адмиралтейства, а тогда министр вооружений.

Во Франции Рузвельт имел беседы с Клемансо и маршалом Жоффром. В последний момент, до смерти напугав военно-морского атташе США, отвечавшего за его безопасность, Рузвельт направился к линии фронта и оказался от нее в шаговой доступности. Он побывал вблизи Шато-Тьери и Вердена, попав под обстрел немцев. Теперь Рузвельт познакомился с безобразным ликом войны: изрытая воронками земля, залитые дождем траншеи, запах трупов и сплошные разрушения домов, церквей, замков. «Мрак и непрерывные бои, без отдыха и сна». Позднее, будучи уже президентом, он скажет: я видел войну и ненавижу ее.

Рузвельт побывал и в Италии и только в сентябре 1918 г. возвратился в Нью-Йорк. Его сняли с борта корабля и положили на носилки с тем, чтобы отправить в госпиталь. Франклин был тяжело болен – двустороннее воспаление легких. Конечно, его ободрили многочисленные теплые послания восхищенных знакомых и сослуживцев. «Мы очень гордимся тобой», – написал ему в письме Теодор Рузвельт. Встав на ноги, Франклин вновь попросился «в солдаты» письмом к президенту. Вильсон ответил: слишком поздно – он получил уже к тому времени послание принца Макса Баденского о согласии последнего на перемирие, что означало конец войне.

Свидетелем ее заключительного аккорда Франклин оказался уже повторно в качестве заместителя министра военно-морского флота, посетив Европу ранней весной 1919 г. На этот раз он появился во Франции уже в сопровождении и под присмотром Элеоноры. Они оба уже по пути во Францию получили известие о смерти Теодора Рузвельта. Франклин был опечален, но высказался в том духе, что последняя болезнь «дяди Тедди была недолгой». Элеонора подвела итог: «Еще один великий человек ушел со сцены»²⁷. Но они оба находились в центре событий, в которых Теодор Рузвельт едва ли захотел бы участвовать. В Версале с участием главного триумфатора В. Вильсона проходила Парижская мирная конференция, наблюдателями которой они были. Путешествие же до Бреста Франклин и Элеонора проделали на борту комфортного лайнера «Джордж Вашингтон», на котором тем же путем следовали на главное дипломатическое сражение Великой войны президент В. Вильсон, его супруга и многочисленные советники. Таким образом, появился очень удобный случай пригнать тлеющие много лет разногласия, недовольство и отчуждение.

Путешествие домой Рузвельты вновь осуществили совместно с президентской четой Вильсонов и их многочисленной свитой на борту все того же «Джорджа Вашингтона». Франклин продолжил свои диалоги с президентом. Светские мероприятия на борту лайнера посещали самые разнообразные пассажиры. Рузвельту удалось даже побыть в обществе посла США в России Фрэнсиса, поделившегося с присутствовавшими своими воспоминаниями о революционной смуте в стране красных и белых. Наиболее примечательным Франклин и Элеонора нашли выраженные Вильсоном намерения защищать до последнего идею Лиги Наций и участие в ней США. Увы, заметных сдвигов в отношениях Рузвельта и Вильсона не произошло.

Война содействовала формированию взглядов Франклина Рузвельта на сложный комплекс вопросов внешней и внутренней политики. Чета Рузвельтов нашла возможность во время пребывания в Европе посетить бывшую линию фронта вблизи Амьена. «То, что мы

видели, – говорил потом Рузвельт, – невозможно забыть». Рузвельт заключил, что Соединенные Штаты уже никогда не допустят сдачи в плен изоляционизму, отгородившись от мира Китайской стеной и держась вдали от всего, что происходит в Старом Свете и на других континентах. Второй вывод, извлеченный им из опыта войны, состоял в том, что успешным оказался мобилизационный план, осуществленный Вильсоном и военным министром Ньютоном Бейкером, суть которого состояла в контроле из Вашингтона за промышленным производством и транспортом. «Американская организация военных усилий, – говорил он, – создавалась сверху вниз, а не снизу вверх. Это самое главное...»²⁸ Все тот же мобилизационный опыт натолкнул Рузвельта на необходимость создания механизма координации и планирования аппаратов трех ведомств – государственного департамента, военного и военно-морского министерств. Задача, которую должен был выполнять этот особый механизм, состояла в том, чтобы определять цели и возможности Америки в тех или иных ситуациях. Рузвельт послал этот проект, который, в сущности, предвосхитил создание Национального совета безопасности, для обсуждения в государственный департамент. Ответа он так и не дождался.

Рузвельт открыто говорил об особых функциях президента страны как национального лидера, подчеркивая важность усиления его исполнительной власти в условиях особых обстоятельств и необходимости привлечения лучших профессионалов безотносительно их партийной принадлежности. Другими словами, Рузвельт выступил с обоснованием целого ряда вполне назревших новаций, которые нравились далеко не всем. В том числе и президенту Вильсону. Добрый Дэниэлс, сам задетый нелояльностью Рузвельта во внутриведомственных коллизиях, сделал многозначительную запись в своем дневнике: «Ф. Д. Р. для В. (Вильсона. – В. М.) является *persona non grata*».

Больной, парализованный, ушедший в себя Вильсон, растерявший свою популярность в партии и среди избирателей, проигравший в жестокой дискуссии Республиканской партии по вопросу о Лиге Наций, не сулил ничего хорошего ни прогрессизму, ни его восходящей величине Франклину Д. Рузвельту. По всему чувствовалось, что его дни в военно-морском ведомстве сочтены. Покер, охота, званые обеды, прогулки на катерах по Потомаку, бездеятельность в опустевших после войны офисах департамента сменили полные напряжения дни подготовки к высадке войск в Европе, заботы о снабжении флота, нескончаемую вереницу встреч, заседаний, инспекционных поездок. Не приученный удовлетворяться вялотекущим ожиданием подарков судьбы, более всего ценивший азарт скрытой борьбы с превосходящими силами противника 38-летний глава большого семейства тяготился этой неопределенностью, замаскированной светскими развлечениями и официальным церемониалом. Ему не хотелось впустую растрчивать заслуженно заработанную репутацию эффективного и решительного государственного деятеля, не привыкшего быть неудачником, лузером в глазах людей, поверивших в него и весь клан Рузвельтов. Мысленно возвращаясь к наставлениям «дяди Тедди», Франклин начинал верить в предначертанность судьбы, своей и страны. Воображение восстанавливало какие-то давние времена, когда ему прочили успех на политическом поприще, у живой толпы избирателей, откликающейся на яркое слово или нежиланный прием агитации.

Первыми же идеями, которые были рождены его размышлениями о будущих занятиях, было желание попробовать себя в роли губернатора или сенатора конгресса США, добившись поддержки избирателей на выборах осенью 1920 г. С этими мыслями Франклин появился на съезде Демократической партии в Сан-Франциско, втайне надеясь, что в штаб-квартире партии, в этом гнезде боссизма, Талемани-холле у него не будет слишком много врагов. Съезд демократов открылся 28 июня 1920 г. в праздничной атмосфере зала, украшенного национальными флагами и огромным масляным портретом Вудро Вильсона. Но она вскоре была взорвана столкновением группировок, рассорившихся в ходе выдвижения кандидатов на пост президента США. Франклин поддержал кандидатуру своего старого зна-

когого, губернатора штата Нью-Йорк Альфреда Смита, выступив с речью, которую нельзя было, прослушав, забыть. Впоследствии Фрэнсис Перкинс, участвовавшая в работе съезда, писала: Рузвельт показал себя «одной из звезд в этом шоу. Каждый пожелал стать поближе к нему, Франклин же ухитрился быть отзывчивым, приятным и любезным со всеми до единого, кто оказывался рядом с ним»²⁹.

Лидирующие фигуры в партии заблокировали кандидатуру леволиберального Альфреда Смита, поддержав умеренного губернатора штата Огайо Джеймса Кокса, не замеченного в связях с непопулярной администрацией и негативно относящегося к непопулярной Лиге Наций. Но речь Рузвельта сделала свое дело. Когда на следующий день была запущена процедура выборов кандидата на пост вице-президента США, у него неожиданно нашлось много сторонников, заявивших, что только имя Франклина Рузвельта, представлявшего штат Нью-Йорк, сделает список демократов сильным и сбалансированным. Судья Тимоти Энсберри, взявший на себя обязанность выдвинуть кандидатуру Рузвельта, сказал, обращаясь к съезду: «Молодой человек, чье имя я собираюсь предложить, по возрасту на три года старше тридцати пяти лет, требуемых по конституции... Но он за короткий период времени приобрел огромный опыт в качестве государственного деятеля... Его имя навечно вписано в американскую политику... Франклин Д. Рузвельт». Все остальные кандидаты отказались от выдвижения.

Тем временем, фактически находясь в состоянии полного временного отключения от источников информации, Элеонора вместе со своим «выводком» (пятеро детей Рузвельтов: Анна, Эллиот, Джеймс, Франклин и Джон. – *В.М.*) направлялась из Вашингтона на отдых в Кампобелло, маленький остров у северо-восточного побережья США, где семья владела летним домиком и участком земли. Все ее мысли были сосредоточены на возможности поскорее увидеть мужа. Она ничего не знала о результатах съезда демократов. Первое ошеломляющее известие по прибытии в Кампобелло она получила из телеграммы старика Дэниэлса. «Ваше сердце, – говорилось в ней, – преисполнилось бы радостью, видя спонтанный и восторженный взрыв одобрения, когда сегодня Франклин был номинирован в качестве претендента на пост вице-президента США. Выдвижение его кандидатуры сопровождалось бурными аплодисментами зала»³⁰.

Оставляя стены министерства военно-морского флота, Франклин ответил во всех отношениях достопримечательным, написанным от руки письмом, в котором не было ни капли самолюбования, но содержался глубокий смысл – итоговый взгляд на приобретенный у Дэниэлса жизненный опыт и предвосхищение будущего:

«Мой дорогой шеф!

Это не прощание – письмо мое и не может им быть после всех этих лет тесной совместной работы, и никакие написанные мною слова не смогут дать Вам лучше знать, чем Вы это уже знаете, как много значит для меня наше сотрудничество. Всю свою жизнь я буду вспоминать прошлое – не только место совместной работы, но, прежде всего, великолепный дух сотрудничества, с которым мы совместно одолели эти почти восемь лет. Вы преподнесли мне мудрые уроки, вынуждая меня оставаться на земле, когда я был близок к тому, чтобы взлететь за облака, и при всем при том никогда между нами не возникали ни серьезные конфликты, ни противоречия или недоверие.

И таким образом, по крайней мере частично, в качестве награды, которой Вы будете удостоены историей, я горд и более того счастлив тем, что смог оказывать Вам содействие. Я уверен, что мы будем сохранять это сотрудничество на годы вперед и, пожалуйста, позвольте мне обращаться к Вам за тем, чтобы иметь возможность получать от Вас заряд реального идеализма, честного служения и доброго американизма.

Итак, au revoir на время короткой разлуки. Остаюсь всегда с огромным уважением к Вам

Франклин Д. Рузвельт»³¹

Главный горько-сладкий приз

В 1916 г. Америку накрыла эпидемия полиомиелита. Десятки тысяч смертей, большинство из них дети. Средства спасения были неизвестны. Рузвельты испытывали огромную тревогу за своих детей, стремились укрыть их в безопасных местах. Элеонора и Франклин понимали повышенную опасность и для них самих. Особенно это касалось Франклина. Он часто страдал простудными заболеваниями, а служебные обязанности вынуждали его много разъезжать по стране, подвергаясь опасности подхватить смертельно опасный вирус. Президентская избирательная кампания осени 1920 г. грозила особым напряжением в силу того, что Демократическая партия начинала ее со слабых стартовых позиций, имея в качестве лидера (кандидата на пост президента) весьма невзрачного политика – Джеймса Кокса. Рузвельт иногда удачно, иногда неудачно стремился компенсировать невыразительность и консервативность своего партнера по списку демократов, но уже вскоре выяснилось, что республиканцы, опираясь на мощь крупного капитала и ослабление уз внутри прогрессистской коалиции Вильсона, последовательно набирают очки.

Призыв Рузвельта придерживаться твердой и последовательной внешней политики и «держат курс на закрепление организованного прогресса во внутренних делах» не находил необходимого отклика. Большинство населения возвращалось к политике изоляционизма, негативно относясь к «затее» с Лигой Наций, а страхи перед радикализацией рабочего движения, засильем «красных» сделали непопулярными прогрессистские лозунги. Антирадикальная истерия сделала свое дело. Воспользоваться падением влияния реформаторов и с целью закрепить успех их противников поспешили и ближайшие родственники, наследники Теодора Рузвельта. Его сын, Теодор Рузвельт-младший, разъезжал по стране «в хвосте агитационного поезда Франклина» и убеждал слушателей, что он (Франклин) не имеет права присваивать себе «бренд нашей семьи». Мать Франклина, Сара, умная женщина, не желая «влезать в политику», если ее спрашивали, почему ее сын так нелюбим остальными представителями именитого семейства, отвечала: «Может быть, потому, что мы внешне намного лучше выглядим, нежели они». Все понимали этот злой намек на лошадиный оскал Теодора Рузвельта, как нежелание Франклина изменять вильсонизму, несмотря на личные трения с угасающим президентом.

Франклин трудился самозабвенно, произнося тысячу речей, пожимая сотни тысяч рук, не щадя связок. Порой могло показаться, что доверие к Демократической партии возрастает, но когда его секретарь Марвин Макинтайр спросил, имеет ли он (Рузвельт) надежду, что список демократов и на этот раз победит, ответил: «Никаких иллюзий». А в письме английскому другу как бы в самооправдание своего участия в проигрышном деле написал: «... Какой бы ни был результат, эти выборы останутся для меня интересным опытом».

Рузвельт немного лукавил. Ему было совсем безразлично участие в общенациональной кампании. Он использовал его как трибуну для выражения суммы идей, которую он выработал в себе (в том числе и в общении с Дэниэлсом, Вильсоном и Брайаном) и с которой он не расставался до конца дней своих. Он имел, в частности, далеко идущие планы в отношении наделения вице-президента существенными дополнительными полномочиями. Но самым главным было выражение нового взгляда на политическое развитие страны в целом, которым он поделился со своими «единоверцами» по партии на церемонии формального провозглашения его кандидатом на пост вице-президента США. 9 августа 1920 г. в Гайд-Парке в присутствии пяти тысяч сторонников, ведущих лидеров партии, сидящих и стоящих под сенью старых дубов рузвельтовской усадьбы, Франклин Рузвельт делился своими «недозволенными» мыслями в ставшей в сущности глухой к реформаторству аудитории за пределами индустриального Северо-Востока. Он делал это в предвкушении будущего пере-

лома в настроениях избирателей, хотя и подозревал, что успех 1916 г. демократам долго повторить не удастся.

«Некоторые люди последнее время заявляют: «Мы устали от прогресса, мы хотим вернуться туда, где мы находились до всех этих преобразований, вернуться к своему бизнесу, восстановить нормальные условия». Они не правы. Америка мечтает о другом... Добрые старые времена навсегда остались в прошлом. Мы должны двигаться вперед или застрянем надолго... Возможности Америки всем известны. Мы можем вести за собой мир, подавая ему великий пример... Демократическая программа предлагает улучшение жизни нашей стране, лучшую судьбу для ее народа. Это план надежды... Мы против засилья денег в политике, мы против частного контроля за национальными финансами, мы против обращения с людьми как с товаром, мы против контроля хозяев салунов над городами, мы против нищенских зарплат, мы против господства групп или клик. Мы точно так же против возвращения состояния комы в нашу национальную жизнь...» Идея Лиги Наций не умрет, Соединенные Штаты обязаны ее поддержать³². Определенно своей речью в защиту «реального идеализма» Рузвельт стремился отразить натиск нового республиканизма, играющего на популярности лозунга о возвращении к «нормальности», прерывании движения к переменам и возвращении классической политэкономии «твердого индивидуализма».

Однако республиканизм после непродолжительного послевоенного кризиса 1920–1921 годов, используя охвативший страну культ стяжательства, перенацелил ожидания большинства американцев на обогащение и потребительство, что по определению предполагало сужение и даже отмену важнейших пунктов социальной деятельности администрации³³. На этом негативном фоне, в условиях разброда Демократической партии и растущей непопулярности внешней и внутренней политики Вильсона, кумира партии в 1912–1919 гг., победа кандидата республиканцев У. Гардинга не могла вызвать удивление. Она была предопределена. Рузвельт отнес ее к циклической смене духовного подъема, вызванного войной, «разочарованием деструктивным критицизмом». Он хорошо запомнил то, что услышал из уст Вильсона: «Всякая война приносит после себя период материализма и консерватизма; люди быстро устают от идеалов, и мы сейчас только повторяем историю». Философское отношение к реальности успокаивало, но поражение было сокрушительным, оставив о себе горькие воспоминания и очень слабые надежды на реванш. Республиканцы завоевали 61 % голосов избирателей. Рузвельт проиграл в своем родном штате Нью-Йорк. Удар был очень сильным, заставлявшим задуматься о будущем. Что делать? Этим вопросом задавались все демократы. У Рузвельта был ответ. Он предсказывал, что демократы смогут провести своего кандидата в Белый дом не на следующих выборах, а только после очередной глубокой экономической депрессии, и уповал на то, что новая администрация не будет «сильно реакционной, что могло бы вызвать вспышку радикализма». Утешало только одно – молодость позволяла рассчитывать на возвращение в политику где-нибудь в далеком будущем, что, впрочем, больше было похоже на мираж.

Линия жизни, сделав зигзаг, вернула Франклина Делано Рузвельта, бывшего сенатора, заместителя министра военно-морского флота, бывшего кандидата на пост вице-президента США в частную жизнь. Сохранились старые связи, сложилась репутация, и Рузвельт возобновил партнерство в юридической фирме, работа в которой вызывала у него скуку и тоску. Пришлось обеспечить себе и запасные позиции – участие в деятельности крупного финансового учреждения со штаб-квартирой в штате Мэриленд – «Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд». Рузвельт был основательно измотан работой в министерстве военно-морского флота и особенно в ходе избирательной кампании 1920 г., когда ни о каком уединении с семьей невозможно было и мечтать, а «разоблачения» со стороны нанятых оппонентами профессиональных «расследователей» сыпались каждодневно, заставляя искать защиты у юристов. Хотелось отдохнуть, побыть с семьей и не слышать всех этих высказы-

ваний о вине Вильсона и всех остальных демократов в том, что, ввергнув Америку в войну, они лишили страну продовольствия и одежды, о противозаконных действиях Дэниэлса и Рузвельта в управлении флотом и т. д. и т. п. Вошедший в силу «сухой закон» сделал тысячи бывших государственных чиновников-демократов объектом наблюдения для блюстителей нравственности среди газетных репортеров, политических оппонентов-республиканцев и прочих. Сведение счетов стало нормой.

Летний коттедж на живописном острове Кампобелло у берегов штата Мэн был вторым домом для Франклина Рузвельта. Здесь со своими детьми, окруженный, как правило, многочисленными гостями и добрыми соседями, он чувствовал себя беззаботным отпусником, предающимся любимой рыбалке, пикникам, катанию на яхте «Вирео», игре в теннис. Укрыться на время в этом убежище летом 1921 г. казалось Рузвельту пределом мечтаний. Ну, и попутно хотелось обсудить с гостившим здесь же Луисом Хоу перспективы и планы кампании по выборам губернатора штата Нью-Йорк осенью 1922 г. Чтобы быстрее добраться до Кампобелло, находившийся в Нью-Йорке Рузвельт с благодарностью согласился с предложением президента «Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд» В. Блэка воспользоваться его большой яхтой «Сабало» и 5 августа 1921 г. отправился к побережью штата Мэн. Погода вскоре переменялась, океан заштормил, и капитан яхты, не знавший лоций прибрежных вод, передал руль Франклину, который простоял на мостике несколько часов, успокаивая пассажиров и рассказывая анекдоты. Только 7 августа «Сабало» прибыла в бухту Уелшиул, где и была встречена криками ликования семействами Рузвельтов и Хоу. Прямо здесь, на пристани, было решено завтра же направиться с детьми на рыбалку в устье Сан-Круа-ривер, разбить там палаточный кемпинг. Но на следующий день Франклин решил отплатить владельцу яхты «Сабало» за гостеприимство организацией рыбалки вблизи побережья. Приготовления кончились тем, что, поскользнувшись на палубе, он упал за борт в воду. Она показалась ему ледяной. «Я никогда не чувствовал что-либо холоднее этой воды». Весь вечер 8 августа он чувствовал себя усталым и ломоту в ногах, что он объяснил рецидивом люмбаго. 10 августа Франклин в сопровождении Элеоноры, старших сыновей Элиота и Джеймса отправился в дальнюю прогулку на яхте «Вирео». По пути обнаружили очаг лесного пожара на одном из прибрежных островов. Нарвав зеленых веток с деревьев, два часа тушили пожар. Высадившись, наконец, на берег, усталые, прокопченные дымом от пожара, дети приняли предложение Франклина пробежать километра два и выкупаться в прозрачных, холодных прибрежных водах, а затем в мокрых купальниках таким же образом вернуться домой. Ноги по-прежнему ломило, но, когда ему передали утреннюю почту, Франклин, не меняя влажного купальника, уселся смотреть ее.

Через полчаса Франклин почувствовал серьезное недомогание: жар, отсутствие аппетита, необычное для себя чувство усталости. Он поднялся к себе в комнату и постарался уснуть. Проснувшись следующим утром, он понял, что его левая нога утратила чувствительность. Рузвельт пытался вернуть ее движениями, но вскоре отказалась слушаться и правая нога. Первый контакт с местным врачом ничего не дал. Тот вынес диагноз – простуда. Но на следующий день Франклин не смог стать на ноги без посторонней помощи. Единственный на острове телефон ограничивал поиски медицинской помощи. Позднее Франклин признавался другу, что на какое-то время он потерял веру в Бога, который, как это было прежде, благоволил ему, а теперь повернулся спиной. 15 августа, как вспоминала Элеонора, Франклин «потерял голову», и, хотя психическое состояние последнего вскоре улучшилось, общее положение подтверждало худшие опасения. 25 августа 1921 г. консилиум врачей, собравшийся в Кампобелло, вынес приговор: Франклин Рузвельт болен полиомиелитом.

Моментально общение Франклина с внешним миром, согласно принятым тогда правилам, было прекращено. Лишь Элеонора и Луис Хоу, героически несшие вахту у его постели в

качестве медсестры и медбрата, знали о причине столь странного и внезапного ухода молодого, сильного и энергичного политика в полную изоляцию. Хоу, организовавший переезд Франклина в Нью-Йорк, постарался держать все, что произошло после 10 августа, в секрете от прессы с тем, чтобы свести до минимума ущерб для политического будущего Рузвельта. Младший Франклин, сын Рузвельта, увидел его в последний момент перед транспортировкой в поезд, идущий из Истпорта на юг, в Нью-Йорк. Он вспоминал, как отец помахал ему рукой, а его лицо озарилось знаменитой солнечной улыбкой. «Поэтому я решил, что он не может быть сильно болен»³⁴.

Мальчик не мог знать, что положение отца почти безнадежно. Врачи даже опасались, что он станет источником массового заражения на побережье. Известный специалист д-р Ловетт на свой страх и риск выдал сопровождавшему Рузвельта Хоу сертификат, удостоверяющий, что в течение месяца больной не опасен для окружающих, и с этим документом Рузвельт 13 сентября проделал путь на носилках с острова Кампобелло в Нью-Йорк. Сначала на моторной лодке до Истпорта на побережье штата Мэн, затем в багажном вагоне поезда с пересадкой в Бостоне до Нью-Йорка. Конечным пунктом этого мучительного путешествия стало отделение ортопедии госпиталя Пресвитерианской церкви. С этого момента, как писала Элеонора, началось «испытание огнем». В жизни и политической биографии Франклина Делано Рузвельта открылась фаза, в которой слились воедино трагическое и героическое. В этом с первых дней могли убедиться все. Мать Франклина, Сара, узнавшая со слов Элеоноры о его «очень серьезном заболевании» только после возвращения из Европы, где она навещала родственников, приехала на Кампобелло 31 августа 1921 г. и застала атмосферу «всё как обычно». Она писала сестре: «Франклин и Элеонора сразу же решили выглядеть жизнерадостными, и потому атмосфера в доме безоблачная, я следую их прекрасному примеру»³⁵. Врачи и, главное, он сам первое время поддерживали надежду на то, что болезнь отступает и что вскоре ему (Франклину) будет позволено вернуться к делам. Но в конце сентября 1921 г. врачи констатировали, что восстановление идет очень медленно. Сохранялись сильные мышечные боли и неподвижность конечностей. Стал очевиден пугающий разрыв между неутешительными прогнозами врачей и необычным по меркам врачебного опыта оптимизмом пациента. Через три недели пребывания в клинике Рузвельт настоял, чтобы преданная ему секретарь Мисси Лехэнд ежедневно помогала разбирать ему почту, записывала его диктовки и отвечала на телефонные звонки.

Посетителей в его палате становилось с каждым днем все больше. Друзья, журналисты, деловые партнеры, коллеги по государственной службе, политики, Джозеф Дэниэлс, бывший министр военно-морского флота, одним из первых получил разрешение наведаться в палату Рузвельта. Вид парализованного бывшего заместителя привел его в состояние сильнейшего душевного расстройства. Франклин, увидев это, наградил старика сильным толчком и, смеясь в изумленное лицо Дэниэлса, сказал: «Вы рассчитывали увидеть инвалида, а я могу в первой же схватке свалить вас с ног!»

Источником мужества Франклина, пишет его современный биограф, были более сложные причины и мотивы, нежели только желание не видеть в глазах своих собеседников жалости, сочувствия или пример «дяди Тедди», храбро сражавшегося с хищниками и нередко страдавшего от их когтей и зубов. «Частично это было связано с верностью стандартам его времени и класса. «Дети тогда воспитывались иначе, чем теперь, – сказала как-то кузина Франклина Лаура Делано журналисту, взявшему у нее интервью и выпрашивающему о состоянии духа Франклина. – Вы просто никогда не должны были говорить, что вы больны. Я всегда думаю, что это было хорошей тренировкой для Франклина, когда он обезножил, он никогда не жаловался. Вы как-то просто не замечали то, что он частично парализован». Свойство привитого стоицизма было особенно типично для детей семьи Делано (к этой семье принадлежала мать Франклина – Сара. – В.М.). Франклин был с детства воспитан

являть миру внешнюю невозмутимость, т. е. всегда казаться «очень приятным... или иначе всегда ясным и счастливым», как говорил об этом его дед со стороны матери Делано. Не хныкать, не волноваться, быть невозмутимым»³⁶.

Франклин вышел (или лучше сказать был вывезен) из клиники 28 октября 1921 г., пробыв на больничной койке 6 недель. В его истории болезни было записано «без улучшений». Местопребыванием семьи стал их дом в Нью-Йорке на Ист 65 Стрит. Утром 1 декабря Франклин приступил к ежедневному интенсивному тренингу по методу дипломированного врача-физиотерапевта Кэтлин Лейк. Вскоре окружающие (в особенности дети) перестали видеть в нем неподвижного, немощного затворника самой нешумной комнаты в доме. Тактика Элеоноры и Луиса Хоу способствовала этому. Оба они решили, что никогда не будут общаться с Франклином как с инвалидом и отгораживать его от внешнего мира, его радостей и злоключений.

Избранная тактика себя оправдала. Довольно быстро Франклин втягивался в привычный для него ритм жизни, отдавая массу времени физкультуре. И для начала он возобновил свою переписку с лидерами Демократической партии о ее будущем и убедился, что он не только не забыт, но и интересуется всех как возможный кандидат на выборах в сенат конгресса США. Вернувшееся ощущение, что его, как выразился верный Хоу, «активный ум» востребован, придавало дополнительные силы, несмотря на возвращающуюся боль и множество неудобств, с которыми приходилось сталкиваться ежеминутно. Невероятным усилием воли Рузвельт приучил всех, что он может обойтись без жалоб, каких-либо дополнительных просьб и услуг. С железной последовательностью он вновь возвращал знакомый распорядок и в семейный быт. Он вернулся к своей знаменитой коллекции марок, к строительству движущихся макетов судов, участию в соревнованиях и подведении их итогов, собиранию картин маринистов, к чтению. Прочитав ставшую очень популярной книгу Герберта Кларка Гувера «Американский индивидуализм», он послал автору комплиментарное письмо-отзыв.

Первый опыт использования им стальных протезов, позволявших периодически вставать на ноги³⁷, ознаменовался возвращением к работе в «Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд». Он прервал свое партнерское участие в юридической фирме «Эммет, Марвин и Рузвельт» и через пару месяцев стал одним из учредителей большой, доходной венчурной компании, действующей в сфере корпоративного бизнеса. Его избирают президентом Строительного совета Америки. И хотя бизнес и деятельность корпоративного юриста отнимали массу времени и сил, политика обладала особым притяжением и особо важным полем деятельности в глазах Рузвельта. С помощью своего маленького штаба – Элеонора, Луис Хоу и личный секретарь Маргарита Лехэнд – он вошел в контакт с местными организациями и клубами Демократической партии посредством личных писем и обращений. В них он излагал принципы партийной перестройки, в которых настаивал на сохранении правительства США вне контроля «профессиональных денежных воротил», критиковал республиканцев за их убеждения в том, что законы «существуют только для того, чтобы делать людей богатыми без учета интереса большинства народа в построении процветающей и счастливой страны», и убеждал своих единоверцев по партии, что она должна оставаться верной «принципам прогрессивной демократии», избегая крайностей радикализма. Луис Хоу искусно играл роль компаньона, секретаря, телохранителя, устроителя дружеских вечеринок и угощений с коктейлями.

К началу избирательной кампании по выборам президента в 1924 г. Рузвельт, оставаясь еще преимущественно ограниченным в передвижении, играл уже заметную роль в определении стратегии своей партии, подборе и выдвижении кандидатов на различные выборные посты. Он был членом попечительских советов многих университетов. Влияние «отшельника» из Гайд-Парка чудесным образом получило последовательное распространение: через

прессу, радио, заочное присутствие на партийных собраниях (об этом позаботились Луис Хоу и Элеонора), благотворительных мероприятиях, публичных диспутах о нем и его позициях узнавали десятки и сотни тысяч людей. Используя дружеские отношения Л. Хоу с профсоюзами, он поддерживал с ними оживленные связи. Публичная деятельность Элеоноры в женском движении помогала не выветриваться имени Рузвельта из сознания людей. Важную роль играла информация о стараниях Рузвельта растормошить публику в связи с угрозой распространения полиомиелита и активизацией поиска средств борьбы с этим опасным заболеванием. Когда в начале 1927 г. врачи-ортопеды официально заявили о благотворном действии теплых геотермальных источников в штате Джорджия и рекомендовали создать постоянный медицинский центр в местечке Уорм-Спрингс, Франклин Рузвельт и Луис Хоу немедленно включились в кампанию по сбору средств по всей стране для строительства небольшого курорта со всей инфраструктурой (бассейн, гостиничный комплекс, дороги и т. д.). Рузвельт, находясь в Гайд-Парке, осуществлял руководство организационной деятельностью: сбор пожертвований, набор персонала, строительство и т. д. А после завершения всех мероприятий он стал почетным членом общины больных, живым, вдохновляющим примером стойкости и веры в исцеление. Самим своим присутствием, общением с мужчинами, женщинами и детьми, прогулками в специально оборудованном для него паккарде с открытым верхом, заразительным оптимизмом, игрой в ватерполо Рузвельт вселял веру в то, что страшная болезнь может отступить. Пресса время от времени оповещала страну о прогрессе благородного начинания предприимчивого «старого доктора Рузвельта». Благодаря твердой дружбе с владельцем «Фиделити» Ван Лир Блэком он оставался в платежной ведомости компании.

В политике фортуна стала, кажется, более приветливой к Франклину накануне президентских выборов 1924 г. Разумеется, он не мог претендовать на выдвижение кандидатом любого уровня, да и в целом шансы демократов были невелики. Коррупционный скандал, в котором оказался замешанным У. Мак Аду, один из лидеров партии, заставил обратить внимание на Рузвельта, как на самую популярную фигуру в партии, не связанную интригами и распрями. По оценке большой прессы, фактически у него не было соперников на съезде в 1924 г. А еще один нокаут, сваливший новоиспеченного кандидата демократов уолл-стритовского юриста Дж. Дэвиса, недобравшего осенью того же года на выборах и 30 % голосов, укрепил Рузвельта в убеждении, что «просперити», высокие заработки в стране и стабильный рынок делают невозможным для демократов выплыть против течения и вновь стать у руля страны. Наступала полоса ожидания.

Рузвельт сознательно уклоняется от разных лестных предложений, но продолжает слать циркулярные письма, в которых излагает свое видение ситуации и тактики партии в условиях преобладающей прореспубликанской, антиреформистской атмосферы, многочисленных легких способов обогащения. И в своих письмах он излагает нечто подобное платформе партии: «прогрессивная демократия», отказ от доверия ультрарадикализму, отклонение неапробированных политических теорий, расширение ответственности правительства в условиях «усложнения современной цивилизации» и с целью предотвращения злоупотреблений и воровства. В своем обращении к съезду демократов в 1926 г. в качестве его председателя (что ни для кого не было удивительным) Рузвельт вновь говорил об особой ответственности государства перед лицом усложняющихся национальных проблем. Он пессимистически смотрел на шансы партии в стране в разгар увлечения «сверхматериализмом», но, говоря о всеобщей боязни идеализма, предвидел время, когда страна начнет прислушиваться к идеям, которые не будут уже звучать чисто «материалистически». Но нельзя поддаваться горячности и нетерпению. Выборы президента в 1928 г. (истекал второй срок пребывания в Белом доме республиканца Калвина Кулиджа) не сулят ничего хорошего демократам.

Слишком рано. «Я не вижу возможным избрание демократического президента раньше 1932 г.», – писал он одному из своих корреспондентов³⁸.

И вот первый звонок. Ощущение накопления отрицательных факторов в экономике США, ее общего неблагополучия вопреки внешнему процветанию все усиливалось по мере приближения к очередному рубежу – выборам президента в 1928 г. Рузвельт высказал свое видение ситуации в речи в связи с выдвижением им кандидатуры Альфреда Смита 27 июня на съезде демократов в Хьюстоне. «Америка нуждается в поводе, – говорил он, – вознице, который выведет ее на дорогу и сумеет избежать гибели в бездонном болоте грубого материализма, поглотившего многочисленные великие цивилизации прошлого, который обладает волей к победе и который не только заслуживает успеха, но и умеет добывать его»³⁹.

Эффект от речи Рузвельта, как свидетельствовала пресса, был огромен. Может быть, это обстоятельство подтолкнуло Рузвельта наконец принять предложение партийных «капитанов» баллотироваться на пост губернатора штата Нью-Йорк. Оказалось, что его согласие было получено в нужное время и, несмотря на страхи Луиса Хоу, при обстоятельствах весьма благоприятных для его босса. Ценой вопроса были только отказ от режима, предположительно обещавшего восстановление подвижности, и от поддержки лидеров партии (в том числе и А. Смита) на предполагаемых где-то впереди выборах президента, когда, как пишет биограф, «придет его очередь бороться за главный приз»⁴⁰. Тяжелые размышления закончились решительным выводом. «Если ты живешь в политике, – объяснял Рузвельт свое решение принять вызов сочувствующему ему шоферу, – ты должен играть по правилам игры».

Вечером 6 ноября 1928 г. были обнародованы предварительные результаты голосования по выборам президента и губернатора штата Нью-Йорк. Повсеместно Альфред Смит потерпел сокрушительное поражение. Рузвельт и его семья ждали похожей участи в штаб-квартире кандидата в отеле «Билтмор» в Нью-Йорке. Утренние газеты 7 ноября готовились к рассылке с заголовками на первых полосах, возвещающих о поражении кандидатов-демократов. Убедившись в преобладании отрицательных результатов в информации с мест и предчувствуя печальный для себя финал, Рузвельт отправился домой спать. В 2 часа ночи телефонный звонок из штаб-квартиры разбудил его, заставив подумать о гонцах беды. Он отказался разговаривать и повесил трубку. В 4 часа утра его доверенные лица в отеле «Билтмор» объявили прессе, что подсчет голосов, поданных на выборах губернатора, закончился с небольшим преимуществом для Франклина Делано Рузвельта.

Глава II

«Мы должны быть партией либеральных принципов, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам...»

Расчетная точка. Паника

Существует мнение (в том числе и очень серьезных историков), что Рузвельт после катастрофы в августе 1921 г. с точки зрения интеллектуальной активности долго оставался в состоянии ухода от реальности, частичного анабиоза, предпочитая заниматься восстановлением своих физических сил, мускулатуры и общей подвижности. Мы могли увидеть, что это далеко не так. Для себя как политика он выстроил поведенческую модель, базирующуюся на представлении о цикличности избирательных предпочтений в зависимости от подъемов и спадов уровня благополучия нации. Он много раз приватно говорил об этом, как это он сделал в письме Уилларду Солсбери в конце декабря 1924 г.: «В 1920 году... я как-то заметил... что не верю в возможность демократов снова победить на национальных выборах, пока республиканцы не ввергнут нас в серьезный период депрессии и безработицы. Я все еще думаю, что этот прогноз себя оправдает...»¹

Если отвлечься от данных экономической статистики в более широком смысле, Рузвельт полагал, что внутренняя нестабильность в стране неизбежно возрастет ввиду быстро меняющейся и не находящей адекватного понимания ситуации в структуре производства, отраслевом балансе, демографии, социальном укладе нации. С конца XIX в. ведущей тенденцией в стране стало изменение, все ускоряющиеся трансформации в некое непривычное внутреннее переплетение новых факторов риска, которые необходимо внимательно отслеживать с тем, чтобы быть готовым адаптироваться к ним. Особо показательно в этом отношении было его выступление в Мильтоновской академии в Массачусетсе перед выпускниками, в котором он говорил о наступлении эпохи глобальных перемен и необходимости встретить ее вооруженными новым мышлением и даже новыми ценностями. Проблемы мира, заключил Рузвельт, возникли по большей части стараниями тех, кто боится перемен, а не тех, кто стремится к революции... «В правительстве, в науке, в промышленности, в художественном творчестве бездеятельность и апатия являются самыми большими нашими потенциальными врагами»². Изданная отдельной брошюрой, речь Рузвельта была названа «Куда держать путь?». Всем было ясно, о чем идет речь. В конце концов, американцы и на пике «процветания» 20-х годов ощущали, что невиданное накопление несметных богатств на одном полюсе и бедности – на другом, внедрение культуры финансовых спекуляций чревато экономическим коллапсом, провалом, неуправляемостью социальной жизнью, безработицей.

Но вслух устои американского благополучия 20-х годов не подвергали сомнению внушаемые пропагандой потребительства обыватели. Могло ли быть иначе в годы правления Калвина Кулиджа, самого молчаливого президента США, который ровно за год до полного краха национальной экономики торжественно заверил конгресс, «что страна может оценивать настоящее с чувством удовлетворения и смотреть в будущее с оптимизмом»?³

Популярность правых консерваторов в современной нам Америке служит поводом для похвалы в адрес «эпохи Калвина Кулиджа», поминания ее в прессе и речах как вершины свободной от правительственного участия экономики, давшей богатство одним и достаток другим. Упор делается на мировых рекордах обогащения королей бизнеса и финансовых олигархов, хотя по большей части это обогащение происходило на базе войны, обеспечения монополиями США ведущих позиций в мировой хозяйственной системе за счет конкурентов США, обескровленных и обессиленных Первой мировой войной, послевоенной разрухой, застоєм и внутренними политическими кризисами. Не все, разумеется, так безнадежно серо. Большинство американских историков и экономистов (и среди них много весьма умеренных по своим убеждениям) считают «эру процветания» самым большим провалом в истории государственных институтов США, тем не менее приверженцы идеи антистейтизма и неограниченного, бесконтрольного верховенства бизнеса во всех без исключения сферах социально-экономической жизни нации стоят на своем, стесняясь прибегать к рузвельтовской риторике. Рональд Рейган, например, заявлял, что в годы деятельности администрации К. Кулиджа США «пережили, возможно, самый большой подъем процветания за всю свою историю»⁴. Он ничего не сказал о том, на чем держалось это процветание, что же это за феномен, если иметь в виду общество в целом, и, что еще более важно, какое безрадостное «рандеву с судьбой» ожидало страну в конце десятилетия жертвоприношений бизнесу и делания денег из воздуха.

Спору нет, осуществив благодаря золотому дождю военных прибылей широкую технологическую модернизацию, американская экономика сделала огромный рывок вперед, оставив позади весь остальной мир. Производительность труда возросла на порядок. Промышленные рабочие в 1930 г. трудились в полтора раза эффективнее, чем в 1908 г. За 1923–1929 гг. производство стали возросло с 49 млн до 61,7 млн т; добыча нефти – с 732 млн до 1007 млн баррелей; производство электроэнергии – с 71,4 млрд до 116,7 млрд кВт·ч⁵. Были созданы новые отрасли и новые звенья инфраструктуры, превратившие, точнее сказать, преобразовавшие старые ценности в новую потребительскую мораль (консюмеризм), которая стимулировала, в свою очередь, индустрию досуга и рекламы, ставшую неотъемлемым атрибутом фундаментальных перемен в экономике.

Но ни один продукт промышленного производства не символизировал столь же полно и выразительно революцию в бытовой культуре, как это сделал автомобиль. Именно с его производством были в большей степени связаны высокие темпы экономического роста в целом и благополучие доброго десятка других отраслей промышленности, стабильность товарооборота, размах дорожного строительства. В геометрической прогрессии выросло число рабочих мест в отраслях массового производства.

Небывалая предпринимательская лихорадка и спекулятивная горячка на фондовых биржах, поощряемые правительственным оптимизмом, в сознании многих людей создавали ложное впечатление, будто привычные опасности капиталистического цикла позади, процветание нескончаемо, что в Америку уже никогда не вернуться кризисы, массовые банкротства, нищета и голод, а вместе с ними классовая рознь, социальные конфликты. Средства массовой информации, исследовательские центры бизнеса усердно культивировали эти иллюзии, утверждая, что в экономике США действуют новые экономические законы и новая индустриальная этика, позволявшие говорить о неповторимости «Американского пути». Концепция развития «нового, специфически американского типа цивилизации», гармонически сочетавшего в себе возможности ничем не ограниченной капиталистической конкуренции и социального партнерства, культ техницизма и нового просвещенного менеджмента, была возведена в ранг официальной идеологии, персонифицировалась в облике министра торговли в администрации К. Кулиджа – Герберта Кларка Гувера. Судьба не просто угото-

вила ему стать будущим президентом, она отняла у всех его оппонентов малейший шанс завоевать доверие американцев.

Корпоративный капитал захватил командные позиции в экономике и политике. Его агрессивная наступательность по всем линиям привела к свертыванию мелкого и среднего бизнеса, многих учреждений, призванных оградить общественные интересы от своекорыстных посягательств со стороны денежных магнатов, к росту консервативных настроений среди широких масс населения, оглушенных критикой в адрес «Большого правительства» и «Больших профсоюзов» и поверивших рекламе «нового капитализма». Одним из основных принципов политической философии «крайнего индивидуализма» было противодействие любым нововведениям, неугодным и не санкционированным крупным «ассоциированным» капиталом. «Это был период, – писал видный американский историк А. Линк, – почти уникальный благодаря необыкновенно сильной реакции против идеализма и реформ»⁶.

Особо тяжелый урон в результате спада общедемократического движения и подавления социально-критической мысли понесло рабочее движение, накануне и в годы Первой мировой войны ставшее важным фактором гражданского общества. Лишенное динамического руководства, разобщенное и скованное установками профсоюзного экономизма в его наиболее крайних проявлениях («простой и чистый тред-юнионизм»), политически зависимое от двухпартийной системы, ослабленное полицейскими репрессиями и травлей в годы «красной паники» (1917–1920 гг.), поверившее в наступление эры «капитализма всеобщего благополучия» и «естественной гармонии интересов», рабочее движение США переживало период затяжного спада и деморализации. Прогнозы на будущее даже со стороны сочувствующих наблюдателей из числа либеральных аналитиков не сулили ему ничего утешительного: данные свидетельствовали об уменьшении числа организованных в профсоюзы рабочих. Казалось, «рабочий вопрос» был снят с повестки дня окончательно. Как найти верные ориентиры, какой путь избрать – вот чем были заняты мысли тех немногочисленных групп рабочих радикалов, которые и сами порой не верили в то, что они могут еще кому-то пригодиться.

Правительственный курс республиканцев, взявших «штурмом» Белый дом и конгресс, в 1921–1933 гг. в целом как нельзя лучше отвечал всем самым далеко идущим вожделениям деловых кругов, в особенности их лидирующих группировок. Поклонение политической экономии Адама Смита, ничем не ограниченной стихии рыночных отношений, свободной от прямого правительственного регулирования и контроля, стало краеугольным элементом экономической стратегии федерального правительства Гардинга и сменивших его Кулиджа и Гувера. Самой популярной в вашингтонских департаментах была установка, выраженная в лаконичной формуле: «Предоставьте бизнес самому себе, а он позаботится о вас». Разумеется, ее не следовало понимать упрощенно, т. е. в том смысле, что участие государства в экономической жизни объявлялось в корне недопустимым, но единственно, где признавалась активная его роль, так это в фискальной политике, в сфере охранительной деятельности и контроля за иммиграцией.

Бизнес был заинтересован в жестком правительственном контроле за всеми формами свободомыслия, включая расовые, индустриальные отношения, воспитание молодежи и в интеллектуальной деятельности. Рост антиевропеизма и клерикального фундаментализма привел к деформации духовной жизни общества, вызвав многие негативные последствия. Социалистические течения почти полностью исчезли со сцены. Фактически распалось и прогрессистское движение, выступавшее длительное время влиятельной общественной силой и ставшее инициатором многих преобразований. Лишившись поддержки со стороны рабочего и фермерского движения, оно сбилось на повторение старых лозунгов и незаметно оказалось на обочине общественной жизни, в изоляции от ее главного русла. Беспорядочное отступление либерализма под натиском консервативной ортодоксии приводило к утрате им

почти всех главных позиций на верхних и средних этажах государственного здания. Никто не мог поручиться, что прогрессивная демократия когда-либо вновь сможет играть заметную роль в определении общего вектора общественного развития, не говоря уже о правительственном курсе.

Замешательство среди либералов усиливалось по мере того, как Демократическая партия, еще недавно, казалось, склонявшаяся к идее превращения в партию умеренно-популистского толка, резко свернула вправо, публично объявив устами своих лидеров, что она не меньше республиканцев озабочена, как создать лучшие условия для процветания монополистической верхушки общества и не слишком озабочена положением тех, кто находится у подножия социальной пирамиды. В конце 20-х годов новоявленный председатель Национального комитета Демократической партии (сам вчерашний республиканец) миллионер Джон Раскоб заявил, что вся разница между двумя главными партиями лишь в том, что демократы были «мокрыми», т. е. стояли за отмену сухого закона, а республиканцы – «сухими», т. е. против такой отмены.

Так же решительно (по существу, но не по форме), как и республиканцы, отмежевываясь от европейского свободомыслия и обещая стране «окончательно» ликвидировать последние следы бедности, демократы, формально не порывая с традициями «вильсонизма», все же несколько под иным углом зрения смотрели на происходящее за пределами США. Они не позволяли ослепить себя безрассудной верой во всемогущество Америки, способной якобы в одиночку, не связывая себя никакими обязательствами и опираясь на экономическую мощь и превосходство силы, не только реализовать собственные имперские амбиции, но и одновременно обеспечить повсюду выгодный США баланс сил. Сохраняя верность постулату В. Вильсона о мессианской роли США и об абсолютных преимуществах «Американского пути», демократы противопоставили заскорузлomu изоляционизму республиканцев концепцию активного вторжения в международные дела в интересах утверждения многостороннего влияния Вашингтона на ход мирового развития. В этом они видели основное условие укрепления нового миропорядка, а вместе с тем и эффективное средство «сдерживания революции». По-своему демократы более трезво оценивали главные тенденции мирового развития, более чутко улавливая пульс времени и содействуя пониманию американцами той роли, которую Америка, хочет она этого или не хочет, должна играть в изменившемся мире.

Сокрушительное поражение на президентских выборах в 1920 г. не означало, что партия начисто утратила надежду взять реванш в будущем. Пессимизм, овладевший большей частью руководства партии, не затронул честолюбивой группы молодых политиков, среди которых выделялся бывший заместитель военно-морского министра в администрации Вильсона и кандидат демократов на пост вице-президента в 1920 г. Франклин Делано Рузвельт. Энергичный, буквально на ходу улавливающий изменения обстановки и легко приспосабливающийся к ней, беззаветно верящий в свою звезду, Рузвельт в «просвещенных» кругах финансово-промышленного капитала Северо-Востока вызывал неподдельный интерес. В нем видели воплощение всех добродетелей либерализма той его разновидности, которую представлял Вильсон, но сдобренного большой дозой прагматизма в духе новой предпринимательской морали, как ее понимал Теодор Рузвельт.

Еще до победы на губернаторских выборах осенью 1928 г. после длительного пребывания в тени Рузвельт делает первый осторожный и одновременно рискованный шаг в новом туре борьбы за национальное признание. Те, кто поддержал Рузвельта, бросившего вызов республиканцам, разделяли его глубокие убеждения, что удар следует нанести там, где позиции противника слабее всего. Мишенью был избран внешнеполитический курс правящей партии, выглядевший явным анахронизмом, вступивший в противоречие с самым здравым смыслом. До того крайне редко выступавший в печати, Рузвельт принялся за написание статьи для журнала «Форин афферс» с целью, как он отмечал, «дать представление о точке

зрения демократов на внешнюю политику США»⁷. Чувствуя, однако, себя не вполне подготовленным к выполнению такой задачи, будущий президент обратился за советом к многоопытному Норману Дэвису, видному американскому дипломату, стороннику «либерального интернационализма» Вильсона. Рузвельт просил его набросать краткий конспект внешнеполитической платформы демократов, из которого затем можно было бы «вытесать» нечто цельное, нешаблонное и внушительное. Акцент, как полагал Рузвельт, следовало при этом сделать на выявлении пороков республиканизма, чреватых в будущем неизбежными серьезными провалами для дипломатии США.

Н. Дэвис откликнулся обстоятельным письмом, в котором весьма определенно была прописана линия размежевания между республиканской доктриной и позицией демократов. Опытный профессиональный дипломат резко, в частности, критиковал республиканцев за их нежелание использовать возможности Лиги Наций и чванливое третирование ими приемов традиционной дипломатии. Он не рекомендовал кандидату демократов (кто бы он ни был) немедленно и открыто ставить вопрос о вхождении в Лигу Наций по причине изоляционистски настроенного общественного мнения страны, но считал важным объявить о том, что демократы «стоят за сотрудничество с другими странами мира в искренних усилиях, направленных на устранение войн и сохранение мира»⁸. Невежество и неискренность республиканцев, по мнению Дэвиса, завели во многих случаях в тупик внешнеполитический курс Вашингтона. И самые печальные последствия это имело для отношений США с латиноамериканскими странами. Дэвис считал, что, пока не поздно, Соединенные Штаты должны сменить тон и предстать в глазах своих многочисленных южных соседей эдаким добрым родственником или соседом, воплощением миролюбия и бескорыстия. «Я думаю, – писал он, – было бы хорошо для нас заявить, что мы желаем взаимовыгодных отношений дружбы, равноправных и прибыльных торговых контактов с близкими нам латиноамериканскими республиками. Нам следует прекратить вмешательство в их внутренние дела, которое обернулось массовыми убийствами американскими солдатами так называемых мятежников, и другие виды несанкционированных вторжений, как это было в случае с Никарагуа».

Рузвельт был в восторге от этой шпаргалки. Скроить из нее статью, обещанную им журналу «Форин афферс» и призванную, как он мыслил себе, быть внешнеполитическим манифестом Демократической партии, не составляло труда. И то, что появилось в июльском номере за 1928 г., имело ярко выраженную антиизоляционистскую окраску и напоминало прямой вызов внешнеполитическим принципам республиканской администрации. Сказав о том, что в истории Америки были периоды, когда ее политическое руководство подавало цивилизованному миру пример доброй воли и миролюбия, Рузвельт тут же отметил, что с победой республиканцев летом 1919 г. на выборах в конгресс США «сделали очень мало или ничего не сделали» для решения острых проблем, с которыми столкнулось мировое сообщество после Великой войны и Версаля. Удивив многих, кто был знаком с его политической карьерой, Рузвельт обрушился на программу возобновления военно-морского строительства, начатого республиканцами («в поражающих масштабах»)⁹, обвинив их в подрыве «принципов мира» в связи с отказом от сотрудничества с Лигой Наций и Международным судом. Автор статьи на этот раз не высказывался за вступление в Лигу Наций, но в духе наставлений Дэвиса ратовал за более активное участие во всех начинаниях этой международной организации.

В той части статьи, где говорилось о политике Соединенных Штатов в Латинской Америке, Рузвельт заявил о невозможности для США в сложившихся условиях, не считаясь ни с чем, выполнять присвоенные ими самими жандармские функции на континенте. По-своему развивая идеи Дэвиса, Рузвельт предлагал использовать здесь новые, более соответствующие изменившейся обстановке методы, с тем чтобы удержать «братские страны» в орбите

влияния США. «Пришло время, – писал он, – когда мы должны следовать... новому, улучшенному стандарту поведения в международных отношениях». Рузвельт считал, что лишь в случае, когда южные соседи окажутся охвачены внутренними потрясениями, США должны прийти им на помощь для восстановления порядка и стабильности. «Но, – говорилось далее в статье, – Соединенные Штаты не могут и не должны ссылаться на свое право или обязанность прибегать к интервенции без согласования с другими странами региона. Обязанностью США является совместное с другими латиноамериканскими республиками изучение проблемы и, если условия того требуют, предоставление помощи (либо в одностороннем порядке, либо вместе с другими странами) от имени всей Америки. Политике вмешательства во внутренние дела других государств на основе односторонне принятого решения должен быть положен конец; в сотрудничестве с другими странами мы обеспечим больше порядка в нашем полушарии...»¹⁰

Итак, «дипломатия канонерок» должна стать более улыбочивой и более... коллективистской, добрососедской. Ведь чрезмерное упование на право США осуществлять единоличный диктат в отношении южных соседей роняет репутацию Вашингтона и не приносит успеха усилиям, направленным на сохранение старых авторитарных режимов. Гибкая же тактика придаст лику внешней политики и дипломатии США благопристойные черты, более соответствующие демократическим тенденциям в международной жизни, укореняющимся с 1917 г. Разве не этого хотел В. Вильсон? Рузвельт был очень доволен своей работой. Она заставила говорить о себе как о новом слове в подходе к политике в целом, хотя консерваторы в обеих партиях и пытались замолчать саму тему внешней политики, упирая больше на «триумфальную поступь» материального преуспевания страны и на фантастические способности большого бизнеса без чьего-либо вмешательства решать любые проблемы, усмиряя с помощью инвестиций, подкупа и внутренних расколов сопротивление диктату ассоциированного капитала.

А между тем эти самые проблемы продолжали накапливаться незаметно для ослепленных эффектами внешнего благополучия экономических прорицателей нескончаемого капиталистического «процветания». Впрочем, стало ли оно реальностью для большинства трудящегося населения Америки? Факты показывают, что на этот вопрос ответ Рузвельта был отрицательным. Диспропорции в экономике сохраняли и после первого послевоенного экономического кризиса 1920–1922 годов очень острой проблему занятости и потребления. Безработица и в «хорошие времена» буквально по пятам преследовала рабочих многих отраслей, положение которых оставалось неблагоприятным, а иногда и просто бедственным. Гарантией сохранить рабочее место никто из них похвастаться не мог, а вот опасность оказаться без работы и без поддержки со стороны общества в течение нескольких месяцев, а то и нескольких лет подстерегала каждого. Точное число безработных установить было трудно: учет был весьма несовершенным. Но выборочные данные показывают, что в разгар «процветания» безработица почти никогда не опускалась ниже 4 % численности занятых в различных отраслях экономики помимо сельского хозяйства¹¹.

В 1929 г. один из популярных общественно-политических журналов США опубликовал статью председателя Национального комитета Демократической партии Джона Раскоба под названием «Каждый должен быть богатым». Однако статистика беспощадно развенчивала эти, по-видимому, не очень искренние призывы. В самом распределении доходов содержался ответ на вопрос о том, устранима ли бедность и классовая дифференциация в Америке. Согласно данным Института Брукингса, доход верхушки американских семей (0,1 % общего числа) в 1929 г. был равен доходу 42 % семей, находившихся на нижних ступенях социальной лестницы. Проведенные исследования показывали, что «процветание» сопровождалось не сужением пропасти между бедностью и богатством, а ее расширением¹².

Данные об имущественном расслоении населения еще более характерны. Почти 80 % всех американских семей (21,5 млн семей) не имели никаких сбережений, а 24 тыс. самых состоятельных семей (0,1 % всех семей) являлись владельцами 34 % всех сбережений¹³. Разумеется, были категории населения, для которых «процветание» не только всегда оставалось чисто призрачным явлением, недостижимым фантомом, но и в определенной мере бедствием, периодом мучительной ломки, выталкивания их из сферы традиционных для них занятий в сферу мигрантов, кочующих в поисках работы. Это относится к рабочим некоторых старых, умирающих отраслей (добыча угля, большинство отраслей легкой промышленности), мелким предпринимателям, бесцеремонно вытесняемым крупным капиталом, и, конечно, к сельскохозяйственному населению, фермерам, издольщикам, сезонным рабочим.

Иногда 20-е годы в истории США называют «ревущими 20-ми», желая передать дух происходящих глубоких изменений и особый размах деляческой инициативы, спекулятивной горячки и показного оптимизма, которые придали специфическую окраску этому периоду. Говоря о положении фермерства, эта дефиниция пригодна в том смысле, что его протестующий голос был особенно громким в силу прямого и самого значительного по своим масштабам почти за всю историю США обнищания этой категории населения под ударами затяжного аграрного кризиса. Все время раздвигающиеся «ножницы» между ценами на промышленные товары, потребляемые фермерами, и сельскохозяйственными продуктами (первые непрерывно росли, вторые так же непрерывно снижались) сделали большинство хозяйств мелких и средних фермеров хронически убыточными. Доля семей фермеров, представлявших 22 % населения США, в 1920 г. составляла 15 % в национальном доходе страны. Через восемь лет эта доля уменьшилась до 9 %. В 1929 г. средний ежегодный доход жителя сельской Америки составлял 273 доллара, средний доход американца-горожанина – 750 долларов¹⁴. Все увеличивающееся бремя задолженности, эпидемия разорения буквально сгоняли фермерское население с земли, которое бежало в города, пополняя армию безработных, малоимущих групп населения, маргиналов без профессии и сбережений.

Оказавшееся в тисках кризиса перепроизводства, напрасно взывающее о помощи со стороны правительства и, пожалуй, больше всех тогда заинтересованное в правительственном вмешательстве, фермерство и в целом аграрный сектор экономики становились прообразом ближайшего будущего всей экономики. Удивительнее всего, однако, было то, что столь явно заявившие о себе симптомы заболевания, свидетельствующие о надвигающемся крахе, не вызывали общественной тревоги, а отдельные трезвые прогнозы тонули в шумной разноголосице восхвалений в адрес экономической стратегии крупного капитала. Даже циничный пересмотр и шельмование социальной доктрины «прогрессивной эры» начала XX века не привели к пробуждению публики и не заставили ее выйти из состояния апатии и безмятежности. Как должное и как последнее слово философии делового успеха были восприняты многими нападки на вильсоновских либералов за допущенные ими «расширительные» толкования конституции, которые якобы ослабляли правовую защиту «против социалистических посягательств на собственность». Здесь в первую очередь имелось в виду известное расширение договорных прав профсоюзов, наносящих якобы непомерный ущерб собственническим интересам бизнеса. Идеология застоя, обращения вспять движения к переменам, отказ от поиска новых правовых форм общественных отношений, разумной социальной политики, диктуемой изменившимися условиями, жизнью, нашли свое законченное выражение в постулате, выдвинутом председателем Верховного суда и экс-президентом республиканцем У. Тафтом еще в 1921 г.: «Лучше терпеть зло, нежели прибегать к разрушительным нововведениям, в ходе которых эти нововведения могут оказаться хуже зла»¹⁵.

Получив столь авторитетную моральную санкцию, «зло» в виде ущемления прав лиц наемного труда, гонений на их организации, стачечную и политическую деятельность, либе-

рально-конформистской истерии (термин, который предложил видный американский историк Л. Харц) пополам с проповедью индивидуализма, ксенофобии, расизма, презрения к неудачникам и обездоленным пустило глубокие корни, создавая условия, как выразился однажды Рузвельт, для возвращения эпохи «нового экономического феодализма» – абсолютного, ничем не ограниченного произвола олигархической верхушки общества¹⁶. В 1929 г. продолжительность рабочего дня американского рабочего была больше, чем в других индустриально развитых странах. Системы социального страхования и материальной помощи по безработице не существовало, в то время как в европейских государствах она давно уже служила средством защиты (пусть слабой) трудящихся от превратностей экономической конъюнктуры. Нещадная эксплуатация детского труда, дискриминация иммигрантов, афроамериканцев и женщин, рекордная продолжительность рабочего дня для многих категорий работников ставили Соединенные Штаты вровень с самыми отсталыми странами мира.

Все ярче проявлялось главное противоречие экономики «процветания». Целые регионы и отрасли оказались им не затронуты, обнажая все обострившийся конфликт между ограниченностью потребления масс и стремлением модернизировавшегося, технологически передового капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества. Предчувствие Рузвельта близости внутреннего развала стало обретать для всех черты реальности. Осенью 1929 г. грохот обвала достиг высшей точки. Капиталистический способ производства вновь восстал против способа обмена, но на этот раз сила взрыва всех антагонистических противоречий не знала себе равных. Было и еще одно обстоятельство, которое говорит о многом: США стали эпицентром мирового экономического кризиса, именно отсюда поступали разрушительные импульсы, подрывающие мировое хозяйство и оказывающие дестабилизирующее воздействие на международную обстановку в целом.

Паника на нью-йоркской бирже сначала в виде первых толчков в сентябре, а затем в «черный четверг» 24-го и в «черную среду» 29 октября 1929 г. проложила глубочайшую межу в социально-экономической и политической истории США. В чем-то она вполне сопоставима с взятием южанами форта Самтер 12 апреля 1861 г. Стало принято все делить на «до» и «после». Страна была ввергнута в водоворот экономического кризиса в тот момент, когда еще не улеглись страсти избирательной кампании 1928 г., памятной безудержным бахвальством республиканцев в отношении достижений «новой эры», обещаниями их лидера президента Герберта Кларка Гувера сделать американцев «еще богаче» и натужными усилиями демократов убедить избирателей, что они могут делать все то же самое, только лучше и надежнее «Великой старой партии».

Лавина банкротств, падение производства (до самой низшей отметки в 1932 г.), миллионная безработица смыли румяна «процветания» и обнажили все органические болезни американской экономики и глубину сохранившегося социального неравенства в стране. В кричащей форме проявились необеспеченность широких слоев населения, иллюзорность, призрачность их благополучия. Общество, привыкшее судить о себе по красочным рекламным щитам, обнаружило, сколь мало еще доступность и дешевизна тех или иных потребительских ценностей вроде автомобиля выражают прочность основы, которая позволяет ему не только гармонично развиваться, но и просто существовать. Вмиг сотни тысяч семей, еще вчера пользовавшихся благами высоко индустриализованной цивилизации, с потерей кормильцем работы оказались один на один с нищетой и голодом, без всякой поддержки и, что хуже всего, без права получить такую поддержку. Знаменитый острослов Билл Роджерс мрачно съязвил: «Мы являемся первой в истории человечества нацией, следующей в приют для нищих в автомобиле»¹⁷. Полнейшая незащищенность трудовой Америки от губительных ударов безработицы была самым тяжелым последствием господствующей социально-экономической доктрины. Размеры безработицы могли показаться просто

невообразимыми. «Сколько американцев не имело работы в марте 1933 года? – спрашивал в одном из своих выступлений в 1936 г. Г. Гопкинс, ближайший помощник Рузвельта, взваливший на себя бремя организации социальной помощи. – Если вы назовете цифру в 18 или даже в 13 миллионов, то и меньшая из них способна навести ужас»¹⁸.

А что же общество? Оно отвернулось от этих терпящих бедствие своих членов, алчущих помощи и участия, но взамен наталкивающихся на стену равнодушия и... оскорбительную подозрительность. Мораль обывателя, настроенная по камертону «процветания», не признавала ссылок на «независящие» обстоятельства. По словам того же Гопкинса, «существовала тенденция обвинять безработных в отсутствии патриотизма, в попытке жить за чужой счет»¹⁹. Между тем государственная политика США в вопросе социального страхования по безработице на протяжении многих десятилетий выражалась в неуклонном следовании пресловутой формуле «твердого индивидуализма». В переводе на обычный язык это означало, что забота о миллионах американцев, оказавшихся жертвами кризиса, является их личным делом или в крайнем случае прерогативой местных властей и частных благотворительных фондов. По мнению Гопкинса, этой «социальной слепоте» не было оправдания. «Мы сталкивались со значительной безработицей, – говорил он, – на протяжении 40 лет, но официально для решения этой проблемы вплоть до самого последнего времени не делалось ничего другого, кроме того, что ее упорно игнорировали»²⁰.

Нью-Йорк одним из первых среди больших городов США оказался в положении осажденной крепости, оставшейся без всего самого необходимого. Армия нищих росла как снежный ком. Каждый новый день увеличивал ее на тысячи семей, подвигая город к критической черте. Нетрудно понять, почему именно здесь, в Нью-Йорке, среди политиков либерального толка (в основном демократов) росло убеждение, что уменьшить вероятность катастрофы смогут только энергичные действия властей. Нью-йоркская действительность 1929–1933 гг. на всю жизнь оставила у многих из них острое ощущение глубины переживаемого страной социального кризиса и опасной близости взрыва в избытке скопившегося повсюду горючего материала. «Я самым тесным образом, – отмечал Гопкинс в 1936 г., – связан с проблемой руководства программой помощи безработным с первых дней кризиса... Я видел, как в широких масштабах стали проводиться увольнения, и был свидетелем ужасных потрясений, заставивших тысячи крепких семей обращаться за помощью к благотворительным организациям. Я видел, как удлинялись очереди за куском хлеба и чашкой кофе и переполнялись ночлежки для бедняков... Скопища мужчин слонялись вдоль улиц в безнадежных поисках работы... Впавшие в отчаяние, озлобленные толпы безработных штурмом брали местные муниципалитеты и помещения организаций помощи только для того, чтобы узнать о пустой казне и быть рассеянными с помощью слезоточивого газа. Женщины, дети и старики, физически страдая от холода и голода, молили власти о крохах, чтобы хоть как-то продлить свое существование...»²¹

Как помочь «забытому человеку»?

Главным призом демократов на выборах 1928 г. было губернаторское кресло в штате Нью-Йорк. Победа Рузвельта удивила его самого и боссов партии. Ожидание неудачи было связано не только с утратой Демократической партией популярности у избирателей, но и с опасениями, что претендент сам по себе скорее оттолкнет, чем привлечет голоса. У вступившего на путь борьбы за победу в «имперском штате» Рузвельта с точки зрения стандартных критериев было слишком много слабых мест. В прошлом он никогда не избирался на выборную должность более высокого уровня, чем скромное место в легислатуре штата, потерпел поражение на президентских выборах, в которых участвовал в качестве кандидата демократов на пост вице-президента, связал себя с прогрессистским крылом партии в эпоху расцвета консерватизма и, наконец, был частично парализован.

Сам Рузвельт тоже не надеялся на успех, да и не хотел, как мы видели, его по той простой причине, что такой успех неизбежно сделал бы его кандидатом демократов на выборах 1932 г., победить на которых никто в Таммани-холле (штаб-квартира Демократической партии. – *В.М.*) и не рассчитывал. Поскольку боссы-демократы считали, что «республиканское процветание» будет длиться долго, Рузвельт и Л. Хоу секретно планировали начать борьбу за Белый дом только в 1936 г. Помимо своей воли (и это глубоко символично), таким образом, в 1928 г. Рузвельт сделал первый шаг к президентству. Дальше ход событий принуждал его часто изменять самому себе. Ирония судьбы? И да, и нет. Политик-прагматик, Рузвельт чувствовал себя непринужденно в любой ситуации, заранее готовый к любым неожиданностям.

Став губернатором Нью-Йорка и оказавшись лицом к лицу с самым крупным очагом национального бедствия, Рузвельт поддался инерции движения. Он опасался прослыть радикалом, а потому следовал в принципе тем же курсом, что и республиканская администрация. Лишь в августе 1931 г. губернатор Нью-Йорка решил создать Временную чрезвычайную администрацию помощи в штате Нью-Йорк (ТЕРА), которая призвана была осуществить некоторые мероприятия, вызванные неотложными нуждами обеспечения материальной помощью семей безработных. Первоначально Рузвельт полагал, что надобность в ТЕРА сама по себе вскоре отпадет, и потому заботился главным образом о том, чтобы все начинание выглядело как можно благопристойнее в глазах консервативных критиков. Они с вожделием смотрели на него, полагая, что через два года, на очередных выборах губернатора Рузвельт будет представлять собой политический труп на фоне ликующих сторонников консерватизма. Ему удалось уговорить встать во главе ТЕРА Джесси Страуса, председателя правления торговой фирмы «Мейсис и К°». Величественный Страус, не представлявший, как подступиться к делу, дав согласие, занялся поисками такого директора-распорядителя, на которого можно было бы свалить вину, если бы затея с ТЕРА провалилась. А в этом почти никто не сомневался. Увы, все попытки найти нужного человека, казалось, будут безуспешными: никто не хотел выступать в роли мальчика для порки. Неожиданно удалось получить согласие возглавить «безнадежное дело» скромного деятеля системы благотворительной помощи Нью-Йорка Гарри Гопкинса. Рузвельт никогда не жалел о своем выборе.

Уже вскоре Страус постарался избавиться от тягостных обязанностей президента ТЕРА и, выхлопотав себе пост посла во Франции, уехал туда. Он и Гопкинсу предложил поехать вместе с ним в качестве помощника. Последовал отказ. Перспектива стать «салонным шаркуном» Гопкинса не устраивала. Его планы простирались значительно дальше дипломатической карьеры и офисов госдепартамента. Освободившийся пост президента ТЕРА, близость к губернатору открывали широкий простор для деятельности. Главное же, жить во имя физической ликвидации нищеты было призванием этого странного Дон Кихота из штата Айова. Гопкинс знал, что Рузвельт был доволен его бескорыстностью, предприимчивостью,

люльностью, умением находить выход из различных труднейших положений, не докучая жалобами и просьбами.

Большинство историков сходятся на том, что пребывание Рузвельта на посту губернатора Нью-Йорка не было ознаменовано какими-либо существенными достижениями в области трудового законодательства и материальной помощи. Экономика штата находилась в столь же плачевном состоянии, как и повсюду, а тем временем по большому счету власти в Олбани (столица штата Нью-Йорк) занимали такую же выжидательную позицию, как и республиканская администрация в Вашингтоне. Слово «реформа» в Нью-Йорке было так же непопулярно, как где-нибудь в Оклахома-сити, вотчине республиканцев и оплоте старого порядка.

Лишь ТЕРА на фоне полицейских жестокостей, чинимых правительством над безработными, давала Рузвельту то психологическое превосходство над Гувером, в котором он так нуждался, начиная дуэль за президентское кресло. После шумной и известной на весь мир, ничем не оправданной физической расправы над пришедшими летом 1932 г. в Вашингтон за помощью ветеранами Первой мировой войны, вызвавшей бурную реакцию в стране, Рузвельт возблагодарил собственное благоразумие, удержавшее его от рискованного шага – призыва под ружье Национальной гвардии для «усмирения» голодных бунтов в его собственном штате, Нью-Йорке²². К тому моменту, когда в связи с ростом безработицы обстановка в штате достигла особого напряжения, ТЕРА играла роль громоотвода. При ограниченных ресурсах она создавала молву о губернаторе как человеке дела, готового пойти навстречу «забытым и покинутым». Выборы губернатора Нью-Йорка в 1930 г. Рузвельт выиграл подавляющим большинством голосов, превысившим все ожидания.

Впрочем, в начале избирательной кампании 1932 г. все заметили, что в риторике губернатора Нью-Йорка появились новые интонации. И дело было вовсе не в том, что менялись, становясь более решительными, настроения его советников, членов так называемого «мозгового треста», куда вошли ученые, социальные работники и бизнесмены. Новому языку их обучали улицы промышленных городов, заполненные возмущенными людьми, бурлящие, готовые ошестиниться баррикадами, деревенские проселки, поднявшиеся на вооруженную борьбу с полицией и бандами хозяйских наемников шахтерские городки. По стране прокатилась волна общенациональных голодных походов безработных, везде выросла численность и активность их организаций. Как правило, их возглавляли откуда ни возьмись появившиеся левые и их попутчики. Вслед за пробуждением рабочего движения, опережая его, бурно начало развиваться фермерское движение. Вспыхивали фермерские забастовки, сопровождавшиеся бойкотом посреднических компаний, вооруженными выступлениями против властей. В конгрессе постоянно велись дебаты вокруг вопроса о неизбежной (в случае дальнейшего распространения безработицы, голода и массовой пауперизации) вспышке стихийных бунтов и перерастании их в нечто более серьезное и опасное для капитализма как системы²³. Во что все это могло вылиться? Цепную реакцию разрозненных мятежей или настоящую революцию? Настораживали события в Европе: исторический опыт свидетельствовал, что США не были отгорожены от нее непроходимым рвом, влияние подъема борьбы низов и верхов в европейских странах сказывалось все сильнее. Осенью 1931 г. Рузвельт специально попросил известного журналиста Ф. Аллена ознакомить его с положением в Германии²⁴. Ему хотелось ближе узнать, где и как возникают критические точки социального недовольства, к чему ведет эксперимент с низвержением большинства народа до уровня жалкого паупера, толкающий отчаявшихся людей на поиски панацеи отчаявшимися людьми. Европейские уроки были очень важны, коль скоро ближайшие друзья и советники находили, что даже Элеонора Рузвельт должна быть отнесена к «опасным идеалистам».

Внутренне Рузвельт, пожалуй, сознавал глубже и острее, чем кто-либо другой в руководстве Демократической партии, необходимость назревших перемен, но выработанная с годами привычка быть скрытным, не посвящать никого (даже самых близких людей) в свои планы, вера в эффект внезапности удерживали его от каких-либо определенных заявлений на этот счет. И тем не менее, взяв на вооружение осторожную тактику выжидания, ненавязчивого приобщения людей «к новому мышлению», он исподволь принялся убеждать Америку, что в его лице она имеет политика-реалиста, не смутьяна и не бунтаря, а «реального политика», обладающего чувством нового и отдающего себе отчет в подлинных причинах случившихся потрясений. Мастерски проведенная Рузвельтом осенью 1930 г. кампания по переизбранию его на пост губернатора Нью-Йорка и одержанная им ошеломляющая победа убедили скептиков в руководстве Демократической партии, что этот обреченный, как многим казалось, на бездеятельность, физически немощный политик способен спасти ее саму от бесславного конца. Джим Фарли, новый лидер демократов в штате Нью-Йорк, через день после губернаторских выборов сказал журналистам: «Я не знаю, как м-р Рузвельт сможет избежать того, чтобы не стать кандидатом своей партии на президентских выборах 1932 г., даже если никто не пошевелит пальцем в его поддержку». Рузвельт ни слова не говорил Фарли о своих намерениях, но заявление, сделанное последним, было подсказано и тщательно отредактировано Л. Хоу, главным советником губернатора²⁵.

В вышедшей в 1931 г. при содействии того же Л. Хоу и супруги губернатора Э. Рузвельт книге известного журналиста Э. Линдли Рузвельт был причислен к разряду «прогрессивных политиков», однако эти лавры были отпущены губернатору Нью-Йорка явно в кредит. Мысли о переформулировании национальной идеи и об экономической реконструкции Рузвельт не торопился выносить на всеобщее «обозрение». Еще весной 1931 г. Рузвельт говорит о «новых и не испытанных еще средствах», о необходимости экспериментировать, доверить государственное управление «позитивному руководству» в силу изменений в «экономическом и социальном балансе» страны²⁶. И ничего конкретного. Но вот в июне 1931 г., высказав ряд нелестных замечаний по адресу экономической доктрины республиканизма, Рузвельт рекомендует законодательному собранию штата Нью-Йорк программу действий, включавшую ассигнования на прямую материальную помощь безработным и организацию системы общественных работ. Обращаясь к членам собрания, Рузвельт с особой значимостью зачитал следующее место своего послания: «Обязанности штата перед гражданами аналогичны обязанностям слуги перед его хозяином. Одной из обязанностей штата является заботиться о тех гражданах, которые стали жертвами неблагоприятных обстоятельств, лишивших их возможности обеспечить самое необходимое для жизни... Помощь этим гражданам должна быть предоставлена правительством не в качестве благодеяния, а в качестве исполнения общественного долга...»²⁷ На фоне упорного повторения Гувером тезиса о пагубности правительственного вмешательства в дело помощи неимущим с его упованиями на благотворительность эти заявления Рузвельта имели уже неортодоксальное звучание.

И только весной 1932 г., фактически вступив в избирательную кампанию за овладение Белым домом, Рузвельт окончательно придает своим речам форму оригинальной политической платформы, умудряясь при этом не сказать ничего конкретного о том, как добиться перелома в экономике. Основной упор был сделан на необходимость поставить в центре деятельности новой администрации общую идею приспособления к новым реальностям в экономике и политике. Предлагавшие Рузвельту «обоснованные» пилотные проекты перестройки экономики члены его «мозгового треста» с немалым удивлением затем узнавали, что большинство из них переплавлялось в некое довольно-таки безобидное блюдо и преподносилось общественному мнению в виде туманного призыва к активным действиям, направ-

ление которых должны были подсказать его величество «ход вещей» и политическая конъюнктура.

Хотя тон избирательной кампании Рузвельта зададо его знаменитое выступление по радио 7 апреля 1932 г. (речь о «забытом человеке»), принципиальный подход к решению трагических проблем Америки был изложен им в другой речи, произнесенной месяцем позже в Оглторпском университете (в мае 1932 г.). Со временем она стала подлинным евангелием рузвельтовских либералов и одновременно мишенью для их критиков. В ней Рузвельт сказал: «Страна нуждается, и, если я не ошибаюсь, страна требует смелого и настойчивого экспериментирования. Здравый смысл подсказывает обратиться к какому-нибудь методу и испытать его. Если он себя не оправдает, надо честно признать это и поискать другой метод. Но, прежде всего, нужно попытаться что-то сделать»²⁸. Оба эти немногословные, но запоминающиеся выступления, наделавшие много шума и отражавшие появление новых ценностных ожиданий американцев, прояснили социальный и гуманистический аспекты идеи смелого социально-экономического экспериментирования, ставшего квинтэссенцией «эры реформ» Рузвельта.

Написанная профессором государства и права Колумбийского университета Р. Моли, тогда ведущей фигурой в «мозговом тресте», речь о «забытом человеке» объясняла происхождение экономического коллапса низким уровнем потребления масс и переносила внимание на проблемы перераспределения доходов. Экономическая политика Гувера, игнорирующая нужды миллионов простых американцев и целиком ориентированная на оказание поддержки имущим классам («они помогут другим»), была подвергнута сокрушительной критике как проявление обанкротившегося социально-дарвинистского подхода. В речи проводилась параллель между сложившимся в стране катастрофическим положением и войной и выражалось убеждение в неизбежном расширении роли государства в ходе решения вставших перед нацией проблем. Страна нуждается, сказал Рузвельт, «в планах, напоминающих те, которые были реализованы в 1917 г. (намек на военную экономику США. – В. М.) и которые строились как бы снизу вверх, а не сверху вниз, т. е. в планах, повернутых в сторону интересов забытого человека, находящегося у основания экономической пирамиды». Далее следовало признание, опровергающее официальную версию о причинах экономического краха. Гувер говорил о внешнем источнике кризиса. Настоящее средство, способное вернуть экономике устойчивость, заявил Рузвельт, «должно уничтожать бактерии внутри системы, а не лечить внешние симптомы заболевания»²⁹.

Речь о «забытом человеке», короткая и неформальная, вызвала самые разноречивые отклики: надежды в демократических низах и гнев верхов, усмотревших в ней чуть ли не желание посеять классовую рознь в стране, противопоставив неимущие слои имущим классам и возродив традиции популизма, а то и хуже того – анархосиндикализма. Сторонник Рузвельта сенатор К. Хэлл (штат Теннесси) с опаской говорил о повторении «еще одной кампании Брайана», а многолетний лидер демократов А. Смит, длительное время известный своей популярностью у городского избирателя, сделал заявление в форме протеста, объявив речь Рузвельта чем-то вроде подстрекательства, способного-де вызвать раскол в обществе, а вслед за тем и другие страшные последствия. То, о чем умолчал Смит, было понятно каждому. Напряжение в стране возрастало с каждым днем, заставляя многих рассматривать предстоящие выборы как референдум о судьбах капитализма в США³⁰.

Реакция на речь 7 апреля показала Рузвельту, что для него самого наибольшей опасностью оставалась возможность вообще выбыть из числа претендентов от Демократической партии на пост президента США. После нее никто не мог поручиться, что победу на съезде Демократической партии, который должен был собраться в июне 1932 г., может одержать поборник интересов простолюдина, человека с улицы, задавленного классом-эксплуатато-

ром и обманутого фортуной. Национальный комитет Демократической партии, контролируемый Раскобом и его людьми, побаивался Рузвельта, делая ставку на А. Смита (прогрессивно настроенный республиканец Гарольд Икес назвал его «восторженным младшим братом богатства») и на Джона Гарнера, сенатора от штата Техас, который некогда пользовался репутацией популиста, но к началу 30-х годов рассматривался руководством партии в качестве «демократического Кулиджа». К счастью для Рузвельта, те, кто вершил делами в партии, понимали, что, если даже Смит и Гарнер смогут завоевать две трети голосов делегатов съезда демократов, они вместе или порознь провалят все дело, заняв место знаменосцев партии. Настроения в стране изменились круто и, судя по всему, очень надолго. В 1932 г. никто бы не стал голосовать за кандидатов, отстаивающих политику старого образца.

Без такого молчаливого консенсуса в отношении признания необходимости придать облику Демократической партии новые черты³¹, символизирующие ее близость к массам, Рузвельт бы, наверное, не решился дать указание Моли подготовить записку о переориентации партии в свете приближающихся выборов и задач завоевания большинства избирателей на ее сторону после двенадцатилетнего пребывания в оппозиции. Моли выполнил задание с тщанием, на которое только был способен. В результате на столе у Рузвельта появился длинный меморандум, призывающий Демократическую партию к повороту в сторону прогрессивных реформ и к укреплению массовой базы за счет привлечения под знамена партии демократических слоев населения – рабочих, фермерства, интеллигенции, средних слоев. «В стране нет места для двух реакционных партий», – писал Моли, почувствовавший себя на баррикадах. Народ, утверждал он, не хочет делать выбор между двумя названиями одной и той же реакционной доктрины. Он жаждет реальной альтернативы. И ее должна предложить «партия либеральных убеждений, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам... демократических принципов»³². Моли утверждал, что новый курс Демократической партии позволит вернуть ей динамизм и привлекательность. Он предложил сделать два найденных им слова – «новый курс» – эмблемой эпохи, поскольку-де они определяют содержание полосы качественных преобразований (от которых, кстати, сам Моли вскоре отречется), нужных стране, как воздух и энергия Солнца.

Просочившиеся сведения о домашних «заготовках» Рузвельта вызвали в недрах Демократической партии протестное движение, назвавшее себя «Остановить Рузвельта». Давние и непримиримые враги оказались в рядах этой пестрой коалиции – А. Смит, У. Макаду, Б. Барух, У. Херст. По самым благожелательным для Рузвельта оценкам, добиться победы над ней на съезде Демократической партии было делом сверхсложным. Так думали многие, но, похоже, это уже не могло вывести из равновесия самого Рузвельта. Изменив свою позицию по отношению к Лиге Наций и Международному суду (Рузвельт прежде слыл сторонником вхождения США в эти международные организации) и заявив о негативной оценке их деятельности и поссорившись из-за этого с Элеонорой, Рузвельт добился поддержки газетного магната Херста, идеолога шовинистического движения «Америка прежде всего». Многие «интернационалисты» среди демократов сочли это проявлением беспринципности. Однако сделка с Херстом принесла Рузвельту голоса делегации Калифорнии, которых так не хватало перед последним, четвертым туром голосования на съезде. Эта же сделка привела к полюбовному соглашению о снятии кандидатуры Гарнера, расставшегося со своей розовой мечтой стать президентом взамен должности вице-президента, которую он ни во что не ставил. Впрочем, это мало кого интересовало в окружении Рузвельта: «демократический Кулидж» в паре с Рузвельтом позволил добиться примирения с Раскобом, Барухом, Херстом и даже (временно) со Смитом, т. е. со всеми теми, кого тревожил или даже пугал «радикализм» губернатора Нью-Йорка.

Речь Рузвельта на съезде демократов в Чикаго 2 июля 1932 г., куда он прибыл, поломав многолетнюю традицию, на самолете, подтверждала факт буквально навязанного консер-

вативному крылу партии компромисса. Она не была вполне самостоятельным сочинением Рузвельта, будучи скомпонованной из либерально-прогрессистских идей известного меморандума Р. Моли. Противопоставить им что-либо из арсенала вигизма в тот момент, когда в Вашингтон со всех сторон стекались участники общенационального голодного похода безработных ветеранов Первой мировой войны и с каждым часом нарастало политическое напряжение, было просто нечего. Здесь у Рузвельта не было разногласий с Моли. Несколько важных пассажей речи были почти целиком заимствованы у ключевого члена «мозгового треста». Так, Рузвельт обрушился на идею «выхолощенного вигизма» о «просачивании», согласно которой, если богатству будет оказана поддержка, то в этом случае благополучие снизойдет и на «рабочих, фермеров и мелких предпринимателей». Вторя Моли, Рузвельт заявил, что народ Америки жаждет сделать настоящий выбор. «Мы, – сказал он, почти слово в слово повторяя меморандум, – должны быть партией либеральных принципов, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам и трудиться с максимальной пользой для подавляющего большинства нашего народа». Рузвельт вновь поднял тему о «забытых» американцах, которые требуют более справедливого распределения национального богатства³³. Именно к ним было обращено его обещание проводить политику обновления.

Все это укладывалось в идейно-политический контекст поворота влево, начатый речью о «забытом человеке». В остальном же выступление в Чикаго отличалось от меморандума Моли лишь своей неуловимой антидоктринерской, экспериментаторской интонацией. Рузвельт говорил о помощи тем, кто находился на вершине социальной пирамиды, имущим классам, и как будто изложенная им программа неотложных мер в целом не могла вызвать никакого беспокойства у американской буржуазии, воспитанной на идеях Локка. Здесь были: режим экономии в отношении правительственных расходов, отмена «сухого закона», новое законодательство, регулирующее рынок ценных бумаг, меры по охране лесов, регулирование сельскохозяйственного производства, снижение процентных ставок на ссудный капитал, снижение внешнеторговых тарифов и т. д. Финансовый и промышленный магнат Бернард Барух, ранее не входивший в число сторонников Рузвельта, после победного для того последнего голосования одним из первых засвидетельствовал свое почтение новому и теперь уже единоличному лидеру Демократической партии. Но сделал это без помпы, подчеркнуто незаметно.

Рузвельт пожинал плоды искусного маневра. Вся партия демократов, за исключением крайне правой группировки, встала под знамена «нового курса». Более того, в стане ее противников оказалось больше симпатизировавших Рузвельту, чем вчерашнему кумиру республиканцев Г. Гуверу. В штатах появились лозунги, призывающие сторонников республиканцев голосовать за их кандидатов в конгресс, а вместе с ними за Рузвельта на пост президента США. Сенатор-демократ от Луизианы Хью Лонг в присущей ему грубоватой манере заявил репортерам, что «самая большая беда демократов в том, что они контролируют все голоса, но сидят без денег». И тут же предложил: «Мы можем продать президенту Гуверу миллион голосов за полцены, которую он собирается заплатить, чтобы заполучить их. Мы можем обойтись и без этих голосов, а вот деньгам найдем применение»³⁴. Деньги тоже вскоре нашлись: самые большие взносы в избирательный фонд Рузвельта сделали виднейшие представители финансово-промышленного капитала: Б. Барух, У. Вудин, В. Астор, Дж. Раскоб, У. Херст, П. Дюпон, Дж. Кеннеди, Дж. Хёрли и др. Охотно принимая эти «знаки внимания», Рузвельт стремился придать своим речам дополнительную эластичность, часто порождаящую недоумение и тревогу той части его сторонников, которые видели, что в сложившейся обстановке никому не удастся ограничиться разговорами, что нужны практические шаги с целью немедленного улучшения бедственного положения масс в качестве первого условия устранения опасности социального взрыва.

Однако Рузвельт после съезда в Чикаго не изменил тактический рисунок своей политической линии. Его выступления привычно носили общий, расплывчатый характер; порой даже складывалось впечатление, что они как бы уравновешивали друг друга. В Коламбусе (штат Огайо) кандидат демократов атаковал Гувера за чрезмерные, по его мнению, действия в области регулирования экономики и призывал создать условия для конкурентной борьбы. Напротив, в речи в Сан-Франциско Рузвельт подтвердил свои убеждения в назревшей потребности правительственного регулирования той же самой экономики. Однажды он удивил Моли, попросив его из двух вариантов речи по тарифу (в одном отстаивалась идея протекционизма, в другом содержалась похвала свободной торговле) сделать один, синтетический. В речи в Питтсбурге (штат Пенсильвания) он ратовал за всемерное сокращение правительственных расходов, сбалансированный бюджет и децентрализацию государственного управления. А в другой речи, произнесенной в Портленде (штат Орегон), Рузвельт пообещал сделать все возможное, чтобы поднять благосостояние народа и защитить его от алчной верхушки общества. Последнее предполагало решительное вмешательство государства во все сферы экономической жизни, расширение его социальной функции и серьезные ограничения хозяйствования олигархов. В итоге никто не знал, чего можно ждать от кандидата демократов, хотя все связывали с его именем грядущие перемены.

В июле 1932 г. Рузвельт получил письмо от губернатора Северной Каролины Макса Гарднера, совсем не радикала, предупреждавшего его об опасном провале в случае неверного истолкования им настроений масс, недооценки их стихийно бунтарского духа. «Американский народ, – писал Гарднер, – против существующего порядка вещей. Мы больше, чем слепцы, если думаем, что американский народ станет цепляться за status quo... Если бы я был Рузвельтом (т. е. кандидатом в президенты. – В. М.), я бы занял более либеральные позиции (губернатор опасался произнести слово «радикальные». – В. М.). Я бы шел вместе с толпой, ибо массы сейчас находятся в движении, и если мы хотим спасти нацию, то мы должны дать либеральную трактовку тем ожиданиям, которые переполняют сердца людей...»³⁵ В письме сквозила тревога по поводу «гуттаперчивой» позиции Рузвельта.

У. Липпман – крупнейший политический аналитик-публицист, отозвался о поведении Рузвельта после съезда Демократической партии еще более скептически, чем он это делал прежде в своей переписке с теми, кого он относил к убежденным прогрессистам. «Две вещи в отношении Рузвельта, – писал он Феликсу Франкфуртеру, известному юристу, близко стоявшему к Рузвельту, 14 сентября 1932 г., – беспокоят меня, а именно: то, что он любит политическую игру саму по себе и прекрасно чувствует себя в ней. Стремление продемонстрировать свое виртуозное искусство толкает его на путь ультраполитиканства. Еще одно мое опасение связано с тем, что он так дружелюбен и впечатлителен, так хочет всем угодить и, как я думаю, так нетверд в собственных убеждениях, что почти все зависит от характера его советников. Меня в этом полностью убедили последние недели, и особенно вся эта история с заигрыванием с группой Херста – Макаду. Есть, разумеется, вещи, которые заставляют сочувствовать ему, – это стремление к переменам и его общее убеждение в необходимости переоценки ценностей. Но я очень медленно прихожу в себя от потрясения, которое произвела на меня его политическая кампания, предшествовавшая съезду демократов»³⁶. Липпман был удручен, как ему казалось, вялостью и невыразительностью кампании Рузвельта.

Даже в семейном кругу Рузвельт наталкивается если не на оппозицию, то на несогласие с его тактикой. Элеонора Рузвельт, супруга президента и энергичная поборница «фундаментальных» социальных реформ, высказывала опасения (совсем не лишённые основания), что уклонение Рузвельта от четких обязательств в отношении требований масс приведет к росту их разочарования в политическом либерализме и к открытому переходу на позиции поддержки левых сил. Когда много позднее один из ее ближайших друзей признался, что в ноябре 1932 г. он голосовал не за Рузвельта, а за кандидата Социалистической партии Нор-

мана Томаса, Элеонора Рузвельт не удивилась. «Я бы сделала то же самое, – сказала она, – если бы не была женой Франклина»³⁷. Американский историк Роберт Макэлвейн высказывает на первый взгляд парадоксальную, но в основе своей верную мысль, когда пишет, что Гувер своими обвинениями Рузвельта в тайной приверженности к радикальным переменам привлек на сторону последнего больше избирателей, чем это сделал сам кандидат Демократической партии³⁸. И в самом деле, пропагандистская антирузвельтовская кампания правых сил, рисовавших его радикалом, объективно делала кандидатуру Рузвельта предпочтительней его соперника для сотен тысяч избирателей, сочувствующих левым силам. Окажись на его месте А. Смит или Дж. Гарнер, эти американцы отдали бы свои голоса левым. «Настроение в стране такое, – признал после подсчета голосов один из членов администрации Гувера, – что мы, пожалуй, еще удачно вышли из этого положения, получив Рузвельта вместо социалиста или радикала»³⁹.

Выборы же 8 ноября 1932 г. подтвердили высказанную Л. Харцем мысль, что радикализм «нового курса» был не чем иным, как суррогатом социалистического проекта развития для США, тщательно замаскированного американской верой в постулаты Локка⁴⁰. Миллионы рабочих, творческой интеллигенции, фермеров, представителей городских средних слоев, молодежи и афроамериканцев дружно голосовали за партию «нового курса». Своей поддержкой, энергией и душевным порывом они подтвердили тот его внутренний подтекст, который еще был неясен для самого Рузвельта и о котором говорил Харц. Стихийно стала складываться новая демократическая, близкая по духу европейской социал-демократии коалиция левоцентристских сил. Растущее рабочее движение не играло в этой коалиции самостоятельной роли, хотя и превратилось в ее главную опору. Заметим к тому же, что идеологически само рабочее движение оставалось расколотым, а в организационном отношении не структурированным. Не здесь ли кроется причина, почему впечатляющая победа демократов, избрание Рузвельта президентом, поражение всех консервативных кандидатов, баллотировавшихся на вакантные места сенаторов и членов палаты представителей, не сдвинули с места разработку ясной и четкой программы преобразований, которых так ждал народ? Напротив, начался период политического затишья, бесцветных дебатов и препирательств. Складывалось впечатление, что полученный демократами мандат был им в тягость, что все ждали скорейшего выхода из кризиса.

Некоторые исследователи высказывают мысль, что и Рузвельту даже после больших и малых побед были свойственны моменты меланхолии, сомнений и даже страха. Но мир этого не видел, а 15 февраля 1933 г. он предъявил ошеломленной стране пример хладнокровия и полного самоконтроля. После более чем десятидневного рекреационного путешествия на яхте «Нурмахал» вблизи побережья Флориды Рузвельт в самом благодушном настроении высадился в Майями, а затем откликнулся на просьбу кучки местных жителей Бей Фронт Парка сказать несколько слов. Вблизи оказался и мэр Чикаго Антон Чермак, приблизившийся для короткого разговора с вновь избранным президентом США к борту его открытого автомобиля. Мэр не успел сказать ровно ничего, как в группе окружающих автомобиль Рузвельта людей появилась вытянутая рука с пистолетом, выстрелом из которого Чермак был смертельно ранен. Рузвельт остался невредим только благодаря реакции стоявшего поблизости полицейского, выбившего из рук стрелявшего бездомного безработного парня пистолет. Рузвельт приказал агентам секретной службы не угонять автомобиль, погрузить истекающего кровью Чермака рядом с собой на заднее сиденье и, попросив его не двигаться, отвез в госпиталь. Оказавшись в двух сантиметрах от пули убийцы, Рузвельт не потерял ни грана самообладания, более того, он безмерно удивил своих ближайших помощников, открыто говоривших с ним через пару дней о необходимости принятия срочных мер

по предотвращению революции. Выражение лица вновь избранного президента отражало одно – невозмутимость.

Однако события ранней весны 1933 г. заставили новую администрацию действовать более решительно. Накануне вступления Рузвельта в должность президента в Вашингтоне были получены известия о том, что во многих штатах, объявив о банкротстве, закрылись все банки. В дополнение к едва теплившейся деловой жизни это грозило в самое ближайшее время полным экономическим параличом. Страх перед будущим охватил людей. Огромные толпы осаждали еще оставшиеся на плаву банковские учреждения, требуя возврата своих вкладов. Закрывались предприятия, школы и муниципалитеты, росли огромные очереди за куском хлеба и чашкой кофе, пустыри покрывались «бидонвиллями», поселениями бездомных, росло число самоубийств.

Газета «Нью-Йорк таймс», вышедшая утром 4 марта, в день инаугурации (церемонии вступления в должность президента) Рузвельта, писала в передовой: «О нем будут думать как о чудотворце». Да и сам новый президент хорошо понимал, что время выжидания прошло и только действия, немедленные, энергичные и непреклонные, могут предотвратить перерастание панических настроений в направленный (кем?) социальный взрыв, способный изменить старый порядок вещей снизу доверху. Американский капитализм оказался на краю пропасти. «Многие высокопоставленные лица в Вашингтоне и других городах, – отмечал в своих воспоминаниях бывший корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Вашингтоне Чарльз Хёрд, – искренне благодарили Господа за то, что день вступления нового президента в должность пришелся на субботу, когда банки, биржи и другие финансовые учреждения были официально закрыты. Никто не знал, какое пламя могло бы заняться от искр, высекаемых сменой правительства. Некоторые или, лучше сказать, многие боялись бунтов и мятежей в городах, которые могли вспыхнуть в задавленных бедностью кварталах или в хибарочных поселениях безработных. Хотя воинские части были введены в Вашингтон для помпы, штабу генерала Макартура было поручено быть готовым использовать эти силы и для выполнения более серьезной задачи...»⁴¹

Ненастье последних дней перед инаугурацией как бы подчеркивало давящую тяжесть обстановки. Было заметно, что даже обычно уверенный в себе вновь избранный президент несколько подавлен. Стоя утром 4 марта на ступенях Капитолия, он принял присягу, все время сохраняя необычное для него напряженное выражение лица. Лишь после того как он произнес первые фразы заготовленной для этого случая речи, напряжение спало, снова появились присущие всегда Рузвельту раскованность и свобода. Слова врезались в сознание стоящих у подножия Капитолия или прильнувших к радиоприемникам американцев как призыв не поддаваться панике и сохранять надежду, не впадать в отчаяние, ждать перемен. «Итак, прежде всего, – говорил президент, – позвольте выразить мое твердое убеждение, что единственно, чего нам следует бояться, – это самого страха, безликого, неосознанного, неоправданного ужаса, который способен парализовать усилия, так необходимые, чтобы превратить отступление в наступление».

Рузвельт, еще не зная, располагает ли он временем для перегруппировки сил, говорил о скором контрнаступлении. Это должно было вселять оптимизм, убить вирус неверия в страну, правительство, «Американский путь». Обрушившись на некомпетентность банкиров, этих «неразборчивых в средствах ростовщиков», поставивших на место благородных христианских ценностей власть чистогана, Рузвельт объявил себя сторонником действий в интересах простых людей. «Изгнать меня из храма» – повторила за ним вся страна. Из всех обуревавших народ смятенных чувств он выделил только одно – обретенное сознание взаимообусловленности индивидуума и общества и взаимозависимость людей друг от друга, сознание того, «что мы не можем просто брать, мы должны также и отдавать». Радио разносило по всей стране слова президента: «Нация требует безотлагательных действий...»

Мы должны действовать незамедлительно». Создавшееся положение Рузвельт отождествил с состоянием войны, потребовав от «народа и конгресса» чрезвычайных полномочий, аналогичных тем, какими пользуется президент в военное время⁴². Переход президента от состояния замедленного реагирования на внешние раздражители к удвоенным скоростям в решении мало-мальски значимых серьезных проблем было удивительным и непривычным.

Во второй половине дня 4 марта 1933 г. в Овальном кабинете Белого дома состоялось первое рабочее заседание новой администрации. Президент обещал нации вернуть уверенность в будущем страны. Первыми эту уверенность обрели те, кто обитал на вершине социальной пирамиды: кабинет больше чем наполовину состоял из хорошо известных деятелей весьма умеренного толка. Присягу принесли: один из столпов консервативного крыла демократов в конгрессе, сенатор от штата Теннесси К. Хэлл (государственный секретарь); миллионер У. Вудин (министр финансов); независимый республиканец Г. Икес (министр внутренних дел); либерал Г. Уоллес (министр сельского хозяйства), влиятельный политик из «фермерского пояса»; снискавшая себе известность на поприще осуществления социальных программ в Нью-Йорке Ф. Перкинс (министр труда); Х. Каммингс (министр юстиции); Д. Роупер (министр торговли), занимавший административные посты еще в правительстве В. Вильсона; Дж. Фарли (министр почт); К. Свэнсон (министр военно-морского флота), вирджинский политик, пользовавшийся поддержкой рузвельтовской партии в сенате, и Дж. Денн (военный министр). Никто из видных представителей профсоюзов или фермерских организаций в кабинет Рузвельта не вошел, но впервые за всю историю американского государства в нем появилась женщина-министр.

Реформы «ста дней»

Первоочередной проблемой, которой вынужден был заняться новый кабинет, был банковский кризис. Все ждали решительных мер. Впоследствии радикально настроенный сенатор Бронсон Каттинг писал: «Я с болью в сердце вспоминаю события 4 марта 1933 г. Тогда национализация банков Рузвельтом не встретила бы ни одного протестующего голоса. Это была крупная ошибка президента». За несколько часов до открытия специальной сессии конгресса Белый дом посетили два влиятельных лидера прогрессистов – сенаторы Р. Лафоллет и Р. Костиган, намеревавшиеся побудить президента передать банки в общественную собственность. Рузвельт отклонил это предложение⁴³. Вместо этого 5 марта декретом президента было объявлено о четырехдневном принудительном закрытии всех банков, «банковских каникулах». Одновременно правительство наложило запрет на вывоз золота, серебра и бумажных денег из США.

9 марта, в первый же день работы специальной сессии, на обсуждение конгресса был поставлен проект закона о банках. Некоторые вновь избранные сенаторы еще разыскивали свои места, когда чтение законопроекта правительства уже закончилось. Обсуждение заняло всего 40 минут. Через 8 часов после зачтения билля в конгрессе он был подписан президентом и стал законом. Разработанный банкирами и чиновниками министерства финансов, назначенными еще Гувером, он по большому счету не ущемлял интересов финансовых магнатов. «Президент изгнал менял из столицы 4 марта, а 9 марта они вернулись назад», – пожаловался один из прогрессивно настроенных конгрессменов. Ему вторил редактор журнала «Нейшн». Не скрывая негодования, он писал в частном послании 9 марта: «Информация, которую мы получили из Вашингтона, вызывает ужасное недоумение. Рузвельт в своей первой речи при вступлении в должность президента изгнал менял из храма, а теперь они вновь возвратились в Белый дом и объясняют ему, что он должен делать... Конечно, как это всем известно, банкиры сейчас приутихли, потому что получили страшный удар и не видят возможности в ближайшее время серьезно увеличить свои доходы. Но как только этот шквал уляжется (а это случится), они вернутся к своей старой практике, спасенные – кем? – средствами, полученными у народа и переданными им в рамках мероприятий по правительственному регулированию бизнеса»⁴⁴. Как бы то ни было, чудесным образом Рузвельт добился своего. Через несколько дней стабильность банковской системы была восстановлена. «Капитализм, – сказал позднее Р. Моли, – был спасен...»⁴⁵ У многих нахмурились брови. Но вслед за тем последовали совершенно неординарные шаги, заставившие понять, что в Белый дом вселился человек, прямо противоположный тому, кто пытался апеллировать к вере американцев в спасительные свойства личной предприимчивости и инициативу.

21 марта президент направил конгрессу послание, предусматривавшее ряд мер помощи безработным: организацию специальных трудовых лагерей для безработной молодежи, широкое развитие общественных работ по всей стране и, наконец, финансовую помощь штатам для оказания прямой материальной поддержки голодающим семьям безработных. 31 марта конгресс принял Закон о создании лагерей для безработной молодежи (СКК) с целью привлечения к трудовой деятельности под общим наблюдением армейского командования 250 тыс. молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. А 12 мая Рузвельт подписал новый закон, согласно которому создавалась Федеральная чрезвычайная администрация помощи (ФЕРА), получившая в свое распоряжение от казны 500 млн долл. Половина этой суммы предназначалась штатам в виде дотации на организацию помощи безработным. ФЕРА возглавил Гарри Гопкинс, завоевавший в короткий срок огромный авторитет в стране благодаря своей неутомимой энергии и неподкупности.

Весной вновь стали поступать тревожные сигналы из фермерских округов. 9 мая в Белом доме раздался телефонный звонок из Миннесоты: губернатор штата заявил, что фермеры устали ждать, что они доведены до предела распродажами с молотка их собственности за неуплату долгов и готовы на самые крайние меры. Рузвельт немедленно дал указание подготовить правительственное распоряжение о моратории на фермерскую задолженность⁴⁶. 12 мая конгресс согласился вотировать аграрную программу правительства: были приняты Закон о рефинансировании фермерской задолженности и Закон о восстановлении сельского хозяйства (AAA). Такая отзывчивость и оперативность правительства и конгрессменов легко объяснимы: на 13 мая была назначена национальная фермерская забастовка. Во что она могла вылиться – никто не знал.

AAA явился крупной вехой в деятельности правительства «нового курса». Главная идея закона заключалась в попытке ликвидировать «ножницы» между ценой, затрачиваемой фермером на производство товарной продукции, и той, которую он получал после ее реализации. Чтобы сбалансировать предложение сельскохозяйственных товаров с рыночным спросом, программа AAA предусматривала в качестве главной меры изъятие из сельскохозяйственного производства части земли путем предоставления фермерам различного рода субсидий за отказ от ее обработки. AAA установил одинаковый процент сокращения посевных площадей для всех хозяйств, что, в свою очередь, возымело неодинаковые последствия для крупных и мелких хозяйств. Крупные землевладельцы и зажиточные фермеры часто совершенно безболезненно для себя шли на изъятие из производства неплодородных, а то и вовсе не обрабатываемых земель, получая значительные премии и займы от государства и обращая их на цели интенсификации производства, за счет чего еще больше увеличивали валовые сборы и доходы. Мелкому же и части среднего фермерства сокращение посевов, несмотря на предусмотренную компенсацию, не сулило особых выгод.

Эти аспекты аграрной программы правительства предопределили неодинаковое к ней отношение фермерских масс. Американский историк Д.К. Файт, проведя тщательное исследование, пришел к выводу, что фермерство в своей массе согласилось с мерами контроля за размерами производства, но восприняло их как «нелюбимое дитя». «Совершенно очевидно, – писал он, – что люди, планировавшие в Вашингтоне аграрную политику, приняли принципиальные решения вне зависимости от мнения фермерских масс, к которому политики отнеслись уважительно скорее в теории, чем на практике»⁴⁷. Зажиточное фермерство, крупные сельскохозяйственные компании получили определенные выгоды от правительственной регламентации (они весьма энергично поддерживали AAA)⁴⁸, процесс же разорения мелких фермеров хотя и не проходил в столь же мучительных формах, но тем не менее, по существу, не был остановлен. Трудно сказать, какой результат принесло бы правительственное «регулирование» в деле стабилизации цен, если бы не опустошительная засуха, постигшая многие сельскохозяйственные районы США в 1933–1935 гг. и ликвидировавшая естественным путем часть излишков сельскохозяйственной продукции. «Садовод» из Гайд-Парка начал возрождение аграрного класса с изъятия и ликвидации части плодов его труда.

Правительственная деятельность протекала в ритме стаккато. Выявление новых потребностей или нарастание кризисных явлений в какой-либо части общественного организма вызывало спазм активности администрации, которой в спешке далеко не всегда удавалось найти удовлетворяющее ее само решение. Однако своей бурной деятельностью, отзывчивостью на идущие снизу сигналы, хорошо налаженной обратной связью правительство вносило элемент успокоения и надежды, чем достигало весьма существенного результата – психологического перелома, который прямо «работал» на авторитет «нового курса» и прежде всего самого Рузвельта⁴⁹.

Важной реформой, осуществленной правительством по инициативе сенатора Норриса и сразу же завоевавшей признание прогрессивной общественности, явилось создание 18 мая 1933 г. Государственной администрации гидроресурсов долины реки Теннесси для строительства плотин, обуздания паводков, эксплуатации гидроэнергетических сооружений, осуществления мелиоративных работ, производства удобрений и пр. В условиях США это был весьма смелый экономический и политический эксперимент, ибо деятельность нового учреждения базировалась не на частном интересе, а на создаваемой общественной собственности. Невиданная для Америки ломка канонов национального мышления! Невзирая на заявления консерваторов о «социалистическом характере» предлагаемой реформы и «подражании Советам», Рузвельт добился ее одобрения. Еще в 20-х годах группа либеральных законодателей во главе с сенатором Ф. Норрисом добивалась сохранения в руках государства двух заводов военных материалов в Масл-Шоулс (штат Алабама), построенных в годы войны. Но президенты Кулидж и Гувер отклонили все проекты Норриса, мотивируя это тем, что государственная собственность несовместима с принципом частного предпринимательства. Характерно, что победа сторонников реформы Норриса расценивалась в то время представителями радикально-демократической мысли как едва ли не самое крупное достижение «нового курса» в борьбе с монополиями⁵⁰.

6 июня был принят Закон о создании федеральной службы занятости. 13 июня конгресс одобрил Закон о рефинансировании задолженности по жилищному кредиту. 16 июня был обнародован Закон о кредитовании фермерских хозяйств (ФКА), принесший немалое облегчение фермерству, задавленному бременем задолженности. Но подлинной вехой в политической истории США этот день стал благодаря другому событию.

Американский историк Э. Хоули пишет: «Для группы конгрессменов, окруживших письменный стол президента утром 16 июня 1933 г., момент был поистине уникальный. Только что несколькими росчерками пера Франклин Рузвельт подписал Закон о восстановлении промышленности (НИРА), который, по оценке самого президента, представлял собой «самое важное и далеко идущее законодательство, когда-либо получавшее одобрение американского конгресса»⁵¹. Содержание закона еще не стало по-настоящему известно широкой публике, а он уже был назван тем рычагом, который способен в самый короткий срок не просто привести в движение весь экономический механизм, а спасти его от разрушения и гибели. Реформистски настроенная часть крупного бизнеса встретила его с ликованием. Джон Рокфеллер-младший характеризовал НИРА как «многообещающее и великое усилие на пути восстановления»⁵². Генри Гарриман, президент Торговой палаты США, назвал его сводом правил о «конструктивном сотрудничестве», руководствуясь которым благоразумные лидеры делового мира покончат в своей среде с «промышленными пиратами», «эксплуататорами рабочих» и «беспринципными ценопонижателями»⁵³.

Можно ли отсюда заключить, что НИРА представлял собой обоснованную и всесторонне продуманную систему мероприятий, венчавшую длительные усилия американской экономической мысли в поисках оптимального режима капиталистического воспроизводства? Отнюдь нет. Тот же Хоули убедительно показывает, что НИРА был в известном смысле экспромтом, импровизацией, «продуктом скорого обдумывания».

В самом деле, еще в марте 1933 г. у правительства «нового курса» не было конкретных планов экономической реформы промышленности. Сам Рузвельт объяснял это тем, что мнения, рождавшиеся в ходе дискуссии об экономическом планировании и реорганизации, еще не «выкристаллизовались», что и оправдывало, по его мнению, пассивность администрации в этом вопросе. Что же тогда вынудило правительство в необычайной спешке в апреле 1933 г. подготовить проект закона о контролируемой экономике и модернизации трудовых отношений?

Толчок событиям был дан 6 апреля 1933 г. В этот день сенат, уступив давлению со стороны организованного рабочего движения, неожиданно для правительства большинством голосов одобрил законопроект сенатора Блэка о 30-часовой рабочей неделе на крупных промышленных предприятиях. Его авторы и сторонники таким способом рассчитывали уменьшить массовую безработицу, полагая, что это откроет вакансии для почти 6 млн работников. Устами своего президента У. Грина АФТ поддержала законопроект, рассматривая его как выход из положения и угрожая прибегнуть к всеобщей стачке в его поддержку.

Для большинства же промышленников подобная уступка была равносильна полной и безоговорочной капитуляции перед принципом самой строгой принудительной правительственной регламентации условий найма. На очень многих из них удручающе действовала жесткость обычно угодливого У. Грина. В ней слышалось больше, чем желание просто припугнуть. Однако правительство, убедившись в резко отрицательном отношении крупного капитала к биллю, решило «потопить» его в поспешно подготовленном и вынесенном Рузвельтом в конгресс 17 мая 1933 г. Законе о восстановлении промышленности. НИРА, составленному, как писал Хоули, так же как и закон о банковской реформе, «пророками делового мира» принадлежало центральное место в системе реформ «нового курса». Целями политики регулирования промышленности объявлялись обеспечение «всеобщего благосостояния» путем кооперации между отдельными группами предпринимателей при одновременном достижении при содействии правительства сотрудничества между рабочими и работодателями, устранении «разрушительной конкуренции», ведущей к снижению прибылей, подрыву деловой устойчивости, сокращению инвестиций и занятости.

Упорядочения отношений между предпринимателями и группами предпринимателей было решено добиться путем принудительного картелирования промышленности. Для увеличения занятости, повышения покупательной способности и стабилизации товарного рынка различные отрасли промышленности должны были самоограничить себя «кодексами честной конкуренции». Предполагалось, что в каждой отрасли под наблюдением правительства административными мерами через согласование можно будет остановить пагубный процесс взаимоуничтожения и «ужасного перепроизводства», как выразился Рузвельт, и, следовательно, восстановить силы, выработав строго определенные нормы производства и сбыта, а также определив уровень товарных цен и условия коммерческого кредита.

Важнейшее, прямо-таки историческое значение имело включение в «плоть» закона знаменитого пункта 7(а), устанавливающего федеральное (общегосударственное) регулирование максимальной продолжительности рабочего дня и минимального уровня заработной платы в различных отраслях промышленности. Еще большим разрывом с прошлым (а для многих неожиданным) звучало положение, закрепляющее право промышленных рабочих организовываться в профсоюзы и заключать коллективные трудовые соглашения с работодателями посредством представителей, «избранных самими рабочими». Традиционный для правительства США отказ гарантировать рабочим право на коллективную защиту от произвола предпринимателей канул в Лету.

Группам промышленников вменялось в обязанность жить по европейским правилам, содействуя, таким образом, созданию условий для ограждения индустриального общества США от одичания. Все оказывалось в руках президента. Подписанные им кодексы становились законом для предпринимателей, а общий контроль за реализацией программы НИРА возлагался на созданную Национальную администрацию восстановления (НАВ) во главе с одним из членов «мозгового треста» генералом Хью Джонсоном. Влиятельный сенатор Роберт Вагнер, автор многих законопроектов о труде, был назначен председателем Национального бюро по трудовым отношениям (НБТ), на которое была возложена миссия содействовать урегулированию трудовых конфликтов в промышленности. Упали на скорый выход промышленного производства из комы. Срок действия НИРА определялся в два года,

до 16 июня 1935 г. До этого времени все мероприятия, связанные с осуществлением программы, исключались из сферы действия антитрестовского законодательства.

Не дожидаясь результатов длительной процедуры выработки кодексов для каждой отрасли промышленности, правительство предложило свой типовой образец (так называемый *blanket code*), который мог быть применим к любой отрасли в качестве временной основы восстановления деловой активности. Примерный кодекс устанавливал для служащих максимум продолжительности рабочего времени в 44 часа в неделю, минимум недельной заработной платы – от 12 до 15 долл.; для промышленных рабочих были приняты иные показатели – 35 часов в неделю и от 30 до 40 центов в час. Все отрасли промышленности довольно быстро разработали кодексы, длительность действия которых была различной. В середине 1934 г., согласно докладу НАВ, насчитывалось около 500 действующих кодексов, охватывающих 95 % лиц наемного труда⁵⁴.

В ходе первых же совещаний групп промышленников и профсоюзов, занимавшихся выработкой кодексов для различных отраслей промышленности, выявились явно неравноправные условия, в которых оказались рабочие и отраслевые ассоциации предпринимателей. Повсюду ответственность за подготовку проектов временных соглашений была возложена всецело на предпринимательские ассоциации, а участие профсоюзов в их выработке сводилось к критике и внесению поправок. Неорганизованные рабочие, а их было абсолютное большинство, лишались права голоса. Разработанные представителями корпораций кодексы для основных отраслей промышленности, как правило, фиксировали максимум продолжительности рабочей недели выше, а минимум заработной платы ниже по сравнению с официально установленным уровнем. К тому же действие кодексов было неодинаковым по отношению к разным категориям трудящихся. Там, где предприниматели шли на уступки одной категории рабочих, они стремились компенсировать это за счет другой. Рабочее движение к этим недостаткам в правоприменении НИРА отнеслось снисходительно, получив компенсацию в виде законодательства о помощи безработным.

Принятый 12 мая 1933 г. Чрезвычайный закон о помощи (ФЕРА) предназначен был закрыть одну из самых опасных пробоин в тонущем корабле. Полмиллиарда долларов были ассигнованы штатам для ликвидации угрозы голода и массовой пауперизации безработных и членов их семей. Из них 250 млн передавались в особый фонд, находившийся под контролем Администрации чрезвычайной помощи. Сразу же встал вопрос: кто ее возглавит? Честолюбивые планы уже завоевавшего известность Гопкинса, из которых он не делал тайны, едва не были нарушены, когда новый губернатор Нью-Йорка Герберт Леман, сменивший Рузвельта на этом посту, резко возразил против его перевода из Олбани в Вашингтон. Гопкинс ответил военной хитростью. Он телеграфировал Леману 19 мая 1933 г.: «Президент говорит, что связался с Вами по телефону и утром в понедельник ждет меня с докладом». В сильнейшем раздражении Леман сделал выговор Рузвельту, отправив на его имя телеграмму следующего содержания: «Чтобы сделать выбор, в Вашем распоряжении есть вся страна»⁵⁵. Пока старые приятели – президент и губернатор – ссорились, Гопкинс мог чувствовать себя в безопасности. Ветеран Демократической партии Джозеф Дэвис так говорил об этом аскетического вида человеке, вскоре ставшем правой рукой президента в деле осуществления беспрецедентных по своим масштабам социальных программ: «Он обладал чистотой святого Франциска Ассизского, сочетавшейся с хитростью маклера на скачках»⁵⁶.

22 мая 1933 г. Гопкинс был приведен в Белом доме к присяге в качестве главного администратора федеральной программы помощи. Поспешив расстаться с торжественностью и выйдя за стрельчатую ограду резиденции президента США, Гопкинс поймал такси и подкатил к старому, полузаброшенному зданию «Уокер-Джонсон билдинг» на Нью-Йорк авеню, которому суждено было стать штаб-квартирой самого расточительного за всю исто-

рию США федерального учреждения. Гопкинс тотчас же принялся за дело. «Он сел за письменный стол, – писал Р. Шервуд, – и начал писать телеграммы, не дожидаясь даже, когда придут люди, чтобы передвинуть стол из коридора в его кабинет»⁵⁷. Как величайшую сенсацию пресса преподнесла публике сообщение о том, что в считанные часы, пока прислуга приводила в порядок помещение, Гопкинс ухитрился истратить 5 млн долл., передав их штатам для оказания помощи безработным. Кто-то немедленно получил возможность купить еду для детей, кто-то оплатить аренду жилого помещения...

Ничем не примечательное на вид, «Уокер-Джонсон билдинг» как нельзя лучше соответствовало своему назначению. Правительство «нового курса» всячески афишировало свою близость и солидарность с «униженными и оскорбленными», с «забытым человеком», и администрация ФЭРА в этом смысле призвана была играть ключевую роль. Строго придерживаясь этой установки, Гопкинс (с согласия Рузвельта) и остановил свой выбор на старом здании на Нью-Йорк авеню. По их убеждению, во всем внешнем облике штаб-квартиры ФЭРА ничто не должно было напоминать ледяную помпезность и неприступность опостылевших низам бюрократических учреждений, которыми так славились правительственные кварталы Вашингтона. Замысел удался. Либеральная пресса с восторгом писала о воскресении из мертвых быстро ставшего знаменитым на всю страну «Уокер-Джонсон билдинг» и непривычном стиле работы его новых хозяев. Свершилось! Миллионы отверженных теперь имеют своих бескорыстных защитников в новом правительстве. Хотя Гопкинс не являлся членом кабинета, вскоре в нем привыкли видеть главного советника президента, надежную его опору. ФЭРА придал всему «новому курсу» мессианские черты одним своим знаменитым девизом «накормить голодных, и притом чертовски быстро».

Найти людей, к чьим рукам не прилипали бы деньги, отпущенные на помощь голодающим семьям безработных, и к тому же людей, умеющих действовать по принципу «на войне как на войне», было делом исключительно сложным. ФЭРА не превратился в питомник идеалистов и бессребреников. Но наряду с «людьми Фарли»⁵⁸, т. е. ставленниками партийной машины демократов, на службу в ФЭРА пришла большая группа молодежи, политические взгляды которой были порой значительно левее и последовательнее, чем даже убеждения главного администратора, что не мешало ей, впрочем, как отмечал журнал «Нью рипаблик», «с комическим усердием копировать его манеры и образ действий»⁵⁹. Особую ярость реакционеров вызывала фигура Обри Вильямса, ближайшего сотрудника Гопкинса. Лидер консервативных республиканцев Гамильтон Фиш называл его «одним из самых больших радикалов в стране... одним из самых розовых в составе розовой администрации «нового курса»⁶⁰. Но на первых порах Гопкинс с санкции Рузвельта решил всем этим пренебречь⁶¹.

«Гарри взял Вашингтон штурмом, – писал обозреватель в 1934 г. – Многие политики стали объектом для его нападков. Те, кто принадлежал к тори, мечтали снять с него скальп»⁶². Чувствуя за собой поддержку президента и потому пренебрегая недовольством со стороны боссов Демократической партии, Гопкинс твердо держит курс на обретение все большей самостоятельности в своих действиях в качестве руководителя ФЭРА. Это отвечало его личным амбициозным замыслам и тайному плану Рузвельта «стреножить», подчинить своему влиянию партийную машину демократов в штатах. С этой целью Гопкинс пустил в ход свое собственное изобретение – сеть особых федеральных чиновников и политических осведомителей, призванных не только самолично определять нужды на местах и руководить организацией помощи, но и служить главным источником информации о состоянии умов, о настроениях в низах. Гопкинс называл их «мое бюро погоды». Со временем Рузвельт использовал эту сеть информаторов в собственных политических целях, которые очень часто не совпадали с тем, что замышляла старая гвардия демократов. Складывалась некая теневая структура, чья близость к «низам» отражалась и в новых мировоззренческих ценностях.

Основная масса законов и постановлений начального периода «нового курса» была принята в чрезвычайной спешке, за первые три месяца пребывания правительства Рузвельта у власти. Зачастую законодатели на Капитолийском холме не имели времени ознакомиться с существом многих предложений, как они становились законами. Однако скоропалительность дала выигрыш во времени. Это были 100 дней, которые помогли американскому капитализму избежать своего Ватерлоо. 16 июня 1933 г. чрезвычайная сессия конгресса завершила свою работу, приняв серию реформ, беспрецедентных в истории государственной практики США и способствовавших оживлению хозяйственной деятельности. Разумеется, самым важным итогом было то, что экономика США прошла самую глубокую фазу кризиса, и хотя восстановление проходило далеко не последовательно, все же его признаки были налицо. К 1934 г. почти вдвое по сравнению с 1929 г. уменьшилось число банкротств промышленных компаний. Число рабочих на автозаводах в Детройте, где безработица охватила три четверти населения, намного возросло. Расплатившись по займам AAA, фермеры Айовы впервые за много лет заполнили универсальные магазины в Де-Мойне. Давка в торговых рядах напоминала дни рождественских праздников. Театры Бродвея вновь засветились огнями, и во многих из них спектакли прошли с аншлагом. Национальный доход в 1934 г. был на четверть выше, чем в 1933 г. И все же сомнения в устойчивости достигнутого прогресса оставались неизменным элементом общественного умянастроения.

«После двух недель пребывания в Пенсильвании, – сообщила в августе 1933 г. Гопкинсу в Вашингтон одна из его наиболее надежных поставщиков доверительной информации, – у меня сложилось впечатление, что безработица вместе с рабочими волнениями там, где вновь открываются предприятия, через несколько месяцев может вылиться в большие беспорядки... Католический епископ, чья епархия включает Питтсбург и район угольных шахт, где забастовки становятся все более частыми, сказал мне: «Какой бы недостаточной ни была правительственная чрезвычайная помощь, она сейчас является самым главным стабилизирующим фактором. Пенсильванское управление помощи осенью может оказаться без денег, и не исключено, что оно не сможет немедленно найти эти деньги. Если это случится, федеральное правительство должно будет взять эти расходы на себя, иначе... я знаю, о чем говорю, да поможет нам всем Господь Бог»⁶³.

Размышления об истоках государства «всеобщего благосостояния»

Наиболее часто повторяющейся, шаблонной ошибкой исторической публицистики и политической пропаганды является представление о реформаторстве Рузвельта в виде нагромождения экспериментов, творимых «вслепую», в спешке, без четкого генерального плана, методом *ad hoc*. Что-то вроде мер по ликвидации пожара на палубе корабля, вспыхнувшего внезапно и вызвавшего панику. Пожалуй, в этом повинны и сам Рузвельт (вспомним его знаменитую инаугурационную речь в марте 1933 г), и его соратники, усердно подчеркивавшие экспериментальный характер «нового курса», сконструированного якобы методом проб и ошибок, а также все последующие поколения исследователей и литераторов различной партийной принадлежности, неодинаковые по своим политическим убеждениям, симпатиям и антипатиям.

Из большого числа наиболее приметных суждений этого рода стоит привести только одно, которое явно того заслуживает, поскольку принадлежит бесспорному авторитету, проницательному и ироничному Гору Видалу, автору многих знаменитых исторических романов. Обращаясь к анализу перемен в мире, происшедших в 80-х годах XX в. и, в частности, в связи с «перестройкой» в Советском Союзе, он писал в начале 1990 г. в газете «Обсервер»: «Когда в декабре 1986 г. Горбачев поворачивал ход мировой политики, «Тайм», этот изначальный пропагандист «холодной войны», предоставил сомнительную честь именовать человека года никого не вдохновляющей и малосодержательной фигуре Кори Акино. Но все проходит (Екклесиаст) даже в журнале «Тайм». Вот уже четыре года я сравниваю мастерскую изворотливость и искусство импровизации Горбачева с политическим стилем Франклина Рузвельта. Мою точку зрения называли возмутительной. А теперь «Тайм» 1 января 1990 г. пишет: «Импровизация, скорректированная обратной связью, таким был образ действий Рузвельта... Политический стиль Горбачева наводит на мысль о Рузвельте». Так писала «Тайм». Всему свое время...»⁶⁴. Гор Видал не отказал себе в удовольствии снисходительно ухмыльнуться («джентльмены, взросление дается не сразу»). Сочувствуя Горбачеву, он, по-видимому, ожидал, что политические новеллы последнего переживут их автора.

Мастерская изворотливость и импровизация. Историки и политологи всегда с этим охотно соглашались, когда говорили о социальной политике «нового курса» как о вынужденной реакции на возникшие в 1929 г. чрезвычайные обстоятельства – стремительную пауперизацию большинства населения, распространение социального недовольства и социального протеста в различных традиционных и нетрадиционных формах (порой экстремистских). Ныне в свете новых данных и нового опыта это представление нуждается в корректировке. Системный взгляд позволяет увидеть социальную политику Рузвельта на более значительную глубину ее мировоззренческой подосновы, чем это позволительно было сделать с привычных позиций, держа в поле зрения лишь вершину, кульминацию процесса, его результат, и «не замечая» всего остального.

Начнем с того, что Рузвельту было свойственно ассоциативное мышление, предпосылкой которого было всем хорошо известное развитое чувство истории, ощущение исторического времени, в рамках которого ему приходилось действовать, и особой ответственности перед наследием. Далекое не всегда, однако, его биографы учитывают, что это чувство было дано ему не только воспитанием, но и всем жизненным опытом современника и активного участника многих поворотных по своему значению событий первой трети XX века. Целый букет революций и войн: русские революции, мексиканская революция, китайская революция, Русско-японская война, балканские кризисы, Первая мировая война. Наконец,

потрясения социальной плоти в самих Соединенных Штатах – всеобщие стачки, фермерские выступления, рост политического радикализма, расовые бунты и расовые погромы. «Второклассный интеллект, но первоклассный темперамент»⁶⁵, – сказал после встречи с Ф. Рузвельтом 8 марта 1933 г. девятиностодвухлетний судья Оливер Уэнделл Холмс, по-видимому, подумывая, что вновь избранному президенту недостает кругозора, адекватного сложнейшей ситуации, в которой он оказался в момент своей инаугурации. Не один только мудрый старец Холмс, почитаемый интеллектуальной элитой Америки, обманулся в оценке способности Рузвельта мыслить концептуально, масштабно, системно-последовательно, реалистично определяя главное и второстепенное в иерархии национальных приоритетов. Между тем задолго до драматических дней марта 1933 г. Рузвельт совершил ту скрытую от глаз внутреннюю эволюцию и подготовительную работу, которая позволила ему найти контрапункт всей программы реформ. Рэксфорд Тагвелл говорит об этом так: «...Он (Рузвельт. – В.М.) знал, что он должен быть президентом всего народа, а не только тех американцев, которые голосовали за него»⁶⁶. Уже одно это требовало озаботиться о доступности благ для всех и для каждого.

Ощущение всенародной избранности как психологическая, а затем политическая установка родилась не благодаря только какому-то озарению под напором непрерывно растущей с 1929 г. социальной напряженности и, как тогда принято было говорить, «грома слева». Она выростала из размышлений вокруг опыта бурно развивающихся с конца XIX в. процессов и сдвигов в анатомии и физиологии индустриального общества, накопления в его недрах в годы войны взрывоопасного горючего материала, вызывающего революционные потрясения повсеместно и с такой же неотвратимостью, как муссонные ливни или торнадо в прериях. Летом 1919 г. всегда чутко улавливающая общественные настроения и отражающая их в своей обширной переписке супруга будущего президента Э. Рузвельт писала в письме из Вашингтона: «Сейчас все обеспокоены стачками и рабочим вопросом. Я считаю, что наступила новая эра, когда должны быть произведены революционные изменения в идеях, привычках и обычаях, если мы не хотим столкнуться совсем с другой революцией!»⁶⁷ Революционные методы против революции? Можно понять и так. Главное же, способ мышления выдавал фамильную черту Рузвельтов – бесстрашное отрицание идолопоклонства, отказ от идеализации прошлого и настоящего, устремленность в будущее в сочетании с политическим реализмом.

Ф. Рузвельт в рискованном для молодого политика идеологически нонконформистском, эпатирующем духе озвучил этот вольтерианский порыв в своей знаменитой речи перед Национальным комитетом Демократической партии в мае 1920 г. Предложенную им политическую стратегию он назвал «здравым либерализмом» в противовес политике «консерватизма и реакции» республиканцев. Идея борьбы с привилегиями элиты и акцент на всеобщем благе пронизывали эту по-своему программную, хотя в терминологическом отношении несколько расплывчатую, речь. Ее концовка звучала как призыв к наступательным действиям во имя решительных перемен в социальной сфере общественной жизни. «Итак, – говорил Рузвельт, – мы приближаемся к началу избирательной кампании 1920 г. и подходим к ней, вооруженные основополагающими установками, сориентированными на будущее: консерватизму, социальным привилегиям, дискриминации и разрушению мы противопоставляем либерализм, здравый смысл, идеализм, конструктивность, прогресс»⁶⁸.

Все, как видим, оставалось в рамках и терминах вильсоновской риторики – «здравый смысл», «идеализм», «прогресс», – но Рузвельт явно лучше, чем кумир просвещенного либерализма, ощущал необходимость укрепления связи партии больших городов и южных плантаторов с пестрым и быстро увеличивающимся сектором электората, чье благополучие в материальном, правовом и социально-статусном смысле в первую очередь зави-

село от поддержки государства, его готовности прийти на помощь тем, кто испытывал особо острую зависимость от колебаний экономической конъюнктуры и произвола финансово-промышленных кланов. В августе 1920 г. на формальной церемонии открытия избирательной кампании Рузвельт говорил: «Мы против вторжения денег в политику, мы против частного контроля над национальной финансовой системой, мы против превращения человека в обычный товар, мы против передачи городов под власть содержателей салунов, мы против нищенских заработков рабочих, мы против верховенства групп или клик»⁶⁹. Под этой формулировкой мог бы подписаться любой западноевропейский социал-демократ.

Поражения демократов после Первой мировой войны, общественная апатия «эпохи нормальности» и тяжелая болезнь стали испытанием на прочность, но они не отвратили Рузвельта от дальнейшего продумывания новой социальной доктрины. Напротив. Физически неутомимое некогда тело оказалось парализованным, но пытливый ум сохранял способность улавливать самые тонкие нюансы меняющейся внутри страны и во вне ее обстановки. В рецензии на книгу своего друга Клода Бауэрса «Джефферсон и Гамильтон», опубликованной в популярной тогда газете «New York World» (декабрь 1925 г.), Рузвельт идентифицирует свое миропонимание с Джефферсоном, «который вернул правительство рядовому избирателю», разрушив монополию аристократии богатства и власти. «Возможно, мы когда-нибудь получим своего Джефферсона», – заключал он. После повторного успеха республиканцев на общенациональных выборах это звучало смелым и не вполне своевременным выпадом со стороны представителя аристократических семей. После своего неожиданного появления на конвенте демократов в июне 1924 г. Рузвельт не участвовал в подготовке политической платформы партии, но, прибегнув к типичному для себя маскараду, он руками своего идейного alter ego, супруги Элеоноры Рузвельт, внес целый пакет предложений к программе социального законодательства. В массе своей они предвосхищали социальное законотворчество «нового курса»⁷⁰, и хотя и были отвергнуты комитетом по резолюциям, тем не менее набрали внушительное число голосов. Это была маленькая проба сил с подстраховкой, позволяющей избежать серьезного риска политической компрометации, с последующим отнесением к разряду радикальных прожектеров и неудачников.

Тезис о «забытом человеке» и отказ от романтизации предприимчивого, подчиняющего судьбу сверхчеловека составили костяк идейной платформы губернатора Рузвельта. Политико-философский и морально-этический подтекст этой непопулярной в его собственной партии и вызвавшей бурю возмущения у оппозиции объективизации строился на убеждении, что экономика относится к средствам, а не целям жизни, что человек есть перво-реальность, что жесткая индивидуалистическая модель развития (при которой выживает сильнейший, не озабоченный моралью, а уделом слабого и просто неповоротливого становится благотворительность и признание собственной неполноценности) выработала свой моральный ресурс, изжила себя. И еще на одном, в значительной мере интуитивном ощущении, – что государство вследствие развития той же самой экономики и усложнения социальной структуры приобретает ключевое значение как мощный инструмент, способный остановить хищническое ограбление нации, вернув ей ощущение первородства, самооценности. Сразу после выборов 1928 г. Рузвельт сделал многозначительное заявление-прогноз, вобравшее в себя разнообразные нюансы идущей повсеместно (и в Европе, и США) с конца войны острой общественной полемики: «Я убежден, – говорил он, – что в будущем государство... возьмет на себя значительно большую роль в жизни его граждан... Сегодня некоторые склонны считать, что эта мысль является типично социалистической. Мой ответ им будет таким: она «социальная», а не «социалистическая»⁷¹. Требовалось незаурядное политическое мужество, чтобы говорить об этой дифференциации в момент яростных гонений на инакомыслие.

Но Рузвельт неспроста обращался к этой небезопасной в Америке теме в ряде своих публичных выступлений и до и после осени 1928 г., хотя большинство его слушателей наверное тогда и не уловило всех тонкостей сделанного им противопоставления социального и социалистического вместе с констатацией возрастающего значения социальной функции государственной власти. А между тем во всем этом была своя интрига. Первое. Игра в понятия «социальный» – «социалистический» переводилась как «уже не либерализм и еще не социализм». Нечто такое, что посередине и к тому же неизменное в своей зависимости от грядущей жизни, или по-другому: после Великой войны нельзя быть подлинным (не назывным) прогрессистом, если бояться «крутых» мер в социальной сфере, ассоциируемых кем-то пусть даже и с социализмом. Второе. Рузвельт не побоялся сформулировать на перспективу новую доктрину социальной ответственности государства за судьбы своих граждан. Но он сделал это не в категорической форме, ибо не принадлежал к числу политиков, мыслящих императивами. Но это и не была импровизация, пусть даже скорректированная обратной связью. Скорее здесь уместнее говорить о политической доктрине, построенной (как говорил Н.А. Бердяев) на интуиции конкретной жизни и исторической прозорливости. В Европе, да и во всем остальном мире социал-демократия в послевоенное время усилила и укрепила свое влияние. Гонимая с Востока волна грозила докатиться до берегов Америки. Губернатор Нью-Йорка, чутко улавливая вектор изменений, стремился противопоставить приливу леворадикальных идей стратегию упреждающих действий.

Программа реформ, предложенная Рузвельтом опешившему законодательному собранию штата (где в обеих палатах большинство принадлежало республиканцам), показала, что конкретно понимает губернатор под социальной ответственностью государства: помощь фермерам и фермерским кооперативам, меры контроля за рынком сельскохозяйственных продуктов, улучшение рабочего законодательства, поддержка школы, реструктуризация налогообложения с целью выравнивания доходов, наконец, передача в общественный сектор производства электроэнергии и неординарные меры по реформе системы здравоохранения. Каждая в отдельности из предложенных реформ не была чем-то необычным, исходя из мирового опыта, но все вместе они составляли некую подкритическую массу даже для самого либерального штата в составе США. По крайней мере, в глазах консерваторов. Уже один этот перечень показывал, к какой части политического спектра принадлежал губернатор. И все это венчал призыв к новой Американской революции против баронов-грабителей в «Большой индустрии»⁷².

В 1931 г., в разгар экономического кризиса, губернатор Рузвельт нанес еще один болезненный удар по идеологическим опорам американизма в том его понимании, которое культивировалось сторонниками «твердого индивидуализма», с железной непреклонностью отвергавшими идею наделения государства функцией социальной защиты граждан, обездоленных экономической стихией. Социал-дарвинизм вынужден был оставить важные позиции, когда летом 1931 г. законодательное собрание штата Нью-Йорк, созванное на специальную сессию главой исполнительной власти, без проволочек приняло закон о чрезвычайной помощи по безработице («Закон Уикса»), предусматривавший создание специальной Временной администрации помощи. Словечко «временная» оказалось утешительной уступкой фанатам формулы «выживает сильнейший». Была пробита брешь в антистейтсменском мировоззрении, где узаконение фактического неравенства уживалось с культом джефферсоновства и фарисейски циничным отношением к праву выбора рядового американца, «маленького человека». «Возница» предлагал выбираться на дорогу, не теряя даром времени и не пасуя перед критикой со стороны хранителей «американизма» и обвинениями в тайном сочувствии радикализму на европейский манер. Пройдет какое-то время, и судья Феликс Франкфуртер, сблизившийся в эти годы с губернатором Нью-Йорка и собравший вокруг него

команду интеллектуалов («мозговой трест»), в письме другу-скептику У. Липпману скажет, что Америке следует идти именно таким путем, ведущим к «чему-то вроде эгалитаризма»⁷³.

Итак, инкубационный период «нового курса» содействовал, а может быть, даже обеспечил создание необходимого интеллектуального задела для реализации будущей программы преобразований. Образно говоря, черновой вариант ответа на вопрос «Что делать?» сложился задолго до «экспериментальных» 100 дней. Без такого накопления интеллектуального капитала, размышлений об опыте других стран этой программы просто бы не было. Далее. В главном и основном Рузвельтом и его сплоченным окружением была продумана и политическая стратегия реформ, для которой едва ли кто-нибудь другой лучше Рузвельта мог бы найти короткое, но метафорически емкое и неповторимо близкое к сути обозначение: «чуть-чуть левее центра».

Идеи и короткий, отнюдь не заверченный опыт социального реформаторства, приобретенный Рузвельтом в конце 20-х – начале 30-х годов на посту губернатора штата Нью-Йорк, имели своей проекцией более чем десятилетний бурный период политической активности, вошедшей яркой страницей в историю XX столетия. При этом социальная политика Рузвельта в период президентства была настолько органично увязана с каждым шагом президента как национального лидера, всем его обликом и риторикой, что в глазах всех будущих поколений стала идентифицироваться исключительно с личностью великого политика. Однако это было только отчасти справедливо, если учитывать субъективные устремления самого Рузвельта, который мог проявлять и осторожность, и медлительность, и даже нежелание что-либо менять в тех случаях, когда это угрожало неустойчивому равновесию между основными общественными силами, между низами и верхами. Само время и ход событий выступали соавторами реформ, не только диктуя линию поведения Рузвельта, но и формируя энергетику «нового курса» в целом, его внутреннюю динамику, прямо связанную, прежде всего, с экономическими условиями и с ситуацией в сфере социально-классовых отношений.

Предлагая обществу каскад преобразований и обновленческих идей (в истории американских администраций они носили беспрецедентный характер), Рузвельт имел существенное преимущество перед реформаторами прошлого как в Америке, так и в других странах. Весь период реформ «нового курса» в США протекал в обстановке сохранения относительной стабильности государственных институтов и традиционных политических структур в стране как на федеральном, так (в основном) и на местном (штатном) уровнях. Сформировавшееся и жизнеспособное гражданское общество, воспитанное на уважении к конституционному порядку и предоставляющее выход общественному недовольству через легитимные каналы – прессу, парламентскую оппозицию, лоббизм, различные формы религиозно-общинной деятельности, просветительство и т. д., – служило своеобразным амортизатором, снимающим избыточное социально-политическое напряжение. Но, бесспорно, многое зависело от политического лидера, способного, как писал Альфред Вебер, служить «образцом индивидуальности»⁷⁴. Рузвельт оказался таким лидером. Он остерегался крутых, пропагандистски эффективных экспромтов, способных в случае неосторожного движения или идеологического «выверта» вывести конституционно-правовую и государственную системы из равновесия. В его планы не входил и отказ от основных постулатов американизма, традиционных ценностных приоритетов либерализма. Он не предавал анафеме прошлое, а лишь требовал хладнокровно демистифицировать его реальный контекст, трезво оценить его плюсы и минусы. Оставаясь реформатором, Рузвельт не стремился продемонстрировать пренебрежение к превратностям ради того, чтобы остаться в «памяти на века».

Хладнокровный учет масштаба кризиса и возможностей его преодоления без великих потрясений – вот что, пожалуй, отличало действия Рузвельта как политика. Здесь кроется объяснение многих «нетипичных» особенностей политической ситуации в стране. Так, имущественные, социально-классовые противоречия в Америке в годы Великой депрес-

сии обострились, но президент искусно и эффективно, используя весь арсенал доступных ему средств, препятствовал политизации общества, которая подвела к краю пропасти такие страны, как Россия, Германия, Испания, Франция. В стране развивались как леворадикальные, так и правозэкстремистские движения, но их рост сдерживался изобретательной, гибкой политикой властных структур, ньюдилеров снизу доверху, идеологически открыто не противопоставлявших себя ни правым, ни левым, а главное, всерьез при поддержке федерального правительства взявшихся за работу по трудоустройству безработных, строительству муниципального жилья, модернизации трудового права, борьбе с преступностью, организации помощи фермерам, деятелям культуры, перестройке банковской системы, образования, созданию системы социальной защиты населения, улучшению инфраструктуры городов и поселков, техники безопасности и т. д. Поворот властей лицом к непривилегированным слоям вызывал спонтанный оптимизм, от которого, как говорил английский экономист Кейнс, зависит большая часть (в отличие от ожиданий, основанных на расчетах и стремлении к выгоде) позитивных устремлений человека, его способность к реальным свершениям, действиям. Этот «психологический множитель» наряду с воспроизведением Рузвельтом многих почерпнутых из арсенала леворадикальных и популистских движений практических предложений перекрыл каналы распространения влияния последних на широкие социальные низы, общественные и профессиональные организации. Подавляющее большинство из них оставалось более или менее последовательными сторонниками «нового курса» и президента Рузвельта до самого конца.

«Выполнимая программа реконструкции» с ударением на первом слове этого словосочетания – вот квинтэссенция той формулы практических действий, с которой Рузвельт обратился к народу. Президент-демократ отказался от формулирования «великих замыслов». Создание нового типа государства – «государства всеобщего благосостояния, где простые люди – рабочие, фермеры, интеллигенты, мелкие предприниматели – могли бы чувствовать себя защищенными в процветающем обществе, составляло содержание высказанных им в речах мыслей, ставших его платформой. Она была предельно проста и понятна, хотя и обладала важной отличительной чертой, оставаясь даже в годы войны адресной и социально ориентированной. Тем она отличалась от реформ и преобразований Бисмарка, обусловленных милитаристскими целями. Все же остальные свойства (вплоть до обвинений в законспирированной прокоммунистической направленности) были по большей части либо приписаны «новому курсу» его сторонниками и противниками, либо являлись плодами «творчества» на местах, где те или иные политические группировки, поддерживая в целом президента, уклонялись по собственной инициативе влево и даже пытались перехватить лидерство у умеренного ядра Демократической партии.

Основополагающие принципы Локка и Бентама Рузвельтом нарушены не были⁷⁵. Поверим Л. Харцу, хотя есть и другие мнения. Еще раз отметим, что и в годы Второй мировой войны, принесшей стране небывалое экономическое процветание, Рузвельт не изменил своей концепции активного государственного дирижизма в целях продолжения эффективного функционирования гражданского общества, имеющего сбалансированные социальные и межэтнические отношения, а главное – не на словах, а на деле озабоченного материальным благополучием и сильных, и слабых. Вошедший в обиход термин «welfare state» хорошо передавал процесс перевоплощения «американской мечты» в силу изменения как внутренних, так и внешних условий в уравнение социального статуса богатых и бедных, признания принципа социальной защищенности граждан страны⁷⁶.

Все сказанное не противоречит тому, что Рузвельт зачастую намеренно уходил от включения в повестку дня многих вопросов, способных позволить сравнивать его со сторонниками более радикальных мер. Между тем среди них были жгучие вопросы о международных и межрасовых отношениях, о гражданских правах для черных американцев, о

федеральной системе обязательного медицинского обеспечения населения и др. Рузвельт отклонил требования форсировать принятие соответствующего законодательства по этим вопросам, полагая, что общество не готово принять его на основе добровольного консенсуса, устраняющего возможность серьезного всплеска социально-классовых конфликтов. Отвечая на вопрос о сущности его социальной философии, он заявил как-то, что является и демократом и христианином. В этой преднамеренной расплывчатости, собственно, и заключалось понимание им задач общественного обновления, идущего дальше классического либерализма, но не порывающего с ним.

Инициативная роль исполнительной власти в проведении реформ и политики социального партнерства сопровождалась усилением института президентства. И это было еще одной важной чертой концепции «welfare state». Фактически он автоматически наделялся особыми полномочиями, не предусмотренными конституцией. Возник феномен «имперского президентства», стремящегося на себе замкнуть принятие многих важных решений по реформированию сверху экономики и государственных структур.

Говоря об особом понимании Рузвельтом функций «ответственного правительства», нельзя не сказать о региональном аспекте его «Плана реконструкции». Особенно характерен пример Юга. К 30-м годам Юг в социально-экономическом отношении если и занимал особое место в экономической структуре, то, скорее всего, как некий реликтовый политико-культурный субстрат, как «зона сплошной бедности» и отсталости. Однако южные политики, представлявшие, в сущности, однопартийную структуру (на Юге полностью доминировали демократы-диксикраты) в рамках национальной двухпартийной системы, играли очень важную роль в конгрессе и его комиссиях, как правило, лидируя в организации сопротивления нововведениям, закладывающим основы «государства всеобщего благосостояния». Рузвельт сумел добиться здесь перелома. Лидеры демократов, используя свое влияние на комитеты конгресса, сумели сгладить главные противоречия между южным (консервативным) и северным (либеральным) крыльями партии и тем самым не только предотвратили раскол, но и создали предпосылки для превращения «черного пояса» в анклав движения за «социальное государство». Фигура спикера палаты представителей Сэма Рейберна, южного демократа, но надежного сторонника Рузвельта, показательна в этом смысле. Однако цена, которую приходилось платить за единство, была достаточно велика: уход от прямой критики недемократических, расистских порядков на Юге и отказ от форсированного внедрения идей равенства белых и афроамериканцев. Неясные и невыясненные (в достаточной мере), но тем не менее существовавшие планы Рузвельта повести дело (после выборов 1940 г.) в направлении реорганизации Демократической партии с целью создания на ее базе новой «прогрессивной» партии, очищенной от консервативных элементов, во многом были связаны со сложными взаимоотношениями Рузвельта с местными партийно-политическими элитами, особенно на Юге.

Политический ландшафт США 30-х годов благодаря социальному реформаторству Рузвельта изменялся очень динамично. Но эти изменения носили неоднозначный характер. И большинство из них имело свою специфику в региональных границах, хотя сжатие или расширение социальной базы реформ вело к обновлению обеих ведущих партий в целом – Демократической и Республиканской. Республиканская партия сблизилась, например, с либеральными реформаторами в промышленных центрах Северо-Востока и в Калифорнии и сползла на более антиреформаторские позиции в некоторых западных штатах и на Среднем Западе. Прогрессивный республиканизм на Среднем Западе, оставивший заметный след в политической истории США в 1900–1939 гг., фактически исчез к 40-м годам полностью. Фермерство охладело к государственному регламентированию, требуя невмешательства в его хозяйственную деятельность. В условиях оживления экономики и роста доходов оно жаждало большей свободы и независимости.

Видя неоднозначные изменения в общественных настроениях, Рузвельт в своих действиях руководствовался не идеологическими, а преимущественно чисто политическими соображениями. Президент предпочитал взаимодействовать с прочно устоявшимися политическими машинами или организациями, предлагая им взамен поддержки тех или иных начинаний свой патронаж, финансовую помощь городу, штату и т. д. Его не столь сильно занимала партийная принадлежность той или иной политической организации и идеологическая окраска ее программных заявлений, сколько ее конкретная позиция в отношении реформ, реальные масштабы ее влияния на электорат и возможность использовать его в собственных целях. Идеологический фактор во взаимодействии президента с общественными силами был сведен к минимуму, поскольку он мог только препятствовать осуществлению Рузвельтом его миссии модератора, гаранта политической стабильности, посредника в классовых отношениях. Он даже порой принимал поддержку общественных сил, в которых лидирующую роль играли коммунисты и социалисты. Таким путем ему удавалось сохранить за собой политическую инициативу.

Эпоха «нового курса» наложила свой, и притом решающий, отпечаток на всю последующую экономическую, социально-политическую и духовную жизнь США, на модификации ценностных ориентаций американцев, их представлений о том, каким должно быть модернизированное государство «первой новой нации», его функции после краха вигистской модели и в условиях склонения к тоталитарным моделям и распространения этатизма. Идею «государства всеобщего благосостояния» Рузвельт сумел выразить в следующих немногих, но емких словах, вобравших суть проводимых им реформ, и прежде всего создания условий для осуществления более справедливого распределения национального богатства при концентрации усилий на решении проблемы бедности: «О мере нашего прогресса следует судить не по тому, сколь большим будет приращение к благополучию тех, кто и без того не обделен богатством, а по тому, достаточно ли мы поддержали тех, кто владеет слишком немногим»⁷⁷. Он мог бы выразить ту же мысль словами великого русского публициста: «Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи?»

Глава III Гром слева

Рузвельт: одна треть нации живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается

Если в области восстановления деловой активности меры, принятые правительством в необычайной спешке, привели к неожиданно скорому улучшению, то в плане решения острой национальной проблемы, непосредственно касавшейся судеб миллионов людей, – проблемы занятости достижения администрации были весьма скромными. Многие исследователи говорят даже о провале программы борьбы с безработицей, осуществляемой под эгидой различных правительственных ведомств начиная с 1933 г.

В самом деле, главная цель всей социальной стратегии рузвельтовских демократов – обеспечение полной занятости или хотя бы приведение безработицы к докризисному уровню – осталась голубой мечтой. «Статистика... – пишет известный американский исследователь Милтон Дербер, – почти не нуждается в комментариях. Достаточно сказать, что лишь в самый разгар краткосрочного кризиса после Первой мировой войны уровень безработицы составлял 11,7 % от общего числа занятых. А чтобы еще яснее представить себе трагические масштабы Великой депрессии, надо вспомнить, что никогда после кризиса 1893–1896 гг. этот уровень не достигал и 9 %»¹. Сравнение действительно не в пользу «нового курса». В 1939 г. уровень безработицы составил 17,2 % (9,5 млн человек), т. е. примерно в 6 раз превышал 1929 г.² Незадолго до очередных президентских выборов 1940 г., которые сам Рузвельт рассматривал в качестве критического рубежа в своей политической карьере, в стране безработных было больше, чем в 1931 г., т. е. в апогее краха, в момент чрезвычайно низкой деловой активности и массовых увольнений. Фактически только мировая война спасла американскую экономику от очередного спада и нового увеличения массовой безработицы³.

Процесс обнищания и пауперизации больших масс городского населения страны так и не удалось приостановить полностью. Зимой 1934 г. число тех, кто получал прямую материальную помощь по безработице, составляло свыше 20 млн человек. Но размеры этой помощи не превышали 16 долл. в месяц на семью из четырех человек. К 1937 г. это пособие в связи с ростом стоимости жизни было несколько повышено (до 20 долл.), однако и эта сумма не покрывала самых скромных расходов на питание, не говоря о прочих статьях семейного бюджета⁴. Джон Льюис, бесспорно ведущая в ту пору фигура в прогрессивном крыле профсоюзного движения США, был не всегда объективен в оценке деятельности администрации Рузвельта (порой темперамент, болезненное честолюбие или чисто политические соображения мешали ему хладнокровно судить о сути происходящего). Но, выступая на съезде союза горняков в Коламбусе (штат Огайо) в 1940 г., он дал точную оценку сложившейся ситуации в области занятости, которую никто, включая и самого Рузвельта, не мог бы оспорить. «Мы вступаем в новый год, – говорил он, – с сознанием, что Демократическая партия не выполнила свои обязательства перед американским народом. Находясь семь лет у кормила власти, она так и не смогла решить главный вопрос – вопрос о безработице... По-прежнему над страной витает дух отчаяния...»⁵

Отмечая в целом положительное значение создания системы федеральных общественных работ, левые и прогрессисты критиковали администрацию Рузвельта сильнее всего

именно за склонность к полумерам, стремление подчеркнуть временный характер государственного вмешательства, связать ограниченность помощи моральными соображениями, как многим казалось, совершенно неприемлемыми в возникшей обстановке⁶. А между тем признаки нарастания кризиса во всей системе организации помощи безработным, созданной администрацией «нового курса» и продублированной на местах, особенно заметно проявились с середины 1937 г. Ухудшение положения с наибольшей силой ощущалось в крупнейших промышленных штатах – Огайо, Пенсильвании, Иллинойсе и др. В Нью-Джерси власти отказали всем нуждающимся в помощи, предоставив взамен ее лицензии на право сбора подаяния⁷. Губернатор Огайо вынужден был отдать распоряжение организовать однократное питание тысяч голодных людей с помощью походных кухонь частей Национальной гвардии⁸.

Проведенные обследования подтвердили, что позорное явление коллективного нищенства и существования за счет городских свалок, с которым демократы торжественно обещали покончить еще в 1932 г., продолжало оставаться печальной реальностью. Миллионы американцев и общество в целом продолжали уплачивать тяжкую дань массовой безработице ослаблением семейных уз, искалеченными судьбами молодежи, упадком морали, ростом преступности, самоубийствами, тяжелыми недугами. Созданная ньюдилерами система общественных работ под руководством министра внутренних дел Г. Икеса и Г. Гопкинса (ВПА и СВА) смогла снять лишь часть груза проблем, и это проявило себя столь отчетливо, что даже среди многих ее политических сторонников возникло убеждение в тщетности усилий изменить положение к лучшему без создания мощного государственного сектора в промышленности и строительстве, способного развиваться на плановых началах и предоставить работу тем, кто лишился ее на частных предприятиях.

Оживление экономики, трудовое законодательство «нового курса» в сочетании с главным фактором – решительной борьбой рабочего класса более заметно сказались на положении занятой части трудящегося населения. Была сокращена (и в ряде случаев существенно) продолжительность рабочей недели, повышены минимальные ставки заработной платы низкооплачиваемых категорий работников, запрещен и ликвидирован детский труд, улучшены условия труда рабочих в ряде отраслей, где профсоюзы, воспользовавшись расширением своих прав, сумели добиться осуществления требований рабочих. Речь идет, разумеется, об известном улучшении в положении промышленных рабочих в целом. Однако «кодексы честной конкуренции», разработанные предпринимателями для отдельных отраслей, как известно, отличались друг от друга. Некоторые из них не включали пункты, предусматривающие минимальные ставки зарплаты, в других ничего не говорилось о снижении продолжительности рабочего времени.

Аграрное законодательство «нового курса», несмотря на каскад осуществленных нововведений и реализованных под эгидой правительства проектов, оказало двойственное влияние на положение сельскохозяйственного населения Америки⁹. Крупные и некоторая часть средних фермеров, получившие правительственные премии за выключение части земель из производства и обратившие полученные от государства средства на интенсификацию ведения хозяйства, смогли извлечь из них немалые выгоды, поскольку осуществление всех мероприятий в рамках AAA проходило при тесном взаимодействии с организацией крупного фермерства – Американской федерацией фермерских бюро. В то же время положение мелких фермеров и в особенности арендаторов, кропперов – издольщиков и сельскохозяйственных рабочих по-прежнему оставалось тяжелым, а во многих случаях ухудшилось в связи с тем, что программа сокращения производства означала для них либо разорение и принудительный сгон с земли, либо низведение до уровня натурального хозяйства¹⁰.

Ухудшение положения беднейшей части сельскохозяйственного населения и обострение ситуации в «хлопковом поясе» заставили правительство заняться проблемой «забытых фермеров». В апреле 1935 г. Рузвельт объявил о создании Администрации по переселению, на смену которой в 1937 г. пришла Администрация по сохранению фермерских хозяйств. Одновременно было принято законодательство об ассигновании 80 млн долл. для предоставления в виде займов фермерам-арендаторам с целью покупки собственных ферм. В теории эта программа должна была содействовать улучшению материального положения малоимущих групп сельского населения. На практике же предоставленными льготами смогло воспользоваться лишь незначительное меньшинство арендаторов¹¹. Разорение фермерства и имущественное расслоение продолжались ускоренными темпами. Всего с 1935 по 1940 г. в США исчезло 716 тыс. ферм (10,5 % общего числа)¹². Задолженность фермерства в 1940 г. достигла огромной цифры – 10 млрд долл.¹³ Неутешительный итог непрерывных семилетних усилий в попытке излечить сельское хозяйство страны от одолевавших его недугов! Лишь война, появление огромного рынка сбыта продовольственной продукции в воюющие страны, упадок сельскохозяйственного производства во многих регионах и сдвиги в экономическом развитии Юга в связи с военно-промышленной конъюнктурой приостановили кризис в сельском хозяйстве США и создали предпосылки к его модернизации и подъему. Отношения администрации «нового курса» с фермерством складывались сложно в силу непредвиденных поворотов в развитии аграрной экономики. А это, в свою очередь, приводило подчас к прямо противоположным результатам в реализации правительственных программ помощи. Но так или иначе в выигрыше всегда оставалось крупное, капиталистическое фермерство¹⁴.

И все же при проведении экономических реформ не было в США другого такого слоя населения, на положении которого осуществление «нового курса» сказалось бы столь же противоречивым образом, как это случилось с двенадцатью миллионами афроамериканцев. Во время избирательной кампании 1932 г. Рузвельт обещал отнестись с полным пониманием и беспристрастием к вопросу о включении американцев с черной кожей в сферу воздействия чрезвычайных мер помощи «забытому человеку»¹⁵. Однако на практике эти меры оборачивались для негритянского населения далеко не однозначными последствиями. Хотя более половины его в 30-х годах жило в сельской местности, главным образом в хлопкосеющих штатах Юга, только 20 % черных фермеров были собственниками земли, которую они обрабатывали. Остальные трудились на земле крупных землевладельцев в качестве арендаторов и батраков. Система кропперства и издольной аренды – своеобразная модификация рабского труда периода, предшествовавшего Гражданской войне, немногим улучшала материальный и правовой статус вчерашних невольников. Невзгоды же аграрного кризиса 20-х годов плюс экономическая катастрофа 1929–1933 гг. сделали положение этой беднейшей части сельскохозяйственного населения Америки просто безвыходным. Администрации «нового курса», таким образом, представился великолепный случай явить стране свой «непредвзятый» подход в вопросах помощи, политическое бескорыстие и гуманизм.

Однако первые же итоги претворения в жизнь Закона о восстановлении сельского хозяйства (AAA) показали, что мероприятия по сокращению сельскохозяйственного производства и изъятию из обработки части пахотной земли делали страдающей стороной прежде всего именно эту, самую нуждающуюся часть сельского населения. Они не могли принести никаких выгод тем, кто и без того владел ничтожной площадью земли или же вообще ничего не имел, всецело завися от прихоти лендлорда, его способности и заинтересованности вести расширенное воспроизводство. Черные фермеры, издольщики и батраки фактически не могли выправить положение, используя механизм арбитражных комиссий. Осуществлявшие все контрольные и распорядительные функции на местах представители белых лендлордов

не оставили черным арендаторам и кропперам никаких шансов на справедливое рассмотрение их жалоб¹⁶. О решимость «кавалеров» не допустить ослабления зависимости арендаторов от хозяев плантаций разбивались все попытки толкования аграрного законодательства «нового курса» на беспристрастной, равноправной основе.

В свою очередь, федеральные чиновники стремились держаться «нейтрально» ради обеспечения поддержки лендлордов в реализации общей программы. Воспользовавшись этим, плантаторы не допускали к процедуре выработки рекомендаций и наблюдению за распределением правительственной помощи представителей черных арендаторов, обеспечив за собой все преимущества и льготы, предоставляемые ААА. Результаты не замедлили сказаться. Данные Бюро цензов за 1940 г. показывают, что в том году в США насчитывалось почти на 200 тыс. меньше черных арендаторов, чем их было в 1930 г.¹⁷. Бросая землю, черные американцы целыми общинами переселялись с Юга на Север, в промышленные центры, оседая в трущобах гетто и пополняя армию безработных.

И хотя реформы «нового курса», начиная с НИРА, внесли известные перемены к лучшему в положении городского черного населения¹⁸, однако размеры пособия во многих местах (особенно на Юге) были столь малы, что не покрывали и сотой доли расходов негрятинской семьи на питание, одежду и кров, а на общественных работах черные сплошь и рядом подвергались унижительному обращению, дискриминации и разного рода ущемлениям¹⁹. Тем не менее в целом нужно признать, что положение афроамериканцев уже не было столь трагичным, как двумя годами раньше, в период правления республиканцев, хотя Рузвельт отказался предпринимать что-либо основательное с целью улучшения социально-правового положения черного населения. Этот аспект проблемы им даже не рассматривался.

Правда, шагом вперед был формальный отказ Национальной администрации восстановления включать в «кодексы честной конкуренции» положения, не признающие равенства прав белых и черных рабочих в вопросах зарплаты. И хотя предприниматели нашли тысячи лазеек, чтобы уклониться от распространения пункта о минимуме заработной платы на черных, тем не менее в целом правительственная регламентация условий найма налагала известные моральные ограничения на дискриминационную практику предпринимателей на крупных промышленных предприятиях, транспорте и в горнодобывающих отраслях. Однако большое число черных рабочих было занято на мелких предприятиях с устаревшим оборудованием или в сфере услуг, конкурентоспособность которых всецело зависела от затрат на переменный капитал. Удорожание рабочей силы в связи с введением новых правил нормирования и оплаты труда заставило предпринимателей идти либо по линии автоматизации производства, либо по линии его свертывания. В обоих случаях первой жертвой хозяйского произвола становились черные рабочие, пополнявшие ряды безработных. Таким образом, возникла прямо-таки парадоксальная ситуация: если в конечном счете рабочий класс США выиграл от правительственного регулирования трудовых отношений, то в ряде случаев на положении многих категорий как белых, так и черных рабочих его последствия сказались негативным образом.

Известное улучшение положения трудящихся США в связи с претворением в жизнь законодательства «нового курса» не коснулось большинства черных тружеников еще и потому, что они в основном были заняты в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания, других отраслях экономики, на которые не распространялось действие этого законодательства. Это относится и к Закону о социальном страховании (1935 г.). Его статьи, предусматривавшие создание системы пенсионного обеспечения по старости и страхования по безработице, могли быть применены только к 10 % от общего числа черных в составе рабочей силы²⁰. Сельскохозяйственные рабочие, прислуга, рабочие сезонных профессий (среди которых

преобладали черные американцы) и т. д. попросту не были приняты в расчет при определении категорий трудящихся, которые могли претендовать на пособия и пенсии. Сохранить лояльность демократов-южан и не дать расистам повода для резких нападков на «новый курс» представлялось Рузвельту более оправданным, чем проявлять твердость и последовательность в принципиальных вопросах межрасовых отношений.

Все познается в сравнении. Положение американцев с черной кожей в период правления предшествующих республиканских администраций было столь трагичным, что самые незначительные достижения в годы «нового курса» могли рассматриваться ими как слабый луч надежды в конце длинного темного туннеля. В связи с этим питтсбургская негритянская газета писала в январе 1936 г.: «Существование на грани голодной смерти, которое стало их уделом при президенте Гувере, уже не грозит безработным негритянским рабочим. Они нашли работу на объектах ПВА, СВА, ВПА, ФЭРА и т. д. Критики еще скажут о практикуемой дискриминации цветных кропперов, квалифицированных и неквалифицированных рабочих-негров... Все это так. Было бы бесполезно пытаться отрицать это... Но какое другое правительство США в прошлом... смогло добиться чего-либо более значительного? Ответ, конечно, может быть только один – никакое»²¹. На президентских выборах 1936 г. 71 % черных избирателей отдали свои голоса Рузвельту, 67 % их голосовало за него и в 1940 г.²²

Благотворно реформы «нового курса» сказались на положении городских средних слоев. Однако и здесь у многих они вызвали двойное к себе отношение. С одной стороны, различные слои интеллигенции, учащаяся молодежь, служащие, лица свободных профессии и т. д., несколько лет стоявшие на краю пропасти, смогли наконец почувствовать себя в относительно большей экономической безопасности благодаря реализации специальных правительственных программ помощи, предназначенных дать им минимум защиты от хаоса, всеобщего застоя в делах, от банкротств, падения спроса на интеллектуальный труд и т. д. С другой стороны, часть средних слоев, связанная с мелким бизнесом, поначалу поверившая обещанию Вашингтона восстановить права «независимого предпринимательства» и «честную конкуренцию» путем ограничения произвола крупного капитала, вскоре убедилась, что правительство, во-первых, бессильно приостановить процесс концентрации экономической мощи и, во-вторых, вообще не склонно этим заниматься. Недовольство и метания этой части городских средних слоев, экономически и идеологически связанных с мелким бизнесом, безошибочно указывали не только на то, что неудовлетворенность их своим экономическим статусом сохранялась, но и на то, что они могут отдать свои симпатии политическим лидерам экстремистского толка. Это, в свою очередь, предполагало новые изменения в расстановке политических сил, появление политиков-чудотворцев типа Хью Лонга на Юге или Чарльза Кофлина на Севере, чему «новый курс» призван был препятствовать.

Бесспорно. Рузвельт уже в конце первого срока пребывания в Белом доме начинал сознавать тщетность расчетов достигнуть чего-либо с помощью пожарных полумер и штопанья общественных «дыр» средствами, приносящими лишь временное облегчение тем, кто больше всего страдал от опустошений, связанных с почти полным расстройством экономики. Признание давящей тяжести нерешенных проблем и несоразмерности принятых мер с масштабами бедствия сквозило в каждой фразе его знаменитой речи, произнесенной 20 января 1937 г., в торжественный день церемонии по случаю вторичного вступления на пост президента. Он говорил: «Я вижу десятки миллионов граждан страны – значительную часть ее населения, которые в этот самый момент лишены большей части того, что, даже исходя из самого низкого на сегодняшний день уровня жизни, считается совершенно необходимым. Я вижу миллионы семей, ежедневно живущих на столь скудные доходы, что это становится уже семейным бедствием. Я вижу миллионы людей, чья будничная жизнь в городах и на фермах протекает в условиях, признанных недостойными цивилизованного общества еще полстолетия назад. Я вижу миллионы людей, лишенных образования, отдыха и возможно-

сти изменить к лучшему свою участь и участь своих детей. Я вижу миллионы людей, не имеющих средств на покупку продукции ферм и заводов и тем самым тормозящих возможность миллионов других производительно трудиться. Я вижу, что треть нации живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается»²³.

Статистика и специальные исследования показывали, что в некотором смысле дело обстояло даже хуже, чем представлял себе это президент. Экономический кризис 1937–1938 гг., обрушившийся внезапно и совершенно «некстати», как разрушительный повторный толчок землетрясения, грозил уничтожить до основания все, что с таким великим трудом удалось восстановить в 1933–1936 гг. Сильнейшие удары нового кризиса подавляли чуть окрепшие ростки благополучия. Оказалась замешана и политика. Однако объяснять ненадежность достигнутых к середине второго срока президентства Рузвельта результатов реформ отсутствием политической воли было бы верхом наивности. Справедливо между тем говорить, что президент стал заложником тактики лавирования и приспособленчества, которую он избрал, пытаясь не допустить раскола общества перед лицом сложнейших внутренних и внешних задач. Один решительно настроенный сторонник «нового курса» нашел, что именно в этой тактике лавирования таится источник бессилия либерализма, поверженного неисчезнувшей нищетой. «...Мы слишком охотно, – писал он, – идем на компромиссы с нашими врагами, полагая, что таким образом завоюем их симпатии и вынудим их быть справедливыми»²⁴. Так думали очень многие новые демократы, всерьез полагавшие, что страна переживает мирную революцию при исключительно благоприятных условиях.

Рузвельт придерживался всегда более сдержанных оценок. Он не видел в «новом курсе» разрыва с традицией «Американского пути», считая вместе с тем, что выживание реформ во многом зависит от энтузиазма тех, кто обеспечил своими голосами ему победу в 1932 и 1936 гг. Печальная судьба прогрессизма и вильсоновского либерализма начала века всегда оставалась у него перед глазами. Не повторить ее означало для Рузвельта сохранение прямой и опосредованной связи с теми пластами электората, которые составляли его одновременно наиболее массовую, активную и организованную часть.

Мятежные голоса

Бурные и драматичны сцены у зданий муниципалитетов, осаждаемых сотнями бездомных людей, или у ворот предприятий, захваты помещений законодательных собраний штатов участниками рабочих манифестаций, голодные походы безработных не вызывали такой тревоги в верхних этажах государственного здания, как поступающая информация о новых явлениях в организованном рабочем движении. Мятежный дух, который овладевал им снизу доверху, заставлял даже самых «надежных», с точки зрения предпринимателей и властей, конформистски настроенных лидеров переосмысливать идейные установки гомперсизма и заняться поисками новых ориентиров. Многие в руководстве АФТ чувствовали себя в растерянности, обманутыми и даже брошенными на произвол судьбы. Длительное время рекламируемое ими «процветание» рушилось, как картонный домик, как многоярусное сооружение при девятибалльном шторме, погребая под своими обломками красивые, но несбыточные обещания о царстве «социального мира» и «равенстве возможностей».

Один из самых последовательных пропагандистов мифа о «новом капитализме» в профдвижении США, вице-президент АФТ Джон Фрей, в разгар кризиса сделал следующую запись в своем блокноте: «Каждый сейчас хочет возврата процветания. Но появились огромные различия во мнении, каким оно должно быть. Предприниматели и банкиры, возможно, мечтают о том замечательном времени, когда богатство создавалось в невиданных еще размерах, а число миллионеров и мультимиллионеров возрастало за одну ночь. Что же касается тружеников, живущих на заработную плату, то они хотят такого процветания, которое дало бы им гарантию от безработицы и улучшило бы условия труда. И уж совершенно ясно, что рабочие не хотят возвращения такого процветания, которое было у нас в 1924–1929 гг., потому что оно создало предпосылки пугающей всех депрессии и породило невероятные страдания, вызванные безработицей. Если вернуться прежние времена, мы вновь столкнемся с подобной или еще худшей депрессией. Условия, порождающие перепроизводство, будут означать возврат еще большей нужды или голода. Сегодняшнее процветание, которое ведет к перепроизводству, затовариванию и голоду завтра, совершенно неприемлемо»²⁵.

В письме от 12 сентября 1932 г. Фрей размышлял уже о том, каким должно быть обновленное рабочее движение США. «Цена, которую трудящиеся платят за некомпетентность, невежество и бесчеловечность капитанов финансов и промышленности, невероятно велика... Я не сомневаюсь, – писал он, – в способности тред-юнионистского движения выдержать шторм. Но я также убежден, что, когда наступят лучшие времена, мы должны проводить более наступательную и далеко идущую политику, чем прежде. Рабочий должен научиться полагаться только на себя и на свою организацию и ни на кого больше. Мы нуждаемся в новом трудовом законодательстве, особенно в таком, которое определяет и гарантирует права рабочих. Однако наиболее принципиальные вопросы не могут быть разрешены законодательным путем. Только опираясь на организацию, только путем продуманных боевых действий мы сможем найти путь к спасению»²⁶.

Кто бы мог подумать двумя годами раньше, что такой верный сторонник гомперсистской ортодоксии, доктрины непротравления капиталу, как Фрей, способен возвысить свой голос до столь решительного тона? Правда, когда волна социального протеста поднялась еще выше, он, испугавшись размаха рабочего радикализма, заговорил иначе и даже обвинил рузвельтовских либералов в разжигании классовой ненависти. Это было уже явное преувеличение: партия Рузвельта не преследовала подобных целей. Совсем напротив: ее усилия с самого начала были направлены на то, чтобы сбить накал страстей, заблокировать и заглу-

шить развитие политического радикализма в низах общества, прежде всего в рабочем движении.

Законодательство «первых ста дней» вопреки мнению некоторых историков о преобладании в нем чисто экономических задач над всеми другими призвано было создать прежде всего психологический перелом, внести успокоение, проще говоря, выпустить пар из котла, давление в котором достигло критического уровня. И надо сказать, что желаемый эффект, хотя и не полностью, был достигнут. В самом деле, многократное увеличение расходов на помощь безработным, создание системы общественных работ, меры помощи фермерам привели к снижению накала массового движения безработных во многих промышленных центрах²⁷, к приостановке фермерских выступлений общенационального характера и стихийных бунтов молодежи. Однако желанной общей «передышки» не получилось. Напротив, рабочее движение в целом продолжало развиваться по восходящей линии, причем эпицентр активности сместился на территории действующих предприятий, в ведущие отрасли американской промышленности. Стаечная борьба, борьба за организацию профсоюзов становилась главной формой движения. Отныне его судьба находилась в руках тех, кто своим трудом поддерживал жизненный тонус нации, движения «рядовых», отвергнувшего старые методы борьбы, а вместе с ними и старых лидеров.

Воодушевленные тем пониманием, которое нашло у широкой демократической общественности страны требование признания за наемными работниками права на коллективную самозащиту, и отвергнув старую соглашательскую тактику гомперсизма, трудящиеся в солидарном порыве включались в прямые действия. Эта не прекращающаяся все десятилетие 30-х годов бескомпромиссная борьба, отмеченная драматизмом, мужественной решимостью и высоким идейным накалом, стала важнейшим фактором социальных перемен. Свыше миллиона американских рабочих бастовало уже в 1933 г., отстаивая сносные условия существования и право на организацию в профсоюзы. Но это было только начало. Кривая стачечного движения неуклонно шла вверх. В 1934 г. число участников забастовочного движения достигло 1,5 млн человек²⁸. В борьбу включились десятки тысяч рабочих автомобильной промышленности (Детройт, Толидо), текстильщики (Фол-Ривер), шахтеры (Алабама), портовики Западного побережья, строители, рабочие алюминиевых предприятий, водители такси Филадельфии, швейники Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, Сент-Луиса, Кливленда, обувщики Лина (Массачусетс), рабочие текстильной промышленности и т. д. На фоне всеобщего брожения в рабочих низах, кризиса доверия к политике «классового мира», проводимой лидерами АФТ, усиления влияния левых сил выступления трудовой Америки выглядели как предзнаменование важных перемен во всей системе классовых отношений в стране²⁹.

Самой примечательной особенностью этого нового подъема было то, что рабочие не ограничивались чисто экономическими требованиями, а повсеместно добивались осуществления тех основных прав на коллективную защиту от предпринимательского произвола, которые формально (лишь формально) были гарантированы им НИРА. Используя недомолвки и разного рода недоговоренности в рабочих статьях НИРА (пункт 7А), предприниматели стремились увековечить систему «открытого цеха», воспрепятствовать созданию массовых профсоюзов в старых и новых отраслях. Целый арсенал средств, включая специальные частные полувоенноизированные формирования, использовался ими для насильственного подавления рабочей инициативы и запугивания активистов³⁰. Но все было напрасно. Уроки, которые рабочие США вынесли из опыта борьбы в предкризисные годы, не прошли даром. И главный из них состоял в осознании великой жизненной силы рабочей солидарности, необходимости действовать сообща, организованно в борьбе за улучшение условий существования и труда.

Движение безработных как нельзя лучше закрепило этот урок. Там, где существовали организации безработных, удавалось кое-что сделать для нуждающихся семей, а это «кое-что» в условиях кризиса часто являлось последним и единственным шансом не умереть с голоду, не оказаться в положении бездомных скитальцев. Тяготы, которые пришлось вынести рабочим в их борьбе со своекорыстным классом собственников, пекущимся лишь о собственном благополучии, могли быть значительно меньшими, если бы не было разобщенности и дезорганизации в их рядах. Три года страданий сделали этот вывод самоочевидным и оказали большое воздействие на психический склад рабочего класса. Именно эта спонтанно сознательная реакция рабочего на эгоистическое до жесткости поведение хозяев, демонстрировавших образцы антигуманности, и послужила самым мощным ускорителем того необычайного подъема движения за организацию рабочих в профсоюзы и их радикализации, который начался с 1933 г. и который не знала еще история американского рабочего движения³¹.

Вот образец документа, вышедшего из недр профсоюзного движения того времени. Мы цитируем воззвание Национального совета федеральных союзов рабочих автомобильной промышленности к рядовым членам и активистам профсоюзов от 1 марта 1935 г. Точки над «і» в нем поставлены четко и определенно, язык документа не допускает инотолкований, он лаконичен и предельно тверд. Это призыв к бескомпромиссной борьбе. «Нам противостоят хозяева предприятий, которые говорят языком джунглей. Их философия – это философия Бурбонов, которые, присвоив себе все права и привилегии, отказывают во всем тем, кто трудится на них. Выбор сделан. Нетерпимые условия труда, столь долго существовавшие на заводах автомобильной промышленности, должны быть изменены. Права человека стоят выше прибыли и права на эксплуатацию. Рабочие-автомобилестроители сейчас имеют возможность нанести мощный удар, который принесет им свободу и справедливость»³².

В процентном исчислении количество стачек в защиту права организации в профсоюз увеличилось с 19 % в 1932 г. до 45,9 % в 1934 г. Вплоть до 1942 г. забастовки такого рода составляли почти 50 % общего числа стачек³³. За короткий промежуток времени был остановлен процесс сокращения численности тред-юнионов, неуклонно развивавшийся с начала 20-х годов, причем численность некоторых профсоюзов выросла в десятки и даже сотни раз. Если в 1933 г., согласно данным рабочей статистики, общее число членов тред-юнионов составляло менее 3 млн человек, то в 1940 г. их было уже свыше 7 млн³⁴. По существу, впервые были пробиты глубокие бреши в антипрофсоюзных заграждениях, которыми корпоративный капитал окружил многие ведущие отрасли промышленности с сотнями тысяч занятых в них трудящихся – электротехническую, металлургическую, автомобилестроение, химическую, автомобильный транспорт, нефтяную, авиационную, станкостроительную, горнодобывающую и т. д.

Этот стремительный процесс высвобождения скрытой энергии рабочего движения имел своим источником рабочие низы и носил спонтанный характер. Он застал буквально врасплох не только предпринимателей, либеральных идеологов и политиков, но и воспитанных на догмах гомперсизма старых профсоюзных лидеров. Другая важная особенность – наиболее широкое распространение движения «нового тред-юнионизма» получило среди рабочих основных отраслей промышленности, т. е. там, где степень обобществления труда, рационализации производственных процессов, централизации капитала и концентрации рабочей силы достигла наивысшего для своего времени уровня. Уже сам характер поточного производства на основе конвейерной системы сделал очевидным в глазах занятых в нем рабочих все преимущества отказа от цеховой, замкнутой, элитарной структуры профдвижения и создания в этих отраслях массовых производственных профсоюзов, вовлекающих в свои ряды работников различных специальностей и разной квалификации – от подсобных рабочих до высококвалифицированного персонала. Перспектива ломки склады-

вавшейся десятилетиями структуры профессионального движения, его демократизации и приобщения к решению социально-политических задач больших масс решительно настроенных белых и черных рабочих никак не устраивала верхушку АФТ. Таким образом, конфликт вокруг вопроса об организационной структуре тред-юнионизма перерос в борьбу двух тенденций в профдвижении – соглашательской, оппортунистической, с одной стороны, и классово-сознательной, последовательно демократической, нацеленной на ориентиры более высокого порядка, чем защита одних лишь экономических прав и интересов касты избранных, – с другой.

С каждым месяцем линия водораздела обозначалась все резче, все определеннее. «Новый тред-юнионизм» (или «социальный тред-юнионизм»), привлекая под свои знамена большие массы неорганизованных рабочих, оказавшихся в наихудших, прямо-таки бедственных условиях, решительно отверг план мелких, разрозненных действий, предложенный руководством АФТ, которое открыто помышляло «утрясти» весь конфликт с отдельными группами корпоративного капитала путем кулуарных сделок в рамках старых формул гомперсизма о социальном партнерстве и единстве интересов рабочей аристократии и менеджмента. В полном согласии с этой стратегией руководство АФТ не желало, например, что-либо изменить в статусе черных рабочих, отклонив предложения начать кампанию за их вовлечение в профсоюзы³⁵. В то же время в отличие от национальных и межнациональных союзов АФТ, стремившихся не допускать в свои ряды черных, «новый тред-юнионизм» сделал важный шаг к разрушению расистских барьеров, распахнув двери для «цветных» трудящихся, подвергшихся наиболее жестокому угнетению и дискриминации.

Господствующая в новых союзах атмосфера не имела ничего общего с апатией и поражением, разьедавшими большинство цеховых тред-юнионов АФТ. У. Рейтер, будущий руководитель Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности и активный участник стачечных боев в защиту права на организацию в новые, производственные профсоюзы, отмечал в статье, опубликованной в марте 1933 г., что в них царил совсем иной дух. Они были организованы «на широкой индустриальной основе и руководствовались принципом классовой борьбы». Рабочие, писал он далее, «под левым руководством ведут упорную борьбу с целью создания мощного союза рабочих автомобильной промышленности, боевой классово сознательной организации. Стачки вселили в сознание рабочих Детройта дух мятежа против системы капиталистического феодализма и проложили дорогу к успеху движения, которое не знает параллели в истории автомобильной промышленности США»³⁶. Таким видел молодой У. Рейтер подъем «нового тред-юнионизма». Он был близок к истине. В годы кризиса 1929–1933 гг. и «нового курса» американское профсоюзное движение в целом проделало большой участок пути в направлении к социал-демократическому выбору, о чем, впрочем, не принято было говорить с трибун³⁷.

Ход событий способствовал росту классового самосознания рабочих, самостоятельности низов, обогащению всего движения наступательным духом, выдвижению целой плеяды молодых рабочих-вожаков, тесно связанных с рабочей средой. Их идейный и политический кругозор не был скован рамками узколобого профсоюзного практицизма, элитарной психологией рабочей верхушки. Особое место и роль среди них принадлежали коммунистам, явившимся буквально из подполья. В июле 1934 г. филиал АФТ в Детройте провел неофициальное обследование состава рабочих-активистов по идеологическому принципу и нашел, что следующие группы играют лидирующую роль: коммунисты, сторонники АФТ, члены ИРМ и социалисты. Коммунисты были названы первыми, а их деятельность охарактеризована следующим образом: «Компартия еще десять лет назад завоевала руководящие позиции в профсоюзе авторбочих и длительное время была единственной боевой силой в автомобильной промышленности»³⁸.

Перечень отраслей, где коммунисты, действуя фактически поначалу в одиночку, очень часто маскируясь под кочующих агитаторов без определенной политической ориентации, заложили основы массовых профсоюзов, можно продолжить: в таких из них, как сталелитейная, электротехническая, химическая, резиновая, текстильная, мясоконсервная и др., коммунисты проявили себя не только мужественными организаторами и политическими вожаками масс, но и творцами новой тактики «промышленной войны», принесшей в конечном счете серьезные успехи³⁹. Нельзя не учитывать вместе с тем, что коммунисты и другие левые группы руководили «обучением» рабочего класса стачечной борьбе в особо сложной ситуации – после длительного периода «отвыкания» от активных массовых действий и в условиях сохранения враждебного противодействия со стороны верхушки АФТ⁴⁰.

Конец 1934 и начало 1935 г. на внутреннем фронте борьбы труда и капитала, демократии и реакции были ознаменованы рядом событий, которые не оставили сомнений, в каком направлении стремятся развиваться рабочее и демократическое движения. Радикализация широких масс и прямые действия с их стороны (всеобщие стачки, выступления безработных, фермерские волнения и т. д.) сочетались с качественно новыми явлениями – повышением уровня синхронизации движений социального протеста и усилением тенденции к их идейному и организационному сближению. Борьба рабочего класса получала определенную поддержку со стороны средних слоев, демократической интеллигенции, национальных меньшинств. Укрепились связи между фермерскими организациями и профсоюзами, организации безработных искали контактов с забастовщиками. Осенью 1934 г. и весной 1935 г. были сделаны первые важные шаги к объединению движения безработных⁴¹. Были сделаны также важные шаги к конституированию крупных отраслевых профсоюзов индустриального типа.

За всю свою историю рабочее движение как политический фактор никогда не приобрело такой высокой степени самостоятельности. Его давление на институты власти возросло многократно. Осенние выборы в конгресс в 1934 г. показали, что поддержка рабочего и демократического движения имеет для «нового курса» и рузвельтовских либералов, возможно, решающее значение. Из этого факта следовал и другой вывод: пассивность правительства в деле улучшения законов о труде и социального обеспечения грозила обернуться на президентских выборах 1936 г. сокрушительным поражением демократов и возникновением мощной политической оппозиции двухпартийной системе под левоцентристским руководством. Принимая во внимание успехи движения Народного фронта во Франции, Испании и ряде других стран, нетрудно было предвидеть, в каком общем направлении будут в этом случае развиваться события и в США.

Новая ситуация, возникшая в связи с поляризацией классовых сил в стране к середине 30-х годов и нарастанием сопротивления капитала и консервативных сил, потребовала от рабочего движения удесятить усилия, с тем чтобы продвинуться вперед в деле создания массовых профсоюзов. Однако добиться этого оказалось совсем непросто, несмотря на то что права рабочих на создание независимых профсоюзов были как будто гарантированы историческим законом Вагнера (Закон о трудовых отношениях), инициированным правительством, с энтузиазмом поддержанным рабочим движением и принятым в 1935 г. конгрессом. Причина крылась не только в жесточайшем противодействии со стороны предпринимателей, но и в трудностях внутреннего порядка, являющихся результатом раскола рабочего движения, десятилетиями культивируемого всем комплексом общественно-экономических условий, всем укладом жизни американского общества.

Многонациональный состав, расовая рознь, отсутствие серьезного опыта самостоятельной политической деятельности, традиционные идеологические слабости американского профдвижения (подчинение двухпартийной системе, засилье профсоюзного эконо-

мизма и т. д.) – все это сильно затрудняло сплочение рабочего движения под знаменем борьбы за новое качество жизни, соответствующее американским стандартам. Вот почему, когда перед профдвижением США встал важный вопрос о расширении его массовой базы, оно оказалось вовлеченным в острейший конфликт, внутреннюю смуту, которые помешали ему играть еще более заметную роль в событиях.

Как известно, истоки этого конфликта восходят к идейным разногласиям между прогрессивным и консервативным течениями в организованном рабочем движении США, проявившимся еще в начале XX в. Но непосредственная причина заключалась в отказе большинства руководства АФТ оперативно откликнуться на жгучие проблемы, с которыми столкнулись в годы Великой депрессии широкие массы трудящихся. Однако появилась возможность выхода рабочего движения на качественно новый уровень, соотношение сил в профдвижении с каждым месяцем менялось не в пользу цеховых, кастово замкнутых союзов. Даже увеличение рядов самой федерации шло главным образом за счет производственных союзов, входивших в нее⁴².

С каждым годом все определеннее выявлялись интересы сторон, вовлеченных в эту тяжелую войну в «рабочем доме». В то время как рабочие массы в ведущих отраслях промышленности выступали за перестройку профдвижения на началах создания широких производственных союзов, сильных солидарностью входивших в них членов, консервативные лидеры в АФТ настаивали на увековечении принципов цеховщины, раскола профдвижения, его децентрализации. Лозунгом масс становилась последовательная борьба за улучшение своего материального положения и за социальные права с использованием широкого арсенала средств и методов борьбы (всеобщие и сидячие забастовки, голодные походы, демонстрации, политические кампании и т. д.). Напротив, для большинства лидеров АФТ эти методы были неприемлемы, ибо граничили в их понимании с бунтом и даже революцией. Большинство рабочего класса интуитивно, а иногда и сознательно настаивало на более решительном вмешательстве организованного рабочего движения в политику. Но с этим и подавно никак не могли примириться лидеры АФТ, которые усматривали в любой попытке создать специальный политический механизм, способный защищать интересы трудящихся, происки «красных», навязанный внешними силами умысел сбить их с дороги политического «нейтрализма», проложенной Гомперсом.

Лидеры АФТ делали все от них зависящее, чтобы отдалить неизбежное⁴³. В 1934 г. в Сан-Франциско собрался очередной съезд АФТ. Уже здесь борьба между сторонниками организации рабочих в профсоюзы по производственному принципу и защитниками цеховщины приняла острый характер, хотя и не дала определенных результатов. Было очевидно, однако, что рано или поздно это произойдет. Те профсоюзные руководители, которые выступали за создание производственных союзов (Дж. Льюис, С. Хиллмен, Ч. Говард и др.), все лучше сознавали, что попытки чинить искусственные препоны почину, идущему снизу, ведут только к росту политического радикализма. И именно эта группа влиятельных лидеров решила форсировать разрыв с утратившим моральный кредит в глазах миллионов рабочих консервативным большинством в исполкоме АФТ. На 55-м съезде АФТ в г. Атлантик-Сити, после открытого столкновения между консервативным большинством и сторонниками производственных профсоюзов, в ноябре 1935 г. в рамках АФТ был создан Комитет производственных профсоюзов, целью которого объявлялось содействие объединению неорганизованных рабочих в производственные союзы. В общественной структуре США возник влиятельный центр притяжения для левоцентристских сил.

Исполком АФТ сразу же расценил случившееся как возрождение параллельного тред-юнионизма, как подрыв «основ». Однако это нимало не обескуражило тысячи молодых энтузиастов, по всей стране приступивших к организации в производственные профсоюзы рабочих в основных отраслях промышленности. Движение поднялось на новую ступень, вызвав

замешательство даже у тех лидеров, которые не прочь были присвоить себе лавры «отцов-основателей» КПП. Приход левых сил к руководству ряда вновь созданных профсоюзов подлил масла в огонь. Борьба противоборствующих сил в американском профдвижении вступила в фазу острейшего конфликта. Сопrotивление гомперсистов было не единственным, что пришлось преодолеть прогрессивным силам в борьбе за вовлечение миллионов рабочих в ряды профсоюзов. Сражения на предприятиях с хозяевами и менеджментом оказались еще более ожесточенными. Корпорации были полны желания не допустить вторжения производственных профсоюзов на территорию промышленных империй. Накал индустриальной войны в 1936–1938 гг. достиг высшей точки.

Опираясь на формальное подтверждение конгрессом своих прав, зафиксированных в Законе о трудовых отношениях (Закон Вагнера), рабочие повели лобовую атаку на позиции монополий в основных отраслях. Еще невиданная до того волна стихийно возникавших по инициативе снизу забастовок буквально захлестнула крупнейшие промышленные центры США. Главным лозунгом стачечников стало требование признания созданных ими самими профсоюзов, а отличительной особенностью всего забастовочного движения – широкое распространение так называемых «сидячих забастовок». Около полумиллиона рабочих приняло участие в таких забастовках с сентября 1936 по май 1937 г.⁴⁴ В 1936 г. число таких стачек достигло 50, в 1937 г. – 170⁴⁵. Объявив стачку, рабочие не покидали территорию предприятия до тех пор, пока их требования не получали удовлетворения. Жестоким репрессиям полиции и частных охранных отрядов рабочие противопоставили стойкость, волю, высокий дух классовой солидарности.

Для Рузвельта используемые рабочими в широких масштабах новые формы борьбы создали чрезвычайно острую политическую проблему. Политический истеблишмент, предприниматели в один голос требовали от правительства подавить (любым путем, включая применение грубой силы) рабочий бунт, грозивший наградить вирусом незаконопослушания и анархии все общество. Президент колебался. У него как-то вырвалось: «Чума на оба ваши дома». Но стремление сохранить поддержку рабочих, принесшую ему уже внушительные победы на общенациональных выборах, заставило предпочесть сжато кулаку сдержанность. На пресс-конференции 15 апреля 1937 г., на которой не было репортеров, но где присутствовали ведущие газетные издатели и редакторы, все как один безоговорочно отвергавшие «новый курс» и жаждущие провала Рузвельта, президент объяснил свой отказ публично осудить «сидячие забастовки» убеждением, что отношения между профсоюзами и предпринимателями должны пройти через эти испытания, прежде чем новые принципы будут усвоены и приняты обеими сторонами. Рузвельт как будто бы вспомнил уроки Вильсона, проповедовавшего терпимость к «заблудшим» душам.

В истории страны еще не было ничего подобного. Пресса писала о сходстве ситуации, возникшей во многих промышленных центрах США, с той, что имела место во Франции и Испании, где у власти в то время находились правительства Народного фронта, а еще ранее в Италии накануне фашистского путча в 1922 г. Реакцию владельцев монополий на эти события и (что поделаешь) само собой напрашивавшиеся параллели высказала 7 января 1937 г. в редакционной статье влиятельная «Детройт фри пресс». В статье под названием «Война против «Дженерал моторс» говорилось: «Президент корпорации Слоун сказал, что вопрос стоит так: либо заводы нашей корпорации будут управляться рабочими организациями, либо менеджмент сохранит свои полномочия. Вот какой представляется нам ситуация»⁴⁶. Напротив, ликованием встречали успехи «сидячих забастовок» жители рабочих кварталов. Известная американская журналистка Мэри Хитон Ворс писала в своем репортаже об окончании стачки на заводах «Дженерал моторс»: «Рабочие вышли на демонстрацию со знаменами, распевая песни. Они остро сознают свой огромный созидательный потенциал. Они прошли

путь от заводов до центра города, а затем вернулись к зданию, занимаемому штаб-квартирой профсоюза. Такой массы радостных, возбужденных победой людей Флинт еще не видел. Улицы полны народом. Мужчины и женщины, сидящие в машинах, участники демонстрации, говорят друг другу: «Присоединяйтесь к союзу! Мы свободны»⁴⁷.

Успехи рабочего движения, его роль и влияние в политической жизни могли быть еще большими, если бы оно сумело найти пути к преодолению раскола в своих рядах. Однако ни руководство АФТ, ни традиционалистски настроенная часть общественного мнения не примирились с фактом организации независимого центра и с философией, исповедуемой его сторонниками. Несколько изменив свою собственную позицию в отношении вовлечения неорганизованных рабочих в профсоюзы, сделав ее более гибкой, лидеры АФТ тем не менее не отказались от мысли добиться ликвидации КПП.

Практически вопрос о конституировании КПП в самостоятельный центр профдвижения был решен на конференции Комитета в Атлантик-Сити (осень 1937 г.), которая приняла программу новой организации. Ее первый съезд, собравшийся в Питтсбурге в ноябре 1938 г., принял устав и официальное наименование – Конгресс производственных профсоюзов. Президентом КПП был избран Джон Льюис, президент профсоюза горняков. Раскол между «простым и чистым тред-юнионизмом» и течением, ориентирующимся на более широкие социальные цели, стихийно тяготеющим к антибуржуазности и политической самостоятельности, стал фактом, наталкивающим современников на далеко идущие выводы в отношении будущего.

КПП в первые годы своего становления и развития был боевой организацией, вобравшей многие прогрессивные черты и традиции американского рабочего движения. Своим демократическим духом и решимостью вести последовательную борьбу за экономические и социальные права рабочих, белых и черных, мужчин и женщин, квалифицированных и неквалифицированных, КПП обязан был тому, что он создавался в ходе схваток в промышленности и опирался на рабочие низы, выдвинувшие из своей среды сотни способных, преданных интересам своего класса руководителей новой формации. Самым же существенным было то, что КПП возник и некоторое время развивался как определенная идейная, политическая и организационная общность, одним фактом своего существования бросившая вызов гомперсизму, этому живому воплощению крайностей профсоюзного экономизма, засилия бюрократической машины старых, интегрированных в олигархическую структуру американского общества кастово-замкнутых цеховых союзов⁴⁸.

В качественно новый этап своего развития вступило в 1935–1936 гг. и движение безработных. Внутри его усилились объединительные тенденции, в связи с чем в значительной степени расширился и диапазон его политического влияния на события. Весной 1935 г. на базе руководимых социалистами организаций безработных был создан Рабочий альянс Америки, который в январе 1936 г. принял решение о слиянии с самым крупным и влиятельным течением в движении безработных – советами безработных, во главе которых стояли коммунисты⁴⁹. Уроки борьбы европейского рабочего движения против фашизма и реакции, опыт политики Народного фронта положительно сказались на процессе развития унитарных тенденций. В марте 1936 г. было выработано соглашение об объединении всего движения безработных под эгидой единой организации, принявшей название Рабочего альянса⁵⁰. Коммунисты и социалисты в его руководстве были в большинстве, им принадлежало решающее слово. В принятой съездом (апрель 1936 г.) «Декларации принципов» говорилось о необходимости борьбы за «полную свободу» рабочих и фермеров, используя всю имеющуюся в их распоряжении «политическую и экономическую мощь». В документе высказывалась решимость добиваться установления «нового социального строя, при котором плановое производство в соответствии с нуждами людей заменит сегодняшний хаос в производстве, под-

чиненном принципу наживы»⁵¹. Рядовые участники движения едва ли что-либо слышали о стратегических замыслах руководства, но в политических кругах они не могли не остаться незамеченными.

Рабочий альянс приобрел значительное влияние и вес в общественно-политической жизни страны. И АФГ, и КПП поддерживали с ним тесные отношения. Правительство официально признало Рабочий альянс в качестве законного представителя рабочих, занятых на объектах ВПА (WPA). Используя в полной мере оружие непарламентских, массовых действий, Рабочий альянс превратился в одну из важных групп политического давления на правительство и конгресс. В этом факте нашла свое проявление одна из главных закономерностей общественного развития США в «бурное десятилетие» 30-х годов, выразившаяся в неуклонном возрастании роли трудящихся масс в борьбе за социальный прогресс. Многократно вырос объем массы, активно участвующей в историческом действии. Стачки и выступления рабочих охватывали уже не сотни и тысячи людей, а десятки и даже сотни тысяч участников. Поведенческие стереотипы рабочего класса претерпевали серьезные изменения. Этнический и расовый факторы уступали место рабочей солидарности⁵². Самое же главное состояло в том, что рабочее движение в целом поднялось на более высокий уровень политической деятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.